**ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКАЯ
КРИТИКА
И ЭССЕ**

Александър БАЛАБАНОВ

БЪЛГАРИЯ И КЛАСИЧЕСКАТА КУЛТУРА

Един покоен вече български дипломат с голяма европейска култура, с тънкости в мислите и чувствата, ценен крайно много от първенците в Европа, често в разговори ма казваше.

Някои работи вървят в България зле, грубо, касапски, в лошата смисъл на думата - балкански, неоригинално, защото ние българите нищо не знаем от митологията...

И аз от сърдце му давах право. Защото знаех, че той под митология разбира всичко най-хубаво, най-ценно, най-плодовито и най-поощрително от класическата, елинска древност...

И колкото и да е шеговитата и лека формата на израза му, тя има дълбочина на прорицанието.

Класическата цивилизация е майка на бляскавата европейска.

И европейската цивилизация победи цялото земно кълбо.

Тя владее вече от Токио през Пекин през Сибир и Москва през Берлин и Париж до Лондон и до Ню Йорк и Чикаго и Вашингтон и Бразилия, и Аржентина и Перу и Чили и Египета и вече цяла Австралия и Африка. Само там, гдето тя още не е пълна господарка, само в тия затънтени африкански земи диващината е още господарка...

И друг пример още.

Мнозина говорят за азиатска култура, за древния Китай и за Япония и за Индия. Особено се разчу тая дума в епохата преди петдесет години, когато някак си се лансира индологията. Но скоро се видя, че тъкмо изучаването на индийските, на китайските и на японските работи потвърждава нашата светла мисъл за класическата всеподобна култура.

И европейската култура не е само току така рожба на класическата, не, тя е още и невръстна рожба, без майка си не може.

Отдели ли се - чака я гибел неминуема.

Ето, дойде един момент в живота на човечеството, някак си се прекъсна, скъса се нишката, счупи се цевта, през която

минаваше сокът на древната класическа цивилизация в жилите на човечеството.

И настъпиха ония грозни, тъмни, студени, пустинни и неплодни средни векове, когато никаква нова мисъл не се роди, а старите, дълбоките се бяха изродили...

Целият свят бе заприличал на мрачна и ледовита пясъчна пустиня, в която вятърът бучеше не за да разнася и живот, не за да пропъжда от земята гнилостта и мъглата.

И само когато пак се доближи класическата душа до нашата, отново потекоха свежи потоци из пустинята, гръмотевици разведриха небесата, в кратко време пустинята се обърна на росна и плодovита градина, с много цветя и с ливади и с гори безгранични, догдето гледа глед...

И не без пълно право този нов момент се нарича възраждане на човечеството. Ренесанс.

Обърнете историята на човешката мисъл, на човешките творения, таблицата и хронологията на изобретенията. И ще видите. Дотогава, до възраждането, което дойде от хуманизма, а хуманизма - човещината дойде от класическата душа - никое изобретение не бе направено. Човешкият ум бе заспал в дълбок зимен сън...

И само от момента на съприкосновението с античните автори почна новият плодovит и бляскав свободен живот...

Толкова човечеството е свързано с древнекласическата култура...

Толкова неговият живот във всички отрасли бе зависим само от класиците. И за поезия, и за скулптура, и за наука - за всичко, въобще за самото мислене... Но някои и досега се запалват от ориенталската цивилизация.

И то не толкова от мислене и от издирвания, а просто от упоритост, от навик или от снобизъм, да се каже, че са не с всеобщо приетите мнения, понеже горките сами нямат никакви мнения за нещата.

Ами свободата? Тя от къде дойде?

Азия бе само мракобесие, деспотизъм, робство на човечеството, сатрапство бе земята на народите, съзнанието дори за свобода липсваше, не бе родено в човешката душа.

В Европа бе царството на свободата.

Възродителите на човечеството - Петрарка, Данте, Бокачио и толкова други гении най-много се държяха за класическата древност заради свободата на човешкия дух, който бе основата, вродената мисъл и на класицизма.

Петрарка писа: на човека е дадено не да бъде роб, а да бъде свободен. И всеки да се изразява свободно според своите

мисли исхващания и начини. Само класиците бяха такива. Само тяхна е свободата. И само от тях може да ни дойде.

И наистина е така.

Не един път съм мислил върху тия думи и сам от себе си и аз съм възкликвал:

Така е, защото Азия бе хиляда и една нощ, Европа бе Прометей...

България е близо до извора. Била е винаги близо. И ако е имала нещо голямо в миналото, имала го е поради тая близост.

Дори и духът на свободата, дори и борбите ни против елинското робство - ние изкарахме само с това, което бяхме научили от самите елини.

Борба за свобода.

Един вид - ударихме ги с техните камъни...

Както хубаво изтъква това един голям поклонник, един страстен обожател на класическата култура, моят скъп приятел, един от първенците на българската мисъл, един първотворец и деятел на българския духовен живот, моят скъп приятел Симеон Радев в една статия за елинизма в България...

И ако нашият език се разви тъй рано и с голяма гъвкавост и сила и сложност три-четири века преди европейската на запада, ако нашата национална литература е най-старата в Европа, ако, както и друг път съм изтъквал това, в град Мец в западна Европа дори в двайсетото столетие горяха книги, защото не били написани на народен език, в България четиристотин години преди това имахме си бляскава писменост, национална вече и на един богат и мощен български език.

Който иска сам лично да се увери в тия мои думи, нека отърчи до Преслав - и там ще се замае от прелестите на националната българска култура и писменост още в деветото столетие.

Това се дължи безспорно на нашето ранно съприкосновение с античното. На нашето най-ранно и първо допиране с класическата Елада чрез Византия. На това, че три века преди Европа ние можехме да прием вода от извора.

И също като цялото човечество.

То се възроди от съприкосновението с древността.

Ние почнахме да съхнем, защото поради турското робство, поради много събития на нашия Балкан не само ние, а и всички балкански народи - и най-голямото чудо! Дори и самата Елада - щом се откъсна от древната класическа струя... загубя, опустя, стана мъртва...

И трябваше тя самата да дири огъня си не направо от своето минало, а от пламъка на Европа, запалена от самата нея...

Ние в България трябва добре да съзнаем и да се проникнем от тия мисли.

И ето защо преди десетина години се основава едно дружество на приятелите на класическата култура в България, на което имам честта да съм председател още от основаването му до сега. Самото име говори за целта на това дружество.

И от се радва, че му се даде възможност да издава свое списание със същата цел.

И това списание се нарича "Прометей".

И в него ще сътрудничат нашите видни древневеди, пък и всеки, който има нещо хубаво да ни каже в тая област...

Ние излизаме с първите си книжки.

И с упоритост разчитаме на подкрепата на всеки българин.

1937 г.

Александър БАЛАБАНОВ

МОДЕРНО И АНТИЧНО

Нещо преди тридесет години през всички страни на европейската цивилизация почна да вее духът на някакво реалистично "освестяване", студеният дух на манията за "практичното".

И, разбира се, всички резоньори най-напред се нахвърлиха против тъй нареченото класическо образование. И тяхната работа бе лека, плитките и безкултурни хора, на тях най-лесно и без всякаква отговорност можеше да се внушава мисълта, че всякакво класическо образование е излишно, че трябва да се взема само полезното "реално" или както казваха те, това, което "давало хляб". И тоя студен вятър направи много пакости в света. Но в напредналите страни по-силните личности отрано се сепнаха и с голяма енергия съживиха отново интереса към античното в нашия свят, който бе захванал да съхне и пуснее. И се появи една буйна реакция против агитаторите за "практичното". Тези личности доказаха, че най-полезна и най-практична за нас е тъкмо тая антична култура, рожба и продължение на която е цялата бляскава европейска цивилизация. И тогава страстта към класическото образование се засили още повече. Не само във Франция, не само в Англия, не само в Германия и Русия, ами дори и в прочулата се по практичност Америка. Особено в Америка: там пък тъкмо тая ревност към класическото се превърна в мания: и младо, и старо се нахвърли с жад на класическото, за да може да пие вода от самия извор.

Както обикновено, и тоя път "борбата" около тия въпроси завилня тъкмо тогава, когато се бе завършила в цивилизования свят. И всичко класическо у нас се събори. И много лесно, защото нямаше и какво да се събаря. И тогава, както и сега, ни еси бяхме и си оставаме най-некласическата страна на света, страна, в която има най-малко влияние светлата антична култура. И тъкмо затова у нас яростта на враговете ѝ беше стихийна. И за един миг унищожи и това малко, което имаме. Защото там, дето нямаше нищо, много

лесно бе да се поеме борба против това нищо и да се пожънат големи и евтини успехи.

Още далеч преди Освобождението на България, още когато почти нямаше нито литература, нито никакви изкуства в българската земя, още когато нямаше дори и книги, още тогава у нас се почна борба против изкуствата и против поезията. Една от първите книги, които са преведени на български в тези епохи преди Освобождението, е книгата на руския голям "реалист" и резоньор Писарев "Разрушение на естетиката". И не можеше другояче: тъкмо тогава естетиката в България беше в такова обилие, щото преливаше на всички страни...

Тоя малък пример показва колко безкритични роби сме били и сме за всяка мода, стига да ни у подшушне някой, макар и за подбив.

И ето затова, и ето поради това лековерие България остана най-назад в класическата култура. Във всички отрасли на духовния ни живот ние сме с най-малко влияние от страна на класическото. Просто сме в това отношение мрачни като средните векове. Особено в областта на нашата литература. Затова и още нямаме ние напълно оригинални и национални големи литературни творения. Затова бедната наша литература като безстопанствено псе полита ту насам, ту натам по всеки залък, хвърлян от разните моди в Европа. И затова ние под "модерно" разбираме само "модното".

А всъщност, против истински модерното кой би могъл да се опълчва? Целият дух на класическата литература, например, изисква и налага само модерното. Самите класически народи са били винаги само за модерното. Като са разбирали правилно под модерно това, което е за живота и от самия живот. Както е била и цялата им поезия просто една отливка на самия живот. Иначе най-малко те в своето време биха се интересували от една мъртва или книжна поезия.

Моля някои от читателите да не прибързват да се сещат за противоречието, което им се хвърля в очите. Тук няма никакво противоречие. Тоя спор за модерното и за древното се е подигал още в самите класични времена. Обилни отгласи на тия борби се намират в съчиненията на самия Хораций, такъв елмаз във венеца на античното. Той сам се застъпва с все сили за модерното. Той сам изтъква с хубави примери, че именно древните елини са били винаги само за модерното в поезията. Но пак тъкмо той доказва с такава неотразимост, че всяко модерно ще изсъхне, ще се обърне само на досадна и пуста

игра на модата, щом се отдалечи от извора, който му е дал живот...

Ето в такъв смисъл и ние в България да сме си винаги с живота и в литературата, и в другите изкуства, да сме модерни, но да не забравяме никога, че само с постоянното общение с класическото е гатанката на живота. И на обилието, и на оригиналното, и на модерното. Не напразно един Лев Толстой, като почнал да изучава от основи класическите езици в най-зрялата своя възраст, пише в едно писмо до Надсона в Ница: "Сега разбрах, че без класическото - няма образование." И след това той стана за света Толстой...

Атанас ИЛИЕВ

КОНФЛИКТЪТ МЕЖДУ РОДНОТО И ЧУЖДТО

Програмата за творческата дейност на литературния кръг "Стрелец" е вече известна на читателя. Тя изразява стремежа на писателите от този кръг към сродяването на западноевропейските културни ценности върху почвата на родното.

Върху тази програма вече се написаха няколко статии в "Изток". Към нея проявиха интерес и други културни организации. У някои обаче тя буди известно недоумение. "Какво е собствено новото в тази програма? - ме запита редакторът на едно от сериозните ни списания - Нима всеки от нас не знае, че трябва да използваме културните придобивки на Запада и все пак да не забравяме, че сме българи?" Друг пък ме запитва: "Какво ново би допринесла тази програма за характеристиката на родното? Въставате срещу повърхностното отнасяне към родното; не сте доволни от описанието на неговата външност (тия хармани, гайди и бъклицы) - но нима процесът на вдълбочаване не става постепенно и спонтанно, нима той не трябва да започне от външното, за да стигне до съкровенията дълбини на народната душа? При това, родното и чуждото нима не са разделени и за писателите около "Изток"? Наред със статиите за родното тук виждам стихотворение за Нимрод, разкази за синьоре Виолончело, за клуба на мандарините, за бреговете на Ганг. Какви са новите открития из областта на родното? Изразете по-ясно съкровенията дълбини, към които се стремите!"

Какво е новото в програмата на литературния кръг "Стрелец"? - За да отговорим на този въпрос по-пълно, трябва да разгледаме въпроса за отношението ни към родното. Преди войната този въпрос не занимаваше умовете. Той се повдигаше съвсем инцидентно и писателят, който го е повдигнал, бързаше да се извини, че може би ще отгечи читателя. Така постъпи Симеон Радев в една своя сказка, отпечатана в последната годишнина на сп. "Художник". Интересът към

родното преди войната, изобщо, можеше да се възбуди само по пътя на художественото му пресъздаване и по линията на външните му очертания. Той не бе достатъчно назрял у нас, за да създаде една културно-историческа проблема. Художественото пресъздаване на родната действителност бе добре дошло под каквато и да било форма. Достатъчно бе само "да не забравяме", че сме българи.

Войната ни постави в непосреден контакт с широките маси на народа. Държавникът трябваше да апелира към народа, да потърси живата му сила; писателят и художникът бяха поставени на фронта и трябваше да се приобщят към своите другари по оръжие. Войната приближи интелигенцията към народа. Силните чувства - радостите и болките от нещастните превратности на съдбата - създадоха нова връзка между отделните слоеве на българския народ.

Войната бе едно спонтанно вдълбочаване в родното. Веднага след настъпването на мира започва нов подем. Не закъсняха да се появят и студии върху физиономичните черти у българина. Мнозина се опитаха да направят преценка на всичко, което бе създадено преди войната. Новото гледище бе идеята за родното.

Но родното бе вече противопоставено на чуждото. Нашият народ се бе развил твърде бързо от освобождението насам; той не успя да асимилира западната култура. Старото и новото не можаха да влязат в органическа връзка помежду си, а създадоха конфликт в психиката на нашата интелигенция. Този конфликт, както изтъкнахме в една от миналите си статии (Зовът на родината, Изток, бр. 40), бе създал едно болезнено родинодирене: всеки от представителите на нашата интелигенция бе намерил своята духовна родина някъде на Запад и мъчно можеше да съедини топлото чувство към тая родина с изискванията на суровата българска действителност.

Противоречието между родното и чуждото бе възникнало върху почвата на недоверието ни към родното. Ние ли бяхме твърде много недоверчиви, или пък родината ни не заслужава доверие? Мъчно бихме могли да отговорим на този въпрос. Едно е несъмнено: между родното и чуждото бе възникнало противоречие - и това противоречие остана в сила дори дори и след като започнахме да ценим родното. Виталната любов към родината, откърмена в родното ни детство, остана потисната и заключена в душата ни дори и след като войната ни бе потопила в дълбочините на народната стихия. За втори път обикнахме родното, но го обикнахме като зрели хора,

оценихме положителното у българина, но го оценихме тъй, както биха го оценили и самите чужденци.

В нашата любов към родината липсваше онзи континуитет, който е залог на всяко творчество назряване. Ние бяхме лишени от виталната любов към родината; ние държахме заключена тази творческа стихия в душите си - и каквото успяхме да направим, направихме го без нейното съдействие.

В нашата любов към родното имаше нещо разсъдъчно. Ние искахме да отправим нашето изкуство към дълбочината на народната душа, но то изплуваше на повърхността ѝ и се плъзгаше по контурите на външната действителност. И не можеше да бъде другояче, защото ние бяхме вече хора на Запада и не можехме тъй лесно да възстановим непосредните си връзки с родната земя. Имаше грубо несъответствие между умението ни да се вдълбочаваме в чуждата култура и неумението ни да изразим родното. Конфликтът между родното и чуждото, който се яви като първи етап от културното ни развитие, продължаваше да ни гнети дори и след като причините за неговото възникване бяха отстранени. Защото ние бяхме привикнали да противопологаме родното на чуждото.

Задачата на литературния кръг "Стрелец" е да победи тази привычка. Писателите от този кръг са убедени, че противоречието между родното и чуждото е едно печално наследство от миналите етапи на културното ни развитие. Те считат, че българската интелигенция е отдавна назряла за едно сериозно отнасяне към родното и че причините за неумението ѝ да се справи с родната действителност лежат не на културно-историческа, а на чисто психологическа плоскост. Процесът на вдълбочаването ни в родното, в този смисъл, би могъл да се движи не по пътя на бавната еволюция, а по пътя на диалектичното развитие. Нашето изкуство бе замръзнало върху повърхността на родната действителност. Напразно бихме очаквали от едно такова изкуство спонтанно вдълбочаване. Не! - нашето изкуство твърде дълго стоя върху повърхността на родното. То трябва да бъде рездвижено от една нова струя, трябва да бъде ориентирано в една нова насока.

Писателите от литературния кръг "Стрелец" желаят да отключат извора на виталната любов към родното. Разбира се, от това не следва, че те трябва да останат индеферентни към чуждата култура. Тъкмо обратното: те разчитат на нейното съдействие в своя смел набег към дълбочините на родната

действителност. Защото родното и чуждото, както вече казахме, се противопоставят само при повърхностното отнасяне към тях. Разказите за "синьоре Виолончело", за "клуба на мандарините" и за "бреговете на Ганг" имат своето място в страниците на "Изток". Сътрудничеството между родното и чуждото трябва да бъде дирено не в предмета на художественото пресъздаване, а в духа на автора и читателите. Родното би могло да ни изведе към чуждото, тъй както и чуждото би могло да ни отпрати към родното и да улесни просеца на вдълбочаването ни в него. Необходимо е само да преодолеем създадения в миналото конфликт между родното и чуждото. Необходимо е да преодолеем преходната епоха, която създаде този конфликт. Необходимо е да хвърлим мост през "епохата на бай Ганя" - и да сродим европиезирания българин с виталната любов към родината, която създаде "Подвига на първите".

ВОСТОЧНОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 – 583.
Воронеж, 2008 - - - **439** - - - Воронеж, 2008
Націоналізм у Великій Східній Європі, С. 427 – 583.

Дејан АЈДАЧИЋ

**КЊИЖЕВНО ОБЛИКОВАЊЕ ПРЕДСТАВА
О ПРОТИВНИКУ У БУГАРСКО-СРПСКИМ
РАТОВИМА**

Ратови преусмеравају духовне и физичке снаге народа у рату и мењају свеукупан друштвени живот, потчињавајући и културу војно-политичким околностима. Изазивајући преломе у судбинама огромног броја људи и читавих држава у историјском току, током војних сукоба мењају се и механизми обликовања представа о сопственом народу, о савезницима и о противницима. Обликовање представа у књижевности насталој током рата или о рату, носи опште, типичне, али и конкретне историјске црте. Ратови Бугарске и Србије крајем **19.** и почетком **20.** века у историјском памћењу два народа нашли су одраза у текстовима усмене и писане књижевности. Предмет овог разматрања су представе о Бугарима у српском фолклору и књижевности, као и представе о Србима у бугарском фолклору и књижевности у периоду **1885-1918.** Поред указивања на ауторе и текстове, биће упоређене идејно-моралне и поетичке стратегије обликовања представа о противнику у ратовима **1885,** балканским ратовима и првом светском рату.

Корпус текстова чине фолклорне и ауторске песме у фолклорном стилу Бугара из књиге Анатола Анчева и српских песмарица из легата Војислава М. Јовановића, у којима се каткада наводи из које је јединице био певач (Радив. М. Митровић, редов коњичког дивизиона II ескадрона Дунавске дивизије другог позива из Биновца, Смедерево или Петар Јовић пуковски писар из Горњег Матејевца). У разматрање су узети и књижевни текстови Ивана Вазова, Михалаки Георгијева, Кирила Христова, Стаматова, Вере Мутафчиев, Бранислава Нушића, Драгутина Илића, Милисав Савића.

Када је реч о историјским и књижевноисторијским истраживањима представа о противнику, незаобилазна је дисертација фолклористе Анатола Анчева Песни за сјрбско-бјлгарската война от **1885** г. посвећена у највећој мери

певачима, настанку текстова и њиховим жанровским цртама, студије Румјане Коневе о рату и култури Българските писатели и войните на полуострова **1912-1918** и Съседът между мира и войната, те изванредна имаголошка студија нажалост прерано преминулог Величка Тодорова “Знам ги аз тях!” Србиа и сърбите в българската литература у којој се испитује историја представа о Србима са становишта историјских околности, односа два народа, колективних психолошких очекивања и пројекција. Српски аутори нису у центар своје пажње постављали књижевне текстове о ратовима са источним суседом, већ су своја запажања давали узгред у књижевноисторијским студијама о појединим ауторима и историјским студијама о српско бугарским ратовима.

Обликовање представа о народу против кога се ратује помера се ка негативном полу, он се оцрњује, њему се приписују изразито негативне црте. Тако се заоштравају колективна осећања са циљем обједињавања сопствене заједнице против противника. **ОЦРЊИВАЊЕ** противника се у текстовима спроводи придавањем атрибута којим се он унижава и сврстава у нижевредна бића, карактерише морално безвредним или нељудским цртама, различитим врстама проклињања и призивања зле судбине, наративног образлагања нељудскости у историји и савремености.

Говорећи о јевтиној пропаганди Кирила Христова, Румјана Конева пише: “Ма колико да су екстремна дела у бугарској књижевности која формирају представе лика, она су по страни од општег лика о суседу. Формирајући мржњу и осећање ’љуће освете’ према противнику, творац изграђује бугарску представу тог рата”. Пропагандно виђење рата са српске стране представља огледалски одраз бугарске представе са промењеним улогама доброг и злог. Језик мржње изграђује српску представу рата. Те две представе су сродне по начину формирања слика, психолошким и социјалним изворима њиховог обликовања, начину изазивања осећања. Различити су само етнички пошиљаоци и примаоци порука. Нужда за ефикасним војним дејствима сразмерна је напору утврђивања јединства свим средствима, па и средствима књижевне пропаганде. Наравно, поред такве друштвене наруцбине, постоје и личне психолошке и психопатолошке фиксације – србофобија и бугарофобија. Кирил Христов у бугарској књижевности објављује се као србоједац, србождер. Његови црно-бели судови представљају пример агресивне пропаганде.

Срби у песмама псеудофолклорног карактера називају Бугаре подлим, небраћом, проклетим, црним. С друге стране,

Бугари за Србе говоре коварни Срби (А 5, 6), чедо клето (А 12), лажови и лицемери; изроди (Кирил Христов). Краљ Милан као покретач рата 1885 назива се у фолклорним стиховима подао крадљивац (А 1), тиран искариотски (А 3). Величко Тодоров пише: “Синдром Каин најчешће се персонификује с негативним идентитетом краља Милана, укључујући следећа подругљива, унижавајућа и понижавајућа одређења: горд Милан, модерни тиран, други Каин, братоубица Каине, завидљиви Каине, подла душо; Јуда искариотски; копиан Милан, хајдук вероломни, бесан и подао крадљивац, подао злодеј и др” (Тодоров: 114).

Да би се утврдила надмоћ у физичком и моралном смислу противнику се приписује кукавичлук. Тиме се и охрабрују своји војници да им противник није дорастао у боју. У песми Бој на Брегалници певач слика: Кукавице Бугаре показа, / Кукавички по житу се крију / Зар не смеју ићи на топцију (ПБ 1331: 9). Бугари се показују као кукавице које поступају по налогу Аустрије (ПБ 1331: 30), као војска која тек уз превару добија своју снагу. И код једног и код другог народа појављује се мотив издаје, кривоклетства, вероломства, издаје. То се види и из неких наслова Бугарска невера, Мучки напад Бугара.

Као посебан вид оцрњивања среће се одрицање противнику сваке људске црте – Бугари су – разбојници, зверски и дивљи варвари, од памтивека зликовци, лупежи. Крум и други историјски ликови се показују као насилници над женама.

ОДРИЦАЊЕ ИДЕНТИТЕТА другоме представља такође једну од стратегија ратно пропагандне књижевности. Другоме се одричу централне црте идентитета – балкански, словенски, хришћански и православни народ се приказује као небалкански, несловенски, нехришћански и неправославни. Одбацивањем етноконфесионалних, територијалних и историјских одређења противничком народу одбацују се заједничке црте које га повезују са сопственим народом. У причи Михалаки Георгијева Од зла горе говори се како су Срби бацили крст и згазили га (Поганци). У једном новијем бугарском запису (1977), у фолклорној варијанти се Србима приписује да су друге вере. Анатолиј Анчев то објашњава преношењем формула из представа о иноверном противнику (Анчев: 22).

Срби у пропагандним епским песмама о српско-бугарским ратовима називају Бугаре племе дивљачких Татара (ПБ 1346), татарске хијене, татарске глава, куну љуто небраћу татарску (ПБ 1311: 20). Тиме се пориче словенство Бугара.

Тема брата који је то престао да буде исказује се додавањем атрибута – зверски небрат, браћа наша слепа, рат се назива братоубилачким. Колебање у називању указује на постојање ранијих представа, али и на обрт у новој политичкој и војној ситуацији. Символика браће и сва варирања значења речи “браћа” у фолклорним и књижевним текстовима Срба и Бугара о међусобном ратовању ослањају се на подразумевање или преиспитивање најближе крвне повезаности, која у ситуацији рата може и да се поништава и одриче. Рат као борба на живот и смрт доноси радикализовање оцена у вредновању свих односа, па се и односи колектива и колективне представе о другоме брзо мењају. Стратегија одрицања блискости има наличје претходне блискости, слабости којима се оправдава право на агресију.

Нападач представља своје покрете као повратак својој територији и историјском праву на ту територију. Тако механција из Нушићевог Дневника једног каплара (Бела застава) каже: “Што је некад било наше, опет мора бити наше”. Идеја националног обједињавања тицала се истог географског простора који се појављивао као јабука раздора између два суседна народа. Тај раздор је разарао и идеју о узајамном братству неговану у првој половини 19. века. У песмама Бугара, такође се алудира на историјско право запоседања, тј. ослобађања својих територија.

САОСЕЋАЊЕ са противником и (индиректна или директна) ОСУДА РАТА представљају ставове који одступају од већинског позива у бој. Овакви гласови у време сукоба тумачени су и као малодушност, па чак и издаја националног задатка. Стога је исказивање ставова који су доводили у сумњу исправност текуће акције одувек дочекивана са подозрењем и била је опасна по онога ко је осуђивао рат.

У Дневнику једног каплара Бранислав Нушић описује страдања свог народа, али противника не приказује на нишану, већ немоћног – мртвог или заробљеног. Тако у глави На разбојишту српски војник на освојеном положају на драгоманској греди наилази мртво тело бугарског војника који је у самртном ропцу гризао усне и покушавао да извади метак из груди, а од заробљених бугарских војника који препознају леш друга сазнаје причу о неоствареној љубави сиромашног младића Манета и ћерке коџабаше који је није хтео дати Манету. У глави Петар Дабих српски војник помаже рањеном заробљеном Бугарину и носи га на леђима када он због рањене ноге више не може да хода.

По речима Велише Јоксимовића у дискусији уз овај прилог, исказаним **14. фебруара 2003**, у драми Слободана Стојановића Великдан, српски и бугарски војници остављају оружје на Ускрс и славећи празник заборављају на рат.

Годину дана после рата у предговору другом издању Сливнице Иван Вазов, бугарски песник се дистанцира од ратног заноса говорећи о ужасу и унутрашњој муци: Колико бисмо били срећнији да бугарска поезија није певала о једној несрећи, ни да словенска историја није записала такву срамоту. У духу преиспитивања и горке сумње је и Вазовљева песма Орао (У драгоманском пролазу) (Тодоров: **118-119**).

У причи Киранов Г. М. Стаматова, млади јункер налази у левом џепу убијеног Србина “наивно дечје писмо” са речима бриге и љубави, портрет Милице и њен прамен косе. Грижа савести и депресија због у рату прекинуте љубави доводи јунака у очајање у коме он баца еполете и ордене кроз прозор, због чега га прогласе лудим (Тодоров: **128-129**). У повести Крадљивац бресака Емилијан Станев описује забрањену и тајну љубав српског заробљеника Ива и занемарене, младе пуковникове жене.

Обликовање представа о суседу, религиозно, етнички и историјски блиском народу, у значајној мери је условљено текућим политичким околностима. Када су политички односи две државе били пријатељски, обележени узајамном помоћи и сарадњом, у књижевности су превладавале позитивне представе о Србима код Бугара и представе о Бугарима код Срба, без наметања једног модела, са спонтаним разногласјем у књижевним представама о суседу. У временима непријатељстава и понављаних ратних сукоба на прелому **19.** и **20.** века, утврђивани су негативни етностереотипови, одступања од опште представе била су мања, а обликовање слике о суседу прожето је говором мржње – који се односи како на прошлост суседног народа – тако и на његов менталитет, његове вође или великане, његову будућност. Модел обликовања је, семиотички посматрано, исти – модел оцрњивања туђег, другог, насупрот идеализовању свог, само су носиоци црно белих оцена обрнути.

А = Анчев, Анатољ

ПБ = Посебна библиотека Војислава М. Јовановића, легат Универзитетске библиотеке у Београду

Анчев, Анатољ: Песни за србско-българската война от **1885 г.**, София, **1995**.

Bowman, Glenn: Xenophobia, Fantasy and the Nation: The Logic of Ethnic Violence in Former Yugoslavia, in Anthropology of Europe: Identity and Boundaries in Conflict, London, 1994. pp. 143-171

<http://www.ukc.ac.uk/anthropology/staff/glenn/Goldsmit.html>

Конева, Румяна: Българските писатели и войните на полуострова **1912-1918**, Творецът в югоизточноевропейските култури, София, **2001**, стр. **46-60**.

Конева, Румяна: Съседът между мира и войната, Българската литература за своя съсед в края на **XIX** - началото на **XX** в., Балкански идентичности, част **II**, София, **2001**, стр. **243-272** // също: изд. **LiterNet**, **10. 10. 2002**.

Стојанчевић, Владимир: Срби и Бугари: **1804-1878** : чланци и расправе, Нови Сад, **1995**.

Тодоров, Величко: “Знам ги аз тях!” Сърбия и сърбите в българската литература, София, **2000**.

Дејан АЈДАЧИЋ

КРАТАК ПРЕГЛЕД ФОЛКЛОРНИХ ДЕМОНА У БУГАРСКОЈ КЊЖЕВНОСТИ

Појаве демона из народних веровања у различитим националним књижевностима показују извесну сличност, која произилази из сродности фолклорног погледа на свет и поетике усменог стварања. Унапред може да се претпостави да у упоредном проучавању књижевности постоје широке могућности уочавања пре свега типолошких, али и контактних веза у представљању фолклорних демона, које су утолико занимљивије и значајније уколико су културе два народа ближе. Са становишта историје српске књижевности, није без значаја познавање историје блиске, али понекад недовољно познате бугарске литературе.

Током рада на овом прегледу, који би требало да понуди основна обавештења о демонологији фолклорног порекла у песмама и причама на бугарском језику, од мале користи су биле историје бугарске књижевности, у којима, овом проблему није посвећена довољна пажња. Стога је било неопходно истраживачко читање дела, а незаобилазну помоћ у томе чиниле су студије о фантастици Људмиле Стојанове (фрагменти необјављене дисертације), Величка Влчева, Огњана Сапарева и Елке Константинове, као и текстови о савременим писцима Радичкову и Хајтову.

Особеност књижевне демонологије фолклорног порекла, у односу на демонологије других митолошких и религиозних традиција, подразумева истицање старе, тајанствене, често занемарене сопствене традиције. Враћање народним веровањима и сујеверјима, у књижевности је било посебно изражено у периодима када је владајући или један од владајућих модела светске књижевности омогућавао да се у свом наслеђу пронађу елементи древног, чудесног и страшног. Тако су и писци балканског тла, у баштини својих народа, откривали демоне онда, када се сопствена усмена традиција књижевно преображена и прилагођена могла да уклопи у

владајуће стилске одлике. Поетички подстицаји за коришћење богате мотивске демонолошке грађе долазили су на Балкан из светске књижевности: у средњем веку из византијске апокрифне књижевности, током романтизма из западноевропске уметности готског усмерења или програмских списа у којима је уздизан народни дух, у периоду фолклорног реализма из словенских књижевности, а данас, из латино-америчког магијског реализма. Ван споменутих стилских раздобља, постоје и поједини текстови писаца са народним демонолошким мотивима. Тако су, на пример у модернизму, који није био превише отворен према фолклору, у српској књижевности Станислав Винавер и Растко Петровић, а у бугарској Светослав Минков, створили дела која не припадају главној матици у историји националне књижевности.

Ипак, уопштено говорећи, тип преображавања фолклорне демонологије у књижевним делима има тематска, идејна и стилска својства књижевности времена у коме су настала. Наравно, на обликовање појединачног дела, у већој или мањој мери, утичу дела сопствене фолклорне и књижевне баштине, као и светске књижевности. "Судбина" демона у националној историји књижевности зависи од интертекстуалног односа приповедака, романа, драма или песама са другим књижевним делима. Иста или сродна демонологија балканских Словена не налази истоветног одјека у њиховим књижевностима, тако да се у њима појављују различити и различито приказани демони. Посебне културне, етнопсихолошке и књижевно-историјске околности у којима су се националне књижевности развијале, те надовезивање на дела претходника написана на истом језику, довела су и до специфичних разлика између појединих националних књижевности у погледу присуства демона у њима. Тако се змај, иако лик из веровања и усмене традиције свих балканских Словена, као књижевни лик ауторских дела, најразвијеније јавља у бугарској књижевности, док се вила веома често среће у српској књижевности.

У фикционалном приказивању односа змаја и девојке, бугарски писци, углавном, књижевно "испитују" тај однос као демонску љубав силовитог и моћног мушкарца и немоћне жене, ослањајући се на елементе народних предања и митолошких балада са мотивом змајевских отмица девојака. Ретка је замена демонске и људске природе као у једном певању пева У царству самодива Ивана Вазова. Песник и приповедач, Вазов, приказује жену коју је волео као змајицу, а неоствареност љубави објашњава уплитањем виле-музе, која их је одвојила разделним биљем. Алегоризацијом два типа

женских демона, писац, фолклорну мотивацију ликова и радње потчињава нефолклорној идеји, пројектујући односе из конкретне љубави у демонска бића. Алегорија и овде поједностављује слику света, сводећи је на однос супротстављених начела. Самодива као демон, код Вазова, привидно, оличава начело насиља у име колективне користи - поезије, док змајица представља начело љубави.

У фолклору, љубав демона и људског бића ређе је заснована на немогућности демона или демонским силама обузетог човека или жене да живе у друштву људи, а чешће, демон објекат своје жеље односи у свој свет.

У бајкама, предањима и песмама Словена заједничко је веровање да змајеви отимају девојке. У песми Змајевска драга Пенчо Славејков приказује болну Лепу Јану. Главни мотив је развијен из народних песама Верковића и Миладиноваца. Девојку односи змај, са змајевима и змајицама, у златним кочијама, праћеним муњама и треском. Песма започиње реално, приказом девојке и њених другарица, жетварки, а завршава фантастично, на основама фолклорних веровања у змајевске отмице са визуелно дограђеним и поетизованим сликама ватрених бића која лете.

У фикционалном промишљању о љубави змаја и девојке у драми Змај Горјанин, Петко Тодоров је трагао за додирима и сукобима два удаљена света, из основа мењајући њихов однос из народних веровања. У алегоријској драми Тодорова, Змај горјанин је оличење природе и слободе, а свет људи је заснован на принуди и ограничавајућим конвенцијама. На почетку драме, кроз приче људи, змај је представљен као зло и окрутно биће. Девојка, оптерећена ауторитарном породицом и баналним младићима, жели да побегне из дома и призива змаја као биће из другог света. Он је односи у своју пећину, и нежно брине о њој, откривајући своју праву природу. Када сељани дођу да је силом врате у село, помахнитали брат уместо змаја, убија сестру - отету девојку. Алегоријска ремитологизација Петка Тодорова заснива се на психолошком развијању односа појединца и колектива. У реалистичко сликање психологије ликова, уноси се, кроз мотивацију јунака, алегоријско преобртање улоге људи и демона. Песник и кроз трагично разрешење потврђује да је зло у демонски окрутним људима, а не у митолошком бићу - змају.

У причи Окамењена девојка Ангела Каралијчева, старац у гори тражи биљку расковник да би ушао у змајевску пећину и ослободио, пре много година отету, девојку. У поигравању са двоструким тумачењем вишегодишњег и узалудног старчевог

напора, писац поред фантастичке мотивације даје и реалистичку. У пећини, како кажу сељаци, он тражи закопано благо. Каралијчев, у својим причама, спаја различите мотивске и жанровске елементе народних прича, измеђујући, на начин који није карактеристичан за усмену традицију, бајковито чудесни свет и свет предања. У епизоди окаменењивања уплашене девојке, када јој се змај приближио, описује се како из њених очију почињу да теку сузе. Демонолошко предање о окаменењивању, у фолклору најчешће везано за вештицу или демонизованог старца у хтонском хронотопу планине, овде се спаја са етимолошким предањем о настанку извора - девојчине сузе постају планински извор. У завршном делу приче додато се поколебава вера у стварну природу приче о змају. Један сељак закључује да је старац, који тражи чудесну траву расковник, луд. Писац, међутим, новим обртом, оспорава ово рационално виђење и критички однос према народном веровању, ставом, да старац можда и није луд. Каралијчев се закључним обртом, опет враћа фантастици.

Елемент народног веровања о повезаности суше и змајеве страсти, јавља се у причи Змај Антона Страшимирова. У брижљиво тканом реалистичко-психолошкој прози, представља се свекрва, која из мржње оптужује снају да је крива што змај заборавља да селу пошаље кишу. Ремитологизовани мотив ватре јавља се у сну неправедно оптужене жене, у коме се змај појављује у лету, на ватреном небу, представљајући наговештај њене скоре смрти у подметнутом пламену.

Елементи демонологије у народној култури постоје у приповедним врстама усмене предаје, али и у систему прагматично-обредних поступака истеривања или заштите од демона. Обредно-прагматични дискурси су повезани са наративним дискурсима, међуодносима и заједничким основама културе. У књижевним делима дискурс народних обреда усмерених на демоне потчињава се наративној и ненаративној структури текста. И у бугарској књижевности се јављају описи обредних забрана и поступака чији је циљ да се одагнају демони. Најчешћи лик бугарске књижевне демонологије фолклорног порекла - змај - јавља се и у овим описима. Дела, у којима се обрађује мотив гоњења змаја, да би престала суша коју је он изазвао, имају наглашено етнографска обележја. Опис обреда у коме голи младићи ударају штаповима у земљу, пале ватру и затим је гасе, описан је у причи Антона Страшимирова Змај и у роману Георги Алексиева Духови Цибрице. Гоњење змаја, у роману, следи

након литија за кишу и додола, а пре ископавања самоубица, удављеника и убијених громом. Алексиев укључује празноверје по коме се змај појављује у неком крају, јер је заљубљен у девојку која ту живи, док Страшимиров ту везу показује, али је не развија. У оба дела, веран и детаљан опис подунавског обреда гоњења змаја, уплетен је у наративно припремљен и описан страх сељака, који су избежумљени дуготрајном сушом и претњом свеопште пропасти. Тај страх, заправо, покреће древна знања ради спаса имања и живота.

У насловној причи књиге Родисмо се змајеви Јордан Влчев, са хумором приповеда о жени чији је љубавник био змај. У преплитању научног у сујеверног погледа на свет лекар који би требало да породи жену, наизглед рационално, поставља јој питања, како би поставио медицинску дијагнозу. Жена му одговара да је спавала за време жетве у пољу и да је змај љубио. Лекар прихвата празноверно тумачење, тако да се и његови даљи поступци подвргавају народним "веровањима". Он љубавницу змаја ставља над котао са кључалим млеком и из њених уста излази змија. Влчев пародира жанровски модел бајке о рођењу великих јунака, али при томе користи више елемената народних предања, која чувају памћење, на народна веровања о змајевима.

Радикалан вид књижевног оспоравања вере у фолклорне демоне заснива се на рационалној критици народних веровања. У делима насталим на сучељавању различитих погледа на свет показује се двоструко (разумско и сујеверно) виђење исте ситуације. Празноверни и застрашени јунак страда, док у очима рационалног јунака или писца он испада смешан. Разумско тумачење необичних појава своју надмоћ остварује у преплету критике, поуке и подсмеха. Елементи народних веровања се, у наративној перспективи критичке етнологије, задржавају у свом изворном облику и служе фикционализацији аутентичности. Демитологизација демонских бића најчешће произилази из рационалистичког (поетизованог или хуморног) оспоравања вере у демоне. Тада се уместо демона, у причи или песми указује се људско биће као лажни демон.

У причи Ангела Каралијчева Струна, већ споменуто поигравање логиком чудесног и реалног света полази од митолошко-фантастичке мотивације, али се разрешава оспоравањем чудесних сила. Муж сумња да његова жена има змаја љубавника, а на крају, у пољу, се сукобљава са њеним љубавником-човеком. Поетизован критички однос према народном сујеверју Каралијчев, у овој причи, поколебава

уношењем фантастичних елемената из народних веровања о змајевима: на месту сукоба се пали ватра, извор пресушује, а жена страда.

Песма Змај, модернистичког песника Геа Милева, фантастично започета, завршава се реално, јер се чудесан, другачији свет, повлачи пред појавом стварности. Доживљај љубави према змају, препун еротских елемената, девојка, као лирски субјект, описује језгровитим, сликовитим поетским језиком, исказујујући жудњу сликама врелине и летења. Она призива загрљаје змаја, али њена страст, фантастично приказана, нестаје са звуцима будилника. Милев у својој песми користи змаја као најпопуларнијег демона у националној писаној баштини, али у његовом књижевном преображавању вишеструко одступа од књижевне традиције. Најпре, демонски ликови народне културе, својим фиксираним изгледом и препознатљивим опсесијама нису везани за унутрашњи, психолошки свет, те и у књижевној обради фолклора "изазивају" теме у којима доминира однос према другом. Ониричка фантастика, међутим, омогућава песнику да представу демона унесе у унутрашњи свет лирског субјекта, задржавајући при томе и основни модел фолклорне демонологије - однос према другом. И даље, иако змајеве отмице девојака имају недвосмислено еротско значење, писци га најчешће прикривају или ублажавају, док је песма Геа Милева управо је заснована на еротској жудњи.

Осим змаја, бугарски писци су, у свом стварању, користили и веровања у друге демоне. Самодива, као женски демон, који у нашем фолклору носи име вила, јавља се у описивању феноменологије и психологије љубави надмоћне жене и обичног мушкарца. Док се у српској, пре свега романтичаркој књижевности, преплићу лик виле љубавнице и виле заштитнице народа и поезије, у бугарској поезији и драматургији нема таквог алегоријског спајања личних и колективних љубави. У песми У потајно доба Пенчо Славејков описује како у ноћи обасјаној месечином, Ђурђа-самодива нуди овчару све што му срце жели ако буде певао. Када он зажели њу и њена уста, самодива одлеће. Неостварена и неостварива љубав представљена је ноћним бићем које нестаје, остављајући жудног овчара самог. У драми Самодивска свадба, као и у комаду о Змају горјанину, Петко Тодоров је заменио одлике демона и људи - самодива је представљена као биће које жуди за слободом, коме су зидови колибе тесни, али и као биће које, снагом љубави, остаје уз вољеног овчара. Самодива

није демон, већ пожртвована, јака али и блага жена, а човек занемарујући своја осећања и дужност мужа, одлази у планину.

Алегоријско тумачење демона писци и уметници користе у супротстављању колективних вредности и мана сопственог народа према другом народу, верника и иноверника, племена и другог племена. Алегоријско ремитологизовање демона оличава снагу изабраног народа или зло њихових непријатеља. У уводној причи Ориснице, из збирке Идилије Петка Тодорова, три судиље, демонска бића која одређују судбину детета, "програмски" говоре, у ствари, о судбини бугарске уметности и народа. Користећи алегоријски језик, Тодоров исказује своје виђење народних врлина: прва орисница даје ум, друга крила духа за кретање кроз време да би над свиме владала, а трећа дарује способност познавања својих ограничења.

Уколико књижевна фантастика израста из фолклорне фантастике, она преображава чудесна бића и појаве из народних прича и песама, размичући границе између могућег и немогућег. У песми Чума (Куга) Пенча Славејкова, дата је фантастична књижевна обрада старе алегоријске гравире на дрвету. Погрбљена Чума, испијена као изашла из гроба, безубих уста и злокобних очију, пролази поред притајеног човека. Када овај затражи воду, чума га угледа, забија му нокте у тело, а болеснику крвав гној груне из уста.

У епу Крвава песма Пенчо Славејков у другом певању (На Оборишту), представља Тилејске усоје где је змајево станиште, влажно, мрачно, са самодивском косом. У пећини Огњан змаја, сиње зелени мермер окован је сребром и златом. Пред улазом у пећину стоје два сфинкса са буздованима и омраморене, занемеле девојке. У пећини нема историјских ликова, а сфинкси представљају спомен на прехришћанску, несловенску митологију. Спроведена опозиција мушко/силно, женско/слабо додатно је појачана описом окамењених девојака. Ови стихови немају већу наративну важност, али демонским сликама зла наглашавају потребу борбе за ослобођење.

По народним веровањима између овог и оног света постоји граница, али постоје и бића која могу да је пређу. У књижевности под окриљем рационалистичког погледа на свет западне културе, ова међа између светова или постаје јача кроз фантастично удаљавање светова или нестаје кроз негирање оностраног. У причама Светослава Минкова, једног од водећих писаца дијабололизма, модернистичког правца у бугарској књижевности двадесетих година овог века, на модеран начин

се преплићу демонолошка фантастика европске и балканско-словенске традиције. Писац не оспорава фантастичну природу приказаних збивања, већ је развија и чини још чудеснијом. Раздељеност овог и оног света, иако привидно мања - јер се чудесно дешава у свету људи, заправо постаје већа. Сама мотивација вилинских, ђаволских, вештичјих збивања је доминантнија но у фолклорном предлошку. Минков је у кратким приповеткама Устрел (о вештици расплетене косе на гробљу), и Нечиста сила, посегао за елементима народног живота и демонолошким предањима, дајући им пунији смисао благим, али ненаметљивим хумором и гротеском. У причи Нечиста сила Минков описује црног демона - таласона, са дугим лисичјим репом и рогом на глави, црвеним искрама које севају из очију, везаног ланцем за врбу. Када устреле таласона, овај нестаје у диму, а стари воденичар који га је ухватио, после четрдесет дана умире. Оквир демонолошког предања употпуњен је развијеним причањем и психолошким осликавањем различитих људских реакција.

У бугарској књижевности нису развијене пародије народне демонологије, али има примера успутног исмевања народног сујеверја. У драми Антона Страшимирова Вампир, неочекивану, ноћну појаву јунака који је претходно ишчезао, сујеверне бабе сматрају вампиром. Накнадно се показује да је то био одбегли хајдук, који је дошао да се освети и убије љубавника своје жене. У прози Минкова и Страшимирова често има хуморних и сатиричних елемената и онда када писац не следи јасно хуморни поетички поступак приказивања стварности.

Популарност магијског реализма, развијеног из сопствених корена, довео је и до последњег таласа демонолошке фантастике у књижевностима Словена на Балкану. Тако се, на пример, по плодности и маштовитости, Јордан Радичков прославио и ван граница Бугарске. Фолклорна демонологија са чудесним бићима у нејговим делима се преплиће са обичним бићима из савременог живота. Овакво осавремењавање народних демона, раскида са претходном књижевном традицијом у којој се они јављају као бића затворене, фолклорне културе прошлих времена. У причама Јордана Радичкова демони се откривају као бића која још нису ишчезла. Комбинујући народна празноверја, научну фантастику и пародије фантастике, он на постмодеран начин повезује прошлост и садашњост, али и садашњост и будућност - госте из свемира сељани сматрају таласонима и вампирима, вампир вози велосипед, или је забринут што ће вода

акумулационог језера да потопи његов дом-гроб, јунаци се фотографишу за успомену са ламјом, итд. Крсто Кујумџијев, поводом митотворства Радичкова, пише да су, некада страшни демони, постали иронично двосмислени, јуродиво комични, картонски и карневалски, комедијантски безопасни, бутафорни, сажаљиво осмехнути због немоћи. Они су изгубили моћ и претварају се у комичне ликове.

У причи о свињи-вампиру, из збирке Барутен буквар, демонско биће се задржава постављањем решета, чије рупе вампир треба да броји. Писац, у сећањима на народна веровања, спомиње овај начин заштите од демона, који се, књижевно уобличен, нашао и у његовој причи Циганско петле.

Потпуно презначење вампира, Јордан Радичков је спровео у причи Тенец из збирке Водолеј. Његов вампир, потпуно је лишен традиционалне силе разарања и испијања крви. Вампира, који је невидљив, чак ни по делима не могу да препознају, јер он обавља кућне послове. Откривајући са страхом невидљиво биће, које се убрзо показује и као ненаметљиви помоћник, власник-писац открива и како је вампир доспео у његову кућу, па чак и даје савет својим пријатељима како да га и они набаве. Крај приче, са неочекиваним и духовитим обртом открива читаоцу да је и ту причу написао вампир, чиме се преосмишљава цео ток приче, као и целокупно традиционално веровање у вампире.

Заокружујући овај преглед, додајем да проучавање фолклорне демонологије у књижевним делима произилази из преплитања две културе, што захтева испитивање трансформација народних жанрова и књижевних жанрова, обредних дискурса и наратијом преображених обредних дискурса, народне и књижевне фантастике. Односи демона и људи, као и односи закона и структуре овог и оног света, пореклом из усмене традиције, подвргавају се жанровским својствима одговарајућих, писаних врста, као и утицајима културе у чијем окриљу је дело настало. Иако књижевност у многим смеровима шири границе фолклорне демонологије, она ипак задржава везу са моделима народног поимања ових бића, те се студије посвећене књижевним делима у којима се појављују демонска бића морају ослонити и на елементе народних уметности и веровања. С друге стране, посебно је значајно у овим студијама уочити и интертекстуалне везе међу делима националне и интернационалне баштине.

Дејан АЈДАЧИЋ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАТА ПРОСЛАВА НА ТРУДА

В епохата на управление на комунистическите партии в Източна Европа песните за труда и трудещите се, прославата и празниците в чест на труда са неделима част от обществения живот. След краха на социализма от съветски тип съществуващото изобилие от подобни текстове се превръща в исторически факт. Със своето идеологическо заслепение начините за социалистическо празнуване, лозунгите и песните днес представляват грамада от остарели думи и картини. Този огромен материал е струпан в библиотеките, музейните хранилища и по сметищата на хората, отхвърлили своето доскорошно ежедневие. Крайната идеологизираност на този материал предизвиква анализиращия го от фолклористична гледна точка изследовател да идеологизира на свой ред. Но такъв подход и прибързаната му яснота също би останал затворен в идеологическите окови и би бил прекалено опростен по отношение на реалния живот. Добре би било този исторически период да се осветли чрез преплитането на историческите факти, етнографските и фолклористичните записи и психосоциологическите фактори, формирали облика на социалистическото общество. По този начин не само ще се достигне до по-добро разбиране на изтеклите десетилетия, но и до разкриването на наследството им в съвременността.

Изпълнявайки научните заръки на политическите върхове за трудови песни и празници, етнографите и фолклористите са писали текстове, съгласувани с линията на партията и държавното ръководство. През 20-30-те години на ХХ век такива текстове са били обнародвани от Е. Блинов, Ю. Сумарин, П. Соболев и А. Димиш, автор на кандидатската дисертация “Очерки истории пролетарской поэзии и рабочего фольклора”, както и на поредица студии върху тази

проблематика. През 60-те години с работнически фолклор са се занимавали и чехът Гелерд (РФ 8, СЕ 1962, 5), и руснака А. Лазарев (РФ 10). От началото на 60-те години в Белград основен проводник на идеологизираната фолклористика е Душан Неделкович, главен организатор на форумите на фолклористите на Югославия и редактор на списанието Народно стваралаштво-Фолклор, представител на Югославия в трибунала за военни престъпления, човек с високи партийни функции. Под негово ръководство Фолклорното отделение на Етнографския институт към САНУ е събирал песни, пети в периода 1949-1953 г. Статиите на Драгослав Антониевич и Видосава Николич от началото на 60-те години са изцяло идеологизирани и изпълнени с възхвала на партията и Тито. В Киев през 1984 г. дисертация за трудовите песни при славяните защитава Лариса Вахнина. Времето е допринесло заключенията на подобни произведения да се превърнат в безкрайно остарели и в анахронизъм, но за нас като изследователи е останал богатият материал в многобройните списания, сборници, кинопрегледи и вестници.

В годишния календар през периода на социализма времето, когато е прославян труда, е свързано с официалния Празник на труда, но също така и с редица други държавни и партийни празници, отбелязващи изпълнението на плановете и големите постижения, трудовите акции и т.н. Празникът на труда Първи май във всички социалистически общества е празнуван като един от най-важните държавни празници. Празничният сценарий е имал своите неотменни елементи, най-важни между които са били подходящите за случая речи на партийните ръководители и високи гости. Знамената, гербовете, лозунгите и останалите иконографски елементи са били предварително приготвяни. Опирайки се на спомена за борбата на комунистите от XIX век за съкратено работно време и социална защита на трудещите се, в епохата на диктатура на пролетариата това честване е представлявало отдаване на дължимата почит на работниците, борили се за своите права през XIX и началото на XX век. Първи май се е празнувал като неработен ден. Празничността на този ден се е отбелязвала с ранни утринни разходки из природата (по традицията на старите комунисти), носенето на червени знамена и карамфили наред с другите символи. Изключение са представлявали миньорите, които точно на Първи май са постигали нови рекорди в работата. Някога на този ден са провеждани и празнични първомайски паради и манифестации. В шествията, които през 50-те години са имали

дори и карнавални елементи, са се появявали трудещи се от различни професии. Песните в прослава на труда са пълни с оптимизъм, в тях се изтъква усърдието и постоянството на работника, възхвалява се победата му над природата. Те са били особено актуални при откриване на новопостроени пътища, прокарани тунели и осъществяване на нови производствени рекорди. Идеята за Празника на труда по този начин е свързвана със самия труд.

В първите десетилетия на социализма в Югославия специално е подчертавано планирането и изпълнението на петилетните планове, петолетките. В това прозира възприемането на съветския модел и неговото осъществяване в местните условия. Названието петолетка се открива в различните видове пропаганда и във фолклора. По повод на празнуването на държавните празници – 29 ноември във ФНРЮ – задължително са прославяни и трудовите победи като доказателство за всенародната обич към отечеството, народа, партията и вожда. Ритуализирани са били и честванията на годишнините от войната, на партийните конгреси и т.н. Във всеки от тези тържествени случаи е било подходящо да се отбележат нови трудови победи. Червените съботи (комунистическите съботници) също са свързвани с труда в целия съветски блок.

Символи. Сърпът и чукът най-пълно и обобщено представят земеделието и индустрията, и най-вече идеята за единството на трудещата се класа. Тяхното обединяване е трябвало да символизира липсата на различия между работника и селянина. Този символ е изобразяван и на партийните червени знамена, и на гербовете, и на ордените за героите на труда, и на държавното знаме на СССР. Потребността от символика не се е изчерпвала с него, но останалите символи не са получили такава широка общоприетост и тясна свързаност с труда. Разбира се, пионерските връзки, струговете, ордените за героите на труда и червените знамена са били неотменна част от всяко празнуване на труда. Привеждам пример с тържественото приемане на работници в йенакиевския металургичен комбинат: “След изпълнението на “Марша на металурга” влизат почетните ветерани на завода, героите на социалистическия труд, орденоносците. Тържествено се внася знамето и се поставя в окичения с цветя център. От едната страна застават знаменосците, а от другата – младите работници. Началниците на цеховете представят подред участниците в празника. В същото време се прожектира филм

за пробния период на всеки работник и се разказва биографията му. Бъдещите металурзи поединично приближават до знамето и целувайки го клекнали, дават тържествена клетва да пазят работническата чест. Пуска се на касета реч на Вл. Ленин за трудовата дисциплина” (Сорока 1975: 47).

Символични подаръци са се разменяли и на Празника на сърпа и чука, символизиращ неразривната дружба на работническата класа с селяните-колхозници (Байраківський 1978: 37).

Изравняване на живота и новите изкуства. Прославата и честването на труда се е разигравало в манифестациите, в които многобройни са както участниците, така и зрителите. Масовото ритуално празнуване на труда е било такова представление, в което тези роли за били размесени, защото казано на театрален език зрителите, макар и намиращи се в този момент в пасивна позиция, са били едновременно с това и на сцената. Във времето на все още неразвитите електронни медии основанията за такава организация са били съвсем разбираеми от гледна точка на властите. Масовите акции са имали своето активизиращо въздействие. Проникнатото от музика, текст, лозунги и визуални ефекти въздействие е трябвало да представи по атрактивен начин успехите и красотата на новото общество. Сцена за такива представления са били площадите и улиците. В иконографията на тези събирания неотменно място е било отредено на окачените лозунги, възхваляващи празника и труда. Сцените на обновяване и изграждане по символичен начин са представяли обикновения труд, но обновеният им сценичен вид му е придавал и ново, тържествено значение. Комунистическите партии са подтиквали творците да заличават разликата между изкуството и представянето в реалистичен план на идейния размах и успехите на социализма. Творци на соцреализма са илюстрирали строежите. Художниците и графичите са рисували, скулпторите са извайвали, фотографите и операторите са снимали мускулести, ведри и горди младежи. Металурзи, леяри, трактористи, миньори, строители и ударници са образцовите юнаци за новата иконография. В идеализирания образ са вградени архетипните черти на всесилния работник и творец в акция. Заобиколен от други работници, такъв работник е в порив, ведър и изпълнен с воля, в разцвета на силите си.

Юначният работник от всенародния труд е герой и на масовата култура. Образците, сътворени от соцреализма, се появяват от плът и кръв, а истинските герои на труда се превръщат в модели за изкуството. Мотиви, герои и лозунги на партийната пропаганда навлизат от масовата във високата култура. Стига се до заличаване на границата между агитпропа и политическия работник, между изкуството и масовото творчество. Лозунгите в чест на труда, изписани върху червени транспаранти, се превръщат в обичаен декор на градските улици и площади. Творците възпяват социалистическия труженик. Всичко това е фиксирано на кинопрегледите и посредством тях дори и тези, които не са участвали пряко в манифестациите, получават възможност да се уверят и вторично да участват в събитията. От фотографиите на първомайските паради личи тяхната помпозност и ритуализираността на манифестациите. Всички са представени и всички са участници. Като потвърждение за единството на всички професии и възрасти се организират акции, в които войниците помагат на селяните, селяните – на войниците, пионерите помагат на селяните, а студентите – на работниците, и т.н.

Ударниците са били най-добрите и най-саможертвените между силните и способните. Чрез тях е представян и прославян идеала за новия трудов човек. Утопичната картина на този нов човек се е въплътила в ударника и неговите свръхчовешки резултати. Ударничеството е подкрепяно от властта, защото чрез него партийните ръководители са могли да изтъкнат ударниците като пример за подражание. Склонността на идеологията към хиперболизиране и митологизация най-лесно е свързвана с хората, надхвърлили границите на обичайно човешкото. Някои от ударниците са станали особено популярни. В СССР ударниците са наричани стахановци по името на Стаханов. Образът на миньорът Алия Сиротанович се оказва върху банкнотите на СФРЮ. На някои от празниците на труда на ударниците е давано правото да запалят факлата, да носят знамето, да седят като увенчани с ордени Герои на труда в първите редове на всички социалистически празненства.

Отделни ударници са влизали и в партийните органи. От властта те са давани като пример, че може чрез труд човек да се издига в обществото. Тези хора за пример, изтъквани като образец за особени способности, все пак трудно са се вместили в света, в който са били въведени. Някои от тях сами са се маргинализирани, доколкото новата им среда е била

чужда за тях. Предлагането на привилегии още повече размеквала хората, склонни да изтъкват себе си с активния си и плодотворен труд. Потвърждение за значимостта е придобивано и чрез почетни знамена и значки за ударник.

Работниците като богове, които творят и променят природата, придобиват в песните и лозунгите силата да съграждат реки, планини, да претворяват пустините в плодородни ниви и градини, да създават нови сортове.

Брегови нестайу, земља облик мења
Петолетка Титова нови живот спрема

Познат е лозунгът: “Ние изграждаме фабриката, тя изгражда нас”.

Вождовете. На мъдрите ръководители, обожествяваните бащи на нацията и/ или комунизма – Ленин, Сталин, Тито, Живков, са приписвани атрибутите на всесилност, всемогъщество. Във фразеологичния космос от социалистическата епоха съществуват неотменни и задължителни думи, които могат да се свързват по различен начин в хвалебствените речи на прославата: бъдещето, труда, работниците и селяните, партията, народа (ние), социализма, комунизма, победата, радостта. При сглобяването им в лозунги вождът има най-важна роля. Самият той може да бъде олицетворението на чистотата, вярата и бъднините, но може да бъде и наймъдрата и решителна глава на комунистическа партия, която вижда пътя към светлото бъдеще. Освен в лозунгите, които се преобразуват и активират като стихове в масовите песни, те се срещат в печата, в списанията, на партийните събрания, дори и в етнографските студии. В текста на Видосава Николич се появяват очакваните думи: “Изхождайки от историческия момент, когато другарят Тито и ЦК на КПЮ са отправили към народа възвание за участие в социалистическото строителство, народният поет – строител на социализма спонтанно и с поетичен замах възпява най-интимните преживявания на нашите народни маси в процеса на революционните обществени преобразования в страната”. Култът към личността със своята прекомерност се появява и в редица стихове. Дори решенията на партийните конгреси влизат в стихотворенията:

Друг је Тито изд'о наређење;
Сви у борбу за изградњу земље (Николић 1960: 374),

Омладино, не жали елана,
У изградњи Титовога плана (Николић 1960: 375).

Със стихове се разказва как сънищата се превръщат в
реалност:

То уради пролетерска класа
То је могла друга Тита маса (Антонијевић 1960: 205).

В някои от песните участникът в трудовата акция
директно призовава другаря Тито да посети младежите на
строящата се железопътна линия:

Друже Тито, оћеш ли нам доћи,
Оћеш ли нам на пружи помоћи? (Николић 1960: 383)

Омладина нове пруге гради,
Доћи, Тито, види шта се ради (Николић 1960: 383)

При изграждането на култа към личността е съществувало
напрежение между възкачването по стълбата на
политическата бюрокрация и постоянното присъвие сред
народа на вожда, осъзнаващ че може да задържи ореола на
народен човек само с чести среци сред народа, фотографиране
с деца и работници. За лакейническа покорност говорят
редица стихове и в масови песни, и в стихотворения поетите.
Масовите песни са съставяни най-често от апаратчици по
партийно задължение.

Централна е ролята на Тито при представянето на
ръководителя и вожда, но в някои случаи се изтъква и
водещата роля на партията. Тя е изтъкната от Ташко Стоич в
песента за младежта, която отива в рудника, а Компартията
допринася за развоя на индустрията и братството. За елит на
младежта е приеман Съюзът на комунистическата младеж на
Югославия (СКОЈ), организация подготвяща младежите за
прием в КПЮ, в СССР – Комсомола и т.н. Разбираемо е, че и
СКОЈ в стиховете е водещата младежка сила (скојевци –
соколи):

Ој, Скојевци, ајд на чело,
нова пруга, ново дело (Николић 1960: 383)

Директивите, инструкциите, решенията на конгресите и
пленумите представляват различни варианти на политически

поръчения, които бързо се превъплъщават в социалистическия фолклор.

Обявяване на победата над неприятелите представлява съставна част от заръките, отправени по повод на откриването на нов цех, строеж, минна шахта или прибирането на новата реколта. Това е победа над онези, които не са се включили в социалистическото строителство или го възпрепятстват. Това са реакционери, капиталисти, на село – богатите селяни, а в индустрията – саботьорите, на които се отправя закана, че ще бъдат победени и да не се опитват да се вмъкнат в нашите редици. Понякога се сравняват старата и новата система, при което опозицията изгражда чрез противопоставянето на капиталистическото заробване на труда и доброволния му характер при социализма. Прославата на труда е имала и своя външнополитически аспект. Чрез повишаването на резултатите от социалистическия труд се е изтъквало неговото надмощие над империалистическия Запад. Тъй като съветският модел на празнуване в чест на труда се е използвал в различни локални варианти в целия източен блок, това е била възможност да се потвърди братството и сътрудничеството между социалистическите държави, солидарността на трудещите се и пролетарския интернационализъм. Прословутият призив “Пролетарии от всички страни, съединявайте се!” е отправян и към трудещите се от капиталистическите страни. Интелигенцията е разглеждана като съмнителна и ненадеждна класа, ето защо нейният труд не е празнуван.

Офанзива и милитаризация. Периода на социалистическо строителство и обновление в Югославия е назоваван Осма офанзива. След седемте офанзивни срещу германците във Втората световна война, това словосъчетание, употребено в качеството му на военна метафора, е означавало както борба за ново общество, така и срещу старото. В някои песни се изтъква продължаването на войната като борба за освобождаване на труда и за изграждане на новото общество. Чрез труда се призовават мъртвите герои да видят подвизите на младежите, показва се достойнството на жертвите и т.н. Прави се сравнение на бореца-антифашист и ударника:

Ударници с омладинске пруге,
Као борци четрдесет друге (Николић 1960: 385)

Ясно е показвана приемствеността на военните и трудовите победи, а борците за народна свобода са присъствали във всичките чествания на труда.

Трудовите акции са имали паравоенна структура (напр. бригади) с комендант / командир на акцията и коменданти / командири на отделните единици. С вдигането на знамето, с утринната гимнастика, храненето на общ казан и задължителното политическо образование, всекидневният живот при трудовите акции много е на помнял на организацията на един ден в казармата.

Най-пълно колективизмът се е изразявал в трудовите акции, представляващи организирана масова работа по изграждане на пътища, канали, железопътни линии. Всичко се преобразува и приспособява към общия труд. Личното и интимното се подтиска, а доколкото се говори за чувства, то това са чувството на другарство и любов към вожда, народа и партията.

Участниците в трудовите акции са били от различни краища на страната. Самите акции са представлявали места за събирания, срещи и установяване на приятелства. Те са били посещавани от високи политически ръководители, които са откривали построените на трудовите акции обекти.

Песента Малъчики на групата Идоли представлява пародийна преработка на соцреалистическите мотиви във време, когато соцреализмът е отдавна изоставен, но не и владеещата комунистическите партии идеология. Песента осмива духа на бодър колективизъм:

Пламене зоре буде ме из сна
Фабричка јутра, дим из димњака
Песма се ори, млади радници
Челична јутра, хитам фабрици. (...)

Високе пећи, потпаљујем ја
Руда се топи, насмејан сам ја
Песма се ори, пева фабрика
Песма се ори, аааа.

Трудът като наказание. Другата крайност е пълното обезмисляне на труда в затворническите лагери, например в съветска Колима, в югославския Голи оток, българското Белене и т.н. В тези лагери затворниците са пренасяли камъните от едно място на друго и след това са ги връщали обратно. Чукали са камъни, при което резултатите от техния

труд не са служили практически за нищо. В Съветския съюз това са печално известните със злото и глада си акции за превъзпитание на омислещите, подобно на изграждането на Беломорканал.

Смесването на истината и лъжата. С издигането на идеала и неговото съхранение в масовата култура е била прикривана истинската цел на това, което е изпълнявано. Съществували са наистина индивиди, способни на свръхусилия, далеч над посредствеността. И е добре, че е било така, защото благодарение на тях съсипаната във войната страна все пак е поела напред. С техните резултати, обаче, е злоупотребено и създадените ценности, вградени в обществения труд, все повече са губели своята стойност с появата на двойствен морал и червена буржоазия. С идването на самоуправлението тази лъжа става още по-изразителна. Изтъкван като югославска особеност и единствен в света пример за даване на власт на трудещите се, това е бил начинът за окончателно опропастване на научните знания и за кражби от страна на партийните и синдикални ръководители и бюрократи. Пропастта между лицемерните лозунги и истинското положение се задълбочава и тържествените чествания стават все по-малко помпозни.

Безделието. Накъде по-нататък... Този преглед би имал значение само като припомняне за едно не толкова далечно, но окончателно завършено и отминало време, ако тази система не бе оставила в милиони хора вкоренените навици от това време. С отпадането на въодушевлението и повишаването на кризисните елементи, хората от социалистическата епоха, противно на привидното постоянство в труда, все по-масово избягвали да работят и намират обяснения и прикрития за безделието. Появява се правилото: “Никога не могат да ми платят толкова малко, колкото малко аз мога да работя!”.

Такъв подход към собствената среда и положение представлява и важен елемент на постсоциалистическите общества. Позицията спрямо труда е формирана чрез дълготрайно унищожаване на самия труд. Днес споменът за героите на труда предизвиква ирония. Забелязва се, че младите, чийто живот е протекъл в променена идеологическа среда, не са отстъпили много от лозунга, че могат да работят толкова малко, колкото малко им се плаща. Тези от тях, които желаят да си осигурят професионално признание, основателно предполагат, че могат да дочакат такова признание в собствената си страна и да си осигурят средства за нормален живот. По този начин в постсоциалистическите общества в

епохата на прехода наследството от социализма се оказва вредно: тези, които искат да работят заминават, а които не желаят да се трудят – остават. Тези, които остават, възраждайки в нова, вариативна форма старата максима, вече дори и не споменават ниското заплащане, но изтъкват как за толкова малко пари въобще няма да работят. Създава се едно ново гневно поколение, което осъзнава, че неговите родители и дядовци са живели по-добре, с възможност да задоволят различните си социални потребности и да си осигурят удоволствия, които те нямат.

Ние наистина можем да оприличим някогашните шествия на карнавал, на краткотрайни, шарени и празни манифестации на това, което е било осъдено на провал. Ценностите на пропадналата идеология са низвергнати, но с нейното пропадане по инерция са изгубени и тези стойности, които си е струвало да бъдат запазени в обществото. Промененото отношение към труда ще бъде трудно преодоляно, доколкото в постсоциалистическото общество работещият човек е смятан за безумец, който се измъчва, защото не е схванал, че има значително по-лесни начини за набавяне на пари – контрабандата, измамата, корупцията и т.н. Моралното битие е разядено и всяко организирано усилие за завръщането към труда е обречено на неуспех, освен това, което би било най-болезнено – масовите уволнения, след които хората ще схванат, че трудът е привилегия.

Литература:

Антонијевић, Др.: Друштвени карактер херцеговачких народних песама изградње, Рад 9. конгреса СУФЈ, Сарајево, **203-210**.

Караклајић, Ђ. **1960**: Революционарна радничка песма у Србији, Зборник родова Етнографског института, Београд, **3, 479-518**.

Недельковић, Д. **1960**: Прилог проучавању законитости развитка нашег народног певања у периоду Народне револуције, Ослободилачког рата и изградње социјализма, Зборник родова Етнографског института, Београд, **3, 39-167**.

Колпакова, Н. П. **1964**: Народная песня советской эпохи, Русский фольклор, **9, 97-114**.

Коренова **1979**: Некоторые проблемы издания рабочих песен, Русский фольклор, **19, 178-185**.

Лазарев, А. И. **1966**: Эстетическая природа рабочего фольклора, Русский фольклор, **10, 43-62**.

Николић, В. 1960: Наша народна песма социјалистичке изградње у првој петолетки, Зборник радова Етнографског института, Београд, 3, 373-391.

Радништо и сељаштво у нашој народној песми револуције и изградње, Зборник радова Етнографског института, Београд, 4, 1962, 49-63.

Полищук, Н. С. 1975: Рабочий фольклор как источник изучения условни труда и быта русских рабочих, Русский фольклор, 15, 177-185.

Максим КИРЧАНОВ

ДЕБАТЫ О МОДЕРНЕ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ УКРАИНЫ

Те, кто занимаются историей украинской исторической памяти в советский период, вероятно, припомнят, что тогда писали о модернизме и украинских модернистах. Советский канон допускал одно понимание модернизма как реакционного учения, а его сторонников - «буржуазных националистов» и «литературного сброда». 1990-е годы изменили ситуацию, отношение к модернизму стало другим. Среди украинских историков возник интерес к модерну, хотя первые их опыты обращения к этой теме имели место в советский период. Типичная биография «среднего» исследователя литературного модерна в Украине примерно такова: первые шаги в науке сделаны во второй половине 1980-х; в конце 1980-х - начале 1990-х - знакомство с западной и диаспорной украинской, ранее недоступной, историографией; потом стажировка в украиноведческих центрах Запада; затем «переваривание» новой информации... и к концу 1990-х годов на украинском языке появляются исследования, посвященные связи модерна и украинской идентичности: по словам Володимира Моренца происходит «современное украинское открытие модернизма» [1].

Сам термин «модернизм» в украинском дискурсе начинает использоваться в первые годы XX столетия: в 1901 году Юрий Кмит пишет о «первых проблесках модернизма», а два года спустя Леся Украинка пишет уже о «знамени модернизма» [2]. Модерн в Украине пришел на смену народническому течению в литературе, став, по словам Мирослава Шкандрия, бунтом против него [3]. Украинский модернизм развивался и в 1910-е и в 1920-е годы, вытеснив писателей таких ранее влиятельных объединений как «Молода муза» и «Українська хата» [4]. Он воспринимался интеллектуалами как все новое и современное. Возможно, вся первая четверть XX века в украинской истории прошла под знаком модерна: уже в эмиграции, осмысливая события этого

времени, Юрий Лавриненко, писал, что тогда родилась Украина, которую мы знаем - «модерна Україна» [5]. События начала века, первая мировая война радикально изменили украинцев, мировоззрение и культуру, и более ранняя литература, с ее идеями романтизма или реализма, постепенно утрачивает свои позиции, уступая их модернизму [6].

Расцвет украинского модернизма пришелся на 1920-1930-е годы, когда, по выражению Андрия Никовського, украинские интеллектуалы «вырвались из объятий Шевченко» [7]. Модернизм прочно утвердился среди других литературных течений - символистов, неоромантиков, католиков, реалистов. Межвоенные годы - интересный период в истории украинского модернизма, трагически закончившийся «расстрелянным возрождением», которое привело к тому, что «от недавней и бурной жизни с дискуссиями, борьбой различных течений и программ не осталось и следа, возобладал единый, обязательный для всех, нормативный и нивелирующий социалистический реализм» [8]. После этого в советском украинском литературном дискурсе мы замечаем отголоски былого национально ориентированного украинского модерна [9]. Зато, модернизм начинает доминировать в диаспорной литературе, исследователи которой уже в 1960-е годы констатировали путаницу в определении украинской литературы первой половины XX века, отказывая ей в классическом современном характере [10].

В 1990-е годы в Украине вышло несколько произведений модернистского (постмодернистского) плана. Про некий «налет» модернизма пишут и современные украинские интеллектуалы. Определенный модернистский подтекст заметен в произведениях Оксаны Забужко [11]. Увлечения «модерновой» проблематикой не избежали и украинские историки [12]. Упомянем и удачный проект периодического издания по истории модерновой (современной) Украины «Україна модерна», издающийся Институтом исторических исследований Львовского национального университета им. И.Франко. Стали переиздаваться произведения украинских модернистов [13]. Все исследования 1990-х годов, посвященные модернизму, написаны с позиций постмодернизма [14] в его самых разных проявлениях - фрейдизма, феминизма, теории мифа. Книги, посвященные модернизму, во многом различны: Я. Полищук значительно теоретизирует проблему, В. Моренець интересно сочетает анализ узловых тем в истории украинского модерна со

сравнительным осмыслением польского модернизма, Т. Гундорова удачно локализует предмет своей книги 2002 года, что придает ей новаторский характер.

Первое, на чем следует сфокусировать внимание - это ревизионистский характер современного украинского восприятия модернизма. Если в советской традиции модернизм рассматривался как отклонение и модернистские произведения не публиковались, изымаясь из собраний сочинений [15], то современные украинские авторы склонны перефразировать слова Леси Украинки про социализм в том смысле, что модернизм был настолько универсальным, что украинская литература не могла без него обойтись [16]. Советское украинское литературоведение, как и историография, было очень ограниченным, базируясь на изучении нескольких тем (социалистический реализм, рабочее движение, социалистическое строительство в литературе) и поэтому, 1990-е годы стали попыткой вырваться из советского методологического кризиса, что проявилось в переосмыслении истории украинского модернизма, в чем приняли участие не только украинские авторы, но и исследователи диаспоры. В 1999 году Мирослав Шкандрий признал, что «в свете более глубокого изучения украинский модернизм предстает более сложным, чем казалось раньше» [17]. Новое понимание украинского модерна приходило мучительно: украинские критики старшего поколения могли сколь угодно долго мириться со старыми сусальными образами Ивана Франко и Леси Украинки, но они были не готовы объективно принять и понять модернистское прочтение украинской классики, видя в нем разрушение национальной культуры.

Обращение к современным сюжетам в интеллектуальном дискурсе современной Украины персонифицировано. Если Иван Франко - предшественник модернизма, Леся Украинка (в зависимости от гендера и предпочтений исследователей) - близка к модернизму или почти модернистка, или основоположница феминистского течения [18], то Володимир Вынныченко - первый настоящий модернист, «самый радикальный и последовательный разрушитель старых литературных канонов» [19].

В 1990-е годы Вынныченко пережил «реабилитацию» Широкое издание работ писателя и рост интереса к его творчеству действительно было почти реабилитацией, если вспомнить, что о нем писали в советский период. Советские интеллектуалы приписывали ему распространение

«клеветнических и контрреволюционных» идей, а сам он определялся как вырожденец, приспешник буржуазии, один из врагов русского пролетариата - «авангарда революционного движения». и был превращен в отца украинского модернизма не современными украинскими интеллектуалами. Они лишь продолжили традицию его отторжения, заложенную современниками писателями. Правда, если те отторгли Вынныченко в негативном смысле, то противопоставление в глазах современной украинской критики носит позитивный характер. Современники писателя не осознавали смысла его произведений: например Мыкыта Сриблянський, указывая на поиски новой морали героями Вынныченко, указывал на то, что это было «негативной стороной нового литературного течения», под которым он понимал модернизм. Критиков пугал радикализм писателя и последовательность его героев, «освобождение человека от всякой моральности» [20]. Модерновый элемент в творчестве Вынныченко нередко ассоциируется с освобождением и внутренним бунтом его героев. По словам Я. Полищука, «это волеизъявление на прямую связано с эмансипацией личности, ее раннее скрывааемых или замалчиваемых теневых сторон» [21]. Современное постмодернистское прочтение Вынныченко, предлагаемое, например Т. Гундоровой, это прочтение с национальных позиций. Писатель - националист, так как ломает языковые табу, меняет украинский язык, делая его радикальным и современным [22]. Такая языковая ломка совпала с радикализацией политической, с появлением идеи именно независимой Украины, которая становилась продуктом модерна. Украинская критика склонна и к интеграции наследия Вынныченко в европейский контекст. Писатель превращается не просто в автора европейского уровня, а именно - современного автора, едва ли не предшественника писателей 1920-х годов, времени активной украинизации - М. Могылянського, В. Пидмогильного, В. Петрова [23]. Таким образом, формируется миф о Вынныченко, как писателе именно модерновом, европейском, украинском.

В украинский модернизм в 1990-е годы был интегрирован и Иван Франко, что свидетельствует о более радикальном настрое украинских интеллектуалов, в те время как украинские историка в Канаде не были склонны оценивать наследие Франко в категориях модернизма [24]. Если в советской украинской исторической памяти писатель играл своеобразную роль младшего отца в национальном пантеоне

для западных украинцев, изображаясь, как прогрессивный писатель и предшественник рабочего и революционного движения, то в 1990-е годы украинские интеллектуалы отошли от такой трактовки. Франко из писателя пролетарского эволюционировал в сторону раннего модерниста. В то время, как советские историки изображали Франко как непримиримого борца против «буржуазного национализма» и декадентства, то в 1990-е годы те черты творчества Франко, которые в советский период игнорировались, были признаны именно как декадентские [25].

Франко воспринимается как писатель европейского уровня, который актуализировал на украинской почве идейные искания, которые позднее легли в основу украинского модернизма. Франко трансформировался в создателя «целостного человека», то есть нового образа украинца. В данном контексте возможно проведение оппозиции между двумя традициями в интерпретации творческого наследия Ивана Франко: если для советских интеллектуалов писатель был предпочтителен как создатель социально активного литературного героя, то современные прочтения это отрицают. Украинские исследователи 1990-х исходили из парадигмы модерна, и история украинской культура нередко оценивалась ими как борьба традиционного и модернового, как синтез двух этих начал. Поэтому, герои Франко для современного критика носители доиндивидуального сознания, поступки которых определялись нормами современной для них морали [26].

В ранний украинский модернизм было вписано и наследие Леси Украинки, почти отождествляемое с феминизмом. По словам В. Агеевой «украинский литературный феминизм более всего ассоциируется с эпохой модерна» [27]. История Леси Украинки - это история переориентации украинской литературы от народниcko-реалистского к модернистскому канону, совпавшая с наиболее интенсивной модернизацией украинского общества [28]. Леся Украинка - писательница на грани двух традиций (украинского романтизма и нарождавшегося модернизма), двух укладов (традиционности и модерности), двух идентичностей (старого украинского крестьянского самосознания и модерновой украинской идентичности). Украинские интеллектуалы констатируют, что значительная роль в творческом арсенале поэтессы принадлежала именно романтизму. На таком фоне признания связи модерна и

романтики, более поздние украинские поэты (например, пражская поэтическая школа или советские украинские поэты) рассматриваются как романтики или соцреалисты, а черты модерновости в их наследии игнорируются. Одинокий призыв Т. Гундоровой в ее книге 2002 года о том, что было бы интересно в модернистском и феминистском контексте проанализировать творчество лидера пражан Евгена Маланюка так и остался гласом вопиющего в пустыне [29].

Леся Украинка - знаковый образ для современных украинских интеллектуалов в силу того, что она и ее героини совершали «экзистенциальный выбор». Современные критики и не отрицают того, что возвели ее и Ольгу Кобылянську в разряд «культовых фигур нашего *fin de siècle*» [30]. Интерес к Лесе и другим украинским писательницам стал своеобразной реакцией на засилье в позднесоветских академических институтах в УССР исследователей-мужчин, описанное, например, Соломией Павлычко: «я заявила, что протестую против концепции одного коллеги-мужчины, который написал, что из украинской литературы надо искоренить слабое женское интеллектуальное начало, которое якобы мешает ее нормальному развитию» [31]. Поэтому, интерпретация наследия поэтессы современными интеллектуалами в корне отлична от советского мифа о поэтессе, как о сочувствующей революционному движению. В современном украинском дискурсе Леся - строительница украинской идентичности, а самореализация ее героинь осознается как украинский национальный выбор. Она модерна в силу отторжения революции как насилия, модерна по причине того, что ее героини выстраивают внутреннюю идентичность исходя из своих собственных (возможно, и национальных) побуждений, а не классовых соображений, как это понималось советскими интеллектуалами [32]. Иногда она позиционируется и как самая последовательная современная писательница, которая отстаивала феминизм. К последнему следует относиться с известной долей критики, принимая утверждение, как одно из проявлений современного мифотворчества вокруг наследия поэтессы. К тому же первый гендерно окрашенный литературный сборник на украинском языке был подготовлен Натальей Кобрынської и Олэной Пчилкой и издан в 1887 году [33]. В сборник вошел и первый «феминистский» текст в украинской литературе «Руське жіноцтво в Галичині в наших часах», написанный Н. Кобрынської [34]. Это согласуется с мнением диаспорной историографии в лице М. Богачевської-Хомяк, которая

предположила, что феминистки, которые живут в государствах, где их национальная культура не доминирует, вынуждены бороться и за национальное и за гендерное освобождение [35].

Леся Украинка знаковая фигура в силу своей гендерной принадлежности. Именно с ее творчеством, а так же с произведениями Ольги Кобылянської, связывается появление феминистского течения в украинском модернизме: «в украинской литературе национальная идея феминизировалась: Кобылянська и Украинка были первыми, кто связал вопрос модерной нации с культурно-творческой функции женщины» [36]. Леся и О. Кобылянська, заложили основы той тенденции, которые мы находим в более позднем творчестве Олэны Тэлиги и у поэтесс «нью-йоркской группы». В их оценках современные украинские исследователи умерены: они не объявляют их первыми феминистками, а лишь видят в их произведениях элементы будущего феминизма: «новые женщины Леси Украинки, в силу того, что были одеты в исторические костюмы, остались почти незамеченными» [37]. При этом Т. Гундорова, указывая на то, что модернизм в их творчестве был национально окрашен, акцентирует внимание и на проблеме сексуальности в смысле связи секса (пола) с процессами нациестроительства. К началу XX века формируется образ матери-Украины, а у руководства национального движения стояли мужчины, правда, не отрицавшие роль «женщины-матери в процессе сотворения нации» [38]. В такой ситуации на смену «Великой Матери и всем другим материнским мифам» приходит «Мать-Отчизна с мечем» [39]. Поэтому, в истории украинской литературы появляются примеры однополой (не в смысле половой) связи, объектами которой были не сами партнеры (как правило, по безобидной переписке), а сама Украина, точнее - ее создаваемый и культивируемый их усилиями образ.

Поэтому, Ярослав Полищук предполагает, что герои Леси Украинки еще «не эмансипированы в радикальном понимании, а только делают первый шаг до личностной и половой эмансипации». Героини же О. Кобылянської свободны в большей степени, представляя собой «адекватные типы модерного сознания». Появление этих новых типов сознания фиксируется в произведениях О. Кобылянської: «Я - артистка і живу відповідно артистичним законам, а ті вимагають трохи більше, як закони такої тіснопрограмової людини, як ти. Ти можеш обмежитися на своїм ґрунті, бо мусиш; він вузький, але моє поле широкє, безмежне, і тому я

живу таким життям» [40]. Ей приписується заслуга створення нових жіночих образів. Якщо українська жінка в українській літературі до модерну мала одне достоїнство (бывшее и недостатком) - традиційність, то модернові героїні - були вже європейськи сучасні, але, що більш важливо, вони були українськими, а не архаїчно «селянськими». Віра Агеева розділяє іншу точку зору, припускаючи, що сучасники «не прочитали феміністський дискурс» в творах О. Кобылянської [41]. «Нова жінка» - одне з найважливіших досягнень українського модернізму, усвідомлене не сучасниками, а уявлене сучасними українськими інтелектуалами, в межах якого вперше в українській літературі зусиллями О. Кобылянської були створені відкрито «феміністські тексти». Завдяки Кобылянській в українську літературу приходять ідея незалежності і самодостаточності жінки [42], віра в можливість її самореалізації, що хронологічно збіглося з початком активної боротьби за створення незалежної України.

Сучасні інтерпретації історії раннього українського модернізму нерідко розвиваються навколо аналізу спадщини Лесі Українки, В. Винниченко, О. Кобылянської. Тому цілий ряд письменників другого плану виявився виключеним з дослідницького дискурсу. До них належить Михайло Яцків і Любов Яновська. На фоні Лесі Українки і Ольги Кобылянської творчість Л. Яновської може показатися більш слабкою, але це не означає того, що вона не заслуговує уваги дослідників. Можливо, вона писала під їх впливом. Неблизький фрагмент здається показовим: «Багацько... багацько там добра! - мовила враз молодичка. “Книгарні, театри, музика, вволю світа, тепла, щастя, життя, достатків... усе, чого душа забажає, все є в городі. Ні, не з дурного то розуму тікають люди з села”. Максим скипів: “Ти такі своєї співаєш! Не покинула й досі норовів! Сама душа у тілі, а ще на каєшся...” “Чого ж мені каються? Чи людині не вільно шукати собі кращого життя?”» [43]. Примітно те, що в сфері дослідницьких інтересів канадської української історіографії вони потрапили, а сучасними українськими авторами як письменники ігноруються, кілька разів згадані в книжці Т. Гундорової про ранній український модернізм, але майже ніколи не потрапляють в центр уваги, вимушено задовольняючись статусом літературного фону. І Максим Тарнавський констатує, що Яцків [44] належить до

числу малоизученных украинских писателей [45]. Вместе с тем в произведениях Яновської и Яцкива присутствует уникальный дискурс проявления гендерной ипостаси модерна, исследованный пока только в диаспорной историографии. Тарнавський, анализируя повесть Яцкива «Блискавиці» констатирует, что Яцкив забыт незаслуженно, так как на страницах его книг можно найти интересные проявления гендера и динамично развивавшейся в начале XX века украинской идентичности. Приведем лишь один небольшой фрагмент, который, по меньшей мере, свидетельствует о том, что работы М. Яцкива ждут своего внимательного прочтения и изучения, как раннемодернистские произведения: «Ішла до него гола, ширша в плечах, ніж в бедрах, з маскою усміненого черепа на лиці, з кров опійними устами, розхилювала рамена, як вампір крила, й обіймала ними весь світ, як грекиня полового розпусту. Перед світлом жмурила очі і хмурила чоло, - вночі виділа обіймами і конала в розкоші з лебединим нимранєм насолоди, схожим до голосу кролика і кітки» [46].

Большая часть современных исследований истории украинского модернизма создана с опорой на постмодернистскую методологию. Поэтому, в некоторых исследованиях очевидна тенденция модернизации описываемого. В условиях такого националистического реванша вкупе с постмодернистским переосмыслением значительное количество работ по истории модернизма нередко сводится к синтезу украинской, диаспорной и западной историографии. И еще одна особенность: украинские исследователи модернизма одинаково хорошо ориентируются в истории украинского и зарубежных модернов, что придает их исследованиям компаративистскую перспективу.

Модерновые студии не лишены недостатков. Очевидна их узость и направленность в одну сторону: одни и те же герои переключаются из книги в книгу, что ведет к угрозе дисциплинарной провинциализации. Хронологические границы искусственно сужены, история украинского модерна первой половиной XX века не ограничивается. Целый ряд возможных исследовательских дискурсов не изучается. Украинские авторы не всегда утруждают себя поиском украинских истоков модернизма, видя в его появлении результат европейского влияния. Модерновые мотивы писателей «второго плана» так же заслуживают изучения. Советское восприятие модерна отвергается как идеологическое (что в принципе верно), но советская перцепция модерна серьезно не исследуется, хотя

представляет собой интересный феномен. Не осмысливается то, как писатели-модернисты интегрировались в советский канон, превращаясь в реакционеров. Самым большим упущением является то, что не изучается развитие модерна диаспорной литературы и англоязычной американско-канадской прозы украинского происхождения. Эта сфера может дать много исследовательских сюжетов, связанных, как преломлением модерна в зеркале диаспорной прозы и поэзии и с проблемами гендера, нации, идентичности, национализма.

1. Моренець В. Національні шляхи поетичного модерну першої половини ХХ ст.: Україна і Польща. - Київ, 2002. - С. 34.
2. Кміт Ю. Фрідріх Ніцше // Літературно-науковий вісник. - 1901. - Т. 15. - № 8. - С. 87; Леся Українка. Зібрання творів. - Т. 12. - С. 28.
3. Шкандрій М. В обіймах імперії. Російська і українська літератури новітньої доби. - Київ, 2004. - С. 308. Максим Тарнавський, тожє канадський український історик, придерживається похожего мнения, указывая на модернизм как бунт против реализма (Tarnawsky M. *European Influence in Ukrainian Modern Prose // Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes*. - 1992. - Vol. XXXIV. - No 1 - 2. - P. 132)
4. В 1990-е годы предпринимались попытки, не получившие развития, проанализировать эти объединения в контексте модернизма. См.: Іlnytskij O. *Ukrainska khata and Paradoxes of Ukrainian Modernism // Journal of Ukrainian Studies*. - 1994. - Vol. 19. - No 2. - P. 5 - 30; Павличко С. Від модернізму до модерності: теоретичний дискурс "Української хати" // Сучасність. - 1995. - № 9.
5. Лавріненко Ю. Розстріляне відродження. Антологія 1917 - 1933. Поезія, проза, драма, есей. - Київ, 2004. - С. 784.
6. О смене литературных традиций см.: Гординский Я. Літературна критика підсоветської України. - Львів, 1939. - С. 9.
7. Ніковський А. *Vita nova* // З історії української критики / під ред. А. Ковалівського. - Харків, 1926. - С. 100. Аналогичные мотивы необходимого расставания с Т. Шевченко, как украинской архаикой, мы находим у Е. Маланюка: «Не поет - бо це ж до болю мало, не трибун - бо це лиш рупор мас, і вже менш за все - "Кобзар Тарас", він, ким зайнялось і запалало» - Маланюк Є. Шевченко // Празька поетична школа. Антологія / уряд. О.Г. Астаф'єв, А.О. Дністровий. - Харків, 2004. - С. 47.

8. Пеленський Є.Ю. Сучасне західноукраїнське письменство: огляд за 1930 - 1935 рр. - Львів, 1935. - С. 10.
9. Определенное модернистское возрождение имеет место в настоящее время. В монографии Виры Агеевой присутствует глава «Два *fin de siecle*: гендерні аспекти сучасної української літератури» (Агеева В. Жіночий простір. Феміністський дискурс українського модернізму. - Київ, 2003. - С. 255 - 300).
10. Рубчак Б. Пробний лет // Остап Луцький - молодомузець. - Нью-Йорк, 1968. - С. 18.
11. См. одно из новейших изданий «самого известного украинского романа последнего десятилетия» - «Полевые исследования украинского секса» (1996), который в Украине уже выдержал семь (уникальный случай для современного произведения) изданий, переведен на русский, польский, чешский и венгерский языки. Забужко О. Польові дослідження з українського сексу. Роман. - Київ, 2004.
12. См.: Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX - XX століття. - Київ, 1996; Зеленко Г. Навздогінна модернізація: досвід Польщі та України. - Київ, 2003.
13. Відлуння самотності. Кнут Гамсун та контекст українського модернізму / упоряд. Ю. Ємець-Доброносова. - Київ, 2003; Поети Нью-Йоркської групи. Антологія / упоряд. О.Г. Астаф'єв, А.О. Дністровий. - Харків, 2003; Півстоліття напівтиші. Антологія поезії Нью-Йоркської групи / упоряд. М. Ревакович. - Київ, 2005.
14. Постмодернізм в сучасному українському дискурсі превратился в своеобразный символ веры и ссылки на него стали проверкой то ли на лояльность, то ли на профессиональную пригодность. См.: Агеева В. Поетеса зламу століть. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації. - Київ, 1999; Гундорова Т. Проявлення слова. Дискурс раннього українського модернізму. Постмодерна інтерпретація. - Львів, 1997.
15. П'єса Лесі Українки «Бояриня» вышла впервые в 1929 году, после чего не переиздавалась до 1989 года. Текст пьесы см.: Леся Українка. Бояриня. Драматична поема. - Торонто, 1971. О судьбе пьесы см.: Шкандрій М. В обіймах імперії. Російська і українська літератури новітньої доби. - С. 310.
16. Гундорова Т. Проявлення слова. - С. 9.
17. Шкандрій М. Відкривання Карманського // Критика. - 1999. - № 4. - С. 25.
18. От таких категорических оценок предостерегает Максим Тарнавський, указывающий, что творчество Лесі Українки не

было модернистским в современном понимании. **Tarnawsky M. Feminism, Modernism and Ukrainian Women // Journal of Ukrainian Studies. - 1994. - Vol. 19. - No 2. - P. 40.**

19. Агеева В. Жіночий простір. - С. 70.

20. Сріблянський М. На великім шляху // Українська хата. - 1910. - Ч. 1; Сріблянський М. Боротьба за індивідуальність // Українська хата. - 1912. - Ч. 2. - С. 107.

21. Поліщук Я. Міфологічний горизонт українського модернізму. - С. 151.

22. Агеева В. Жіночий простір. - С. 78.

23. Гундорова Т. Проявлення слова. - С. 203.

24. Например, Максим Тарнавський в 1992 году писал, что проза Ивана Франко не модерна в прямом смысле этого слова, а лишь демонстрирует свои европейские истоки. **Tarnawsky M. European Influence in Ukrainian Modern Prose // Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes. - 1992. - Vol. XXXIV. - No 1 - 2. - P. 131.**

25. Гундорова Т. Проявлення слова. - С. 211.

26. Гундорова Т. Франко - не каменяр. - Мельбурн, 1996; Поліщук Я. Міфологічний горизонт українського модернізму. - С. 137.

27. Агеева В. Жіночий простір. - С. 17.

28. Діалоги на межі століть. Стенограми міждисциплінарних семінарів імені Івана Лисяка-Рудницького, Київ, 1996 - 2000 рр. - Київ, 2003. - С. 321.

29. Гундорова Т. **Femina Melancholica.** - С. 224.

30. Агеева В. Жіночий простір. - С. 15.

31. Павличко С. Листи з Києва. 12 травня 1990 - 2 квітня 1991. - Київ, 2001. - С. 119.

32. Поліщук Я. Міфологічний горизонт... - С. 144 - 147.

33. Перший вінок. Жіночий альманах. - Львів, 1887.

34. В 1984 году статья была переиздана с несколько измененным названием («Українське жіноцтво в Галичині в наших часах») в Нью-Йорке (Перший вінок. Жіночий альманах. - Нью-Йорк, 1984), а сама книга была с пониманием встречена критиками (Horban-Carynnyk M. Перший вінок. Жіночий альманах. - Нью-Йорк, 1984 // **Journal of Ukrainian Studies. - 1985. - Vol. 11. - No 1. - P. 98 - 101.**)

35. Богачевська-Хомяк М. Націоналізм та фемінізм - одна монета спільного вжитку // *І. Незалежний культурологічний часопис.* - 2000. Ч. 17. - С. 9.

36. Гундорова Т. **Femina Melancholica.** - С. 226. Похожей точки зрения придерживается и украинская канадская историография: **Tarnawsky M. Feminism, Modernism and**

- Ukrainian Women // Journal of Ukrainian Studies. - 1994. - Vol. 19. - No 2. - P. 31.**
- 37. Агеєва В. Жіночий простір. - С. 6.**
- 38. Гундорова Т. *Femina Melancholica*. - С. 223.**
- 39. Забужко О. Жінка-автор у колоніальній культурі, або Знадоба до української гендерної міфології // Забужко О. Хроніки про Фортінбраса. - Київ, 1999. - С. 160.**
- 40. Кобилянська О. *Valse melancholique* // Кобилянська О. Вибрані твори. - Київ, 1974. - С. 394.**
- 41. Поліщук Я. Міфологічний горизонт... - С. 155, 159; Агеєва В. Жіночий простір. - С. 6.**
- 42. Гундорова Т. *Femina Melancholica*. - С. 40 - 43.**
- 43. Яновська Л. Городянка // Яновська Л. Твори в двох томах. - Т.1. - Київ, 1991. - С. 560. О наследии Л. Яновской см.: Tarnawsky M. *Feminism, Modernism and Ukrainian Women // Journal of Ukrainian Studies. - 1994. - Vol. 19. - NO 2. - P. 33 - 36.***
- 44. В начале XX века произведения М. Яцкива активно издавались - Яцків М. Смерть бога. Нариси і новели. - Львів, [б.д.] (Опубликовано как 13 и 14 части «Новейшей библиотеки»). О М. Яцкиве см.: Євшан М. Михайло Яцків // Українська хата. - 1909. - № 3; Якубовський Б. Яцків і його критик // Книгар. -1919. - № 28.**
- 45. Tarnawsky M. *European Influence in Ukrainian Modern Prose // Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes. - 1992. - Vol. XXXIV. - No 1 - 2. - P. 138.***
- 46. Произведения Яцкива были переизданы, но все еще не нашли своего исследователя. См.: Яцків М. Муза на чорному коні. - Київ, 1989.**

Максим КИРЧАНОВ

ЭТАПЫ И ВЕХИ ХОРВАТО-УКРАИНСКОГО ДИАЛОГА В XX ВЕКЕ

«Dragomanovič? Це прізвище мені звідкись знайоме... Чекайте, чекайте... Якийсь Dragomanovič був членом хорватського уряду того що за німців, знаєте? Може, ваш якийсь родич? – Так, батько. – Ах, то ви, певно, також хорватський націоналіст?»
Марта Тарнавська, *Самотне місце під сонцем, 1972*

Введение в проблему. Украинцы – нация, обладающая крупной диаспорой за рубежом. Появление украинцев на Балканах было связано с политическими процессами в Украине, с аграрным перенаселением и национальным угнетением. Украинская эмиграция на Балканы началась в XVIII веке, продолжилась в XIX, но наибольшее число украинцев приехало в этот регион между двумя мировыми войнами. Если ранее украинцы были экономическими мигрантами, то в XX веке эмиграция приобрела политический характер. История украинцев в Балканском регионе уже попадала в сферу внимания, как украинских, так и сербских и хорватских историков [1]. Однако в этой историографии значительное внимание уделено этнографии украинских поселений, особенностям развития украинского языка и его русинского варианта, церковной жизни, собственно истории тех или иных украинских сел и наиболее активным и значимым украинским деятелям.

В такой ситуации сюжеты, связанные с проблемами истории отношений украинцев с балканскими славянскими,

нациями, например, с хорватами гораздо реже попадали на страницы исследований. Сербские историки в межвоенной Югославии нередко видели в украинцах россиян и, поэтому, украинская проблематика игнорировалась. В социалистической Югославии изучение истории украинской диаспоры было уделом самих украинских эмигрантов, а югославские (главным образом, сербские) историки игнорировали историю украинской диаспоры, так как эта тема была политически неудобной – изучение диаспоры неизбежно вело к появлению проблем истории украинского национального движения, что было чревато, с одной стороны, обострением национальных проблем на территории самой Югославии, а, с другой, ухудшением отношений с Советским Союзом, который вел борьбу с украинским движением, проводя на территории Украины политику русификации. Анализ истории хорватско-украинских отношений в Югославии был под негласным запретом, так как официальная идеология усматривала в этом проявление хорватского сепаратизма.

Поэтому, широкий круг проблем автоматически почти не получал изучения. Мы можем упомянуть лишь несколько небольших брошюр и статей, изданных украинскими эмигрантами [2]. В российской историографии установилась твердая традиция изучения истории отношений России с отдельными славянскими, как правило, «братскими» православными народами – сербами, болгарами, македонцами. В такой ситуации для истории хорватско-украинских отношений места практически не оставалось. Именно по данной причине, в этой статье автор предпримет попытку расширить бытующие в российской историографии представления об истории отношений хорватов с украинцами. В центре авторского внимания не будут двусторонние отношения в традиционном понимании: нас интересует, как развивались отношения между хорватами и балканскими украинцами, так как эта проблема, с одной стороны, неотъемлемая часть истории хорватско-украинских отношений, а, с другой, она почти не изучена в украинской и российской историографии.

Вехи истории. Прежде чем обратиться к проблемам украино-хорватских отношений в XX веке, кратко остановимся на основных вехах истории украинцев в Хорватии. Невозможно определить точный год начала непосредственно хорватско-украинских отношений, но, в целом, их начало мы можем датировать XVIII столетием [3, С. 6 – 20]. Именно тогда на хорватских этнических землях появляются выходцы с

территории современной Украины. Первые украинцы приезжали из Галичины и Закарпатья и были носителями соответствующих украинских диалектов. Письменные источники фиксируют наличие украинских семей в хорватском окружении в Боснии в 1745 году. В 1751 году они заселяют село Керестур, позднее называвшееся Русский Керестур [4], так как там преобладали украинцы-русины. Во второй половине XVIII века число украинцев возрастает, они переселяются в другие регионы Хорватии. Параллельно росту численности украинцев и русинов развивается их церковная организация. Большая часть украинцев была греко-католиками, и это способствовало установлению более дружественных отношений с католиками-хорватами, нежели с православными сербами [5, S. 103 – 106]. В целом, на протяжении XIX века и хорваты и украинцы были подданными Империи Габсбургов, но в тот период отношения между ними носили спорадический характер.

Попытка установления отношений. Новый этап в истории хорвато-украинских политических контактов начался в XX столетии. Контакты активизировались после завершения первой мировой войны, когда и хорватская и украинская попытка строительства независимой государственности закончилась неудачей. В 1919 – 1920 годах Украинская Народная Республика (УНР) пыталась открыть свое представительство в Загребе, но включение Хорватии в состав Королевства СХС разрушило эти планы. Между тем попытка установления отношений была продиктована стремлением утвердить УНР на международной арене. Не последнюю роль играло и осознание правительства Украинской Народной Республики оказывать поддержку украинцам на территории СХС, численность которых к 1918 году составила уже 35 тысяч человек.

Инициатива установления отношений принадлежала украинскому представителю в Румынии, профессору Костю Мацеевичу (Кость Мацієвич), который высказал свои предложения в ноябре 1919 году. Позднее с подобной инициативой выступил и Мыхайло Петрив (Михайло Петрів), юристконсульт министерства землеустройства УНР. В свою очередь глава МИД УНР Андрий Никовський (Андрій Ніковський) выразил свое принципиальное согласие и распорядился выяснить позицию в этом вопросе хорватской стороны. После этого он получил письмо от инициативной группы украинцев, проживавших в Загребе, о том, что идея открытия украинского консульства не встречает серьезных

препятствий со стороны «автономного правительства Хорватии». Украинская сторона полагала, что место консула займет Стефан Лукьянович (Стефан Лук'янович) – один из украинских хорватских лидеров [6, С. 98 – 99].

В 1919 – 1920 годах необходимость установления отношений между Украиной и Хорватией мотивировалась не только политическими соображениями. Украинские политики указывали на общность судеб двух народов. Например, Мыхайло Петрив писал, что «среди всех славянских народов юга хорватский народ наиболее близок к нам по языку и духу, он, как и мы, заколен в борьбе за свою независимость с турками и уграми, он и сейчас продолжает ее за полную автономию (федерацию) в Югославянской державе. Хорватский народ больше других понимает нас, украинцев, в нашей борьбе за свою государственную независимость и с сочувствием относится к Украинской Народной Республике» [7, С. 100 – 101]. Несмотря на такое желание определенной части украинской эмиграции установить отношения с Хорватией, эта попытка не привела к серьезным результатам. Украина не смогла отстоять свою независимость, а развитие украино-хорватских контактов продолжилось, но на этот раз за хорватами и украинцами не стояли государства, представителями которых они являлись.

Между двумя мировыми войнами. Неудача дипломатических инициатив УНР и ее ликвидация через включение Украины в СССР не означали прекращения отношений. Если в 1920-е годы, они носили культурно-просветительский характер, то переворот 1929 года привел к их политизации. Если в Королевстве сербов, хорватов и словенцев было место для национальных меньшинств, которым гарантировались некоторые права, то Югославия позиционировалось как почти исключительно сербское государство.

В такой ситуации, когда правительство берет курс на культивирование искусственного югославского самосознания на сербской основе, и хорваты, и украинцы были вынуждены отстаивать право на сохранение своей идентичности, культуры и языков, но, в первую очередь – собственного национального имени [8, С. 21 – 23]. После 1929 года начинаются контакты между украинскими и хорватскими национально ориентированными политиками в Югославии: хорваты стремились доказать то, что они хорваты, а не сербы-католики, как утверждала великосербская пропаганда, а перед украинцами стояла задача сохранения именно в качестве

украинцев, так как правительство Югославии, давшее приют русским белым эмигрантам руководствовалось их мнением и видело в украинцах сепаратистов, виновных в распаде Российской Империи. Реализация этих задач сталкивалась с непониманием со стороны властей, которые склонялись к использованию принуждения и насилия, как универсальных методов усмирения хорватских и украинских интеллектуалов [9].

Центром хорвато-украинских контактов в межвоенный период становится Загреб, превратившийся в очаг противостояния сербскому централизму. Именно хорватские периодические издания помещали информацию по истории Украины, украинского национального движения и о положении в Украинской ССР [10]. Например, в 1921 году в Загребе на хорватском языке вышла книга, посвященная Тарасу Шевченко, а в 1929 – 1930 годах украинские газеты опубликовали несколько статей, где была представлена украинская позиция по украинскому вопросу. Именно Хорватия становится центром Украиной политической жизни в межвоенный период в то время, как украинские организации в Сербии имели локальный, а не национальный характер и находились под русским влиянием. Позднее загребские украинцы организовывали мероприятия, посвященные провозглашению независимости Украины, памяти первого украинского президента Мыхайло Грушевського, в которых принимали участие и хорватские национально ориентированные политики.

Первой украинской национальной организацией, возникшей в Хорватии, в рамках которой активно развивались украино-хорватские отношения, была украинская секция при Католическом академическом обществе, которое возглавлял Янко Шимрак [11]. В 1922 году в Загребе создается общество «Просвіта», лидерами которого стали Василь Войтанівський (Василь Войтанівський), Иван Будз (Іван Будз), Янко Колий (Янко Колій), Йосыф Филяс (Йосиф Філяс), Антин Жук (Антін Жук) [12]. Кроме этого в Загребе действовало и украинское студенческое общество. В 1922 году возникает «Українська студентська громада» [13, С. 99 – 100]. В 1923 году в Загребе были организованы празднования посвященные Тарасу Шевченко, в которых приняли участие и хорватские интеллектуалы, например – Й. Бадалич, выступивший с докладом «Шевченко – певец свободы» [14]. Постепенно украинские деятели начинают проявлять интерес к хорватской истории, писать о ней на украинском и на хорватском языках.

Первым в ряду таких украинских интеллектуалов следует назвать Антина Ивахнюка (Антін Івахнюк), который начал популяризировать среди украинцев идеи Анте Старчевича [15, С. 62 – 73]. С другой стороны, становится очевидным созвучие политических лозунгов украинских и хорватских политиков, которые ставили перед собой цели создания национального украинского и хорватского независимого государства. Именно эти контакты межвоенного времени и заложили основы украинско-хорватского сближения в период второй мировой войны.

Украинцы в независимой Хорватии. Международным кризис конца 1930-х годов привел к началу второй мировой войны, немецко-итальянской оккупации Югославии и ликвидации этого государства. На развалинах Югославии образовывается несколько государственных образований, в том числе – и Независимое Государство Хорватия. После завершения периода сербской гегемонии в Хорватии и контролируемой хорватами части Боснии возникли условия для относительно свободного и динамичного развития украинской культуры и языка. С другой стороны, наметилась тенденция политического сближения, так как правящие круги НГХ и украинские лидеры стояли на антикоммунистических позициях. В 1941 году власти Хорватии пошли на встречу требованиям радикального крыла местных украинских националистов и начали организацию Украинского Легиона, который был создан, но к 1942 году был расформирован, так как власти были не в силах его содержать, сомневаясь и в его благонадежности [16, S. 640 – 641].

В 1941 году лидеры хорватских украинцев предприняли шаги к своей институционализации, приняв на себя функции Украинского Представительства (Українське Представництво) в НГХ. Перед собой они поставили несколько целей, а именно: правовая и консульская опека над украинцами в НГХ, охрана украинских поселений на территории Боснии, развитие украинской культурной автономии, реализация религиозных нужд украинцев, пропаганда идей украинского национального движения. Украинские деятели, лидером которых к тому времени стал Василь Войтанивський, в Хорватии поддерживали контакты и с украинскими политиками в Украине, которые указывали на принципиальную важность общего вклада хорватов и украинцев в «борьбу против большевизма». Например, Андрий Мельник (Андрій Мельник) писал, что «украинский народ благодарен хорватам и их Поглавнику, что он позитивно относится к стремлениям

украинцев» создать независимое государство. Кроме этого он выражал надежду увидит и украинских добровольцев из Хорватии в составе украинских войск «в освобожденном от большевиков Киеве» [17]. Мельник проводил и параллели в развитии хорватов и украинцев: «общая неволя и совместная борьба объединила наши народы» [18].

В НГХ становится очевидной близость идей хорватских и украинских национально ориентированных политиков и интеллектуалов. Объединяющей темой было их участие в «борьбе с большевизмом». Хорватские газеты писали о восстановлении хорватской государственной и возобновлении военной традиции [19]. Один из ведущих украинских интеллектуалов архиепископ Алоизий Степинац, комментируя появление НГХ, писал, что «наш народ встретился со своей давней и долгожданной мечтой... в этой стране мы увидели Свет Божий... и не трудно заметить, что здесь имел место Божий промысел» [20, S. 550]. Украинские деятели в своем большинстве были с ними солидарны. В 1941 году отец Микола Бучко (Микола Бучко), выступая в одном из украинских сел, говорил, что «украинцы не являются нацией пастухов», а представляют собой народ с воинскими традициями, продолжающий подвиги «княжеских дружинников и казаков», развивая их «воинские добродетели» [21].

Время существования НГХ казалось хорватским национально ориентированным интеллектуалам периодом национального подъема. В начале 1940-х годов и украинские деятели в Хорватии, описывая свое положение, были склонны констатировать его изменение в лучшую сторону по сравнению с тем, как они жили в Югославии. Сараевский архиепископ Иван Шарич, например, писал, что «над новой, юной, свободной Хорватией в небесах как знамение появился прекрасный сияющий образ Девы Марии. Пресвятая Богородица идее в милую ее сердцу Хорватию, что бы заключить ее в свои объятия. Она спускается на знаменах нашей свободы, чтобы занять свое место и опекать нас как в те времена, когда наши баны шли в бой под знаменами с ее образом» [22].

Аналогичные настроения находим и деятелей украинской общины Хорватии, например, у Евгена Мацяха (Євген Мацях) в 1941 году писавшего о националистической политике, направленной против хорватов, украинцев и других народов, инициаторами и проводниками которой были сербы. Мацях констатировал, что украинцы, где бы они ни жили,

сталкивались с «разнородными преследованиями и преградами в развитии национальной жизни». Мацяк вспоминал, что украинские культурные общества «стали объектами ненависти со стороны сербской власти». Хорваты, по его словам, к украинцам относились иначе: «хорваты, в первую очередь революционеры (усташи – М.К.), с удивлением и благосклонностью смотрели на то, как уверенно работала украинская эмиграция» [23].

Как и большинство хорватских националистов, украинские национально ориентированные политики встретили появление НГХ с воодушевлением. В Раевом Селе начал выходить вестник «Думка», имевший национальную направленность и характерный подзаголовок – «Український націоналістичний часопис у НДХ». В декабре 1941 года, комментируя положения украинцев в Хорватии и перспективы развития хорвато-украинских отношений, один из его авторов писал, что «украинцы в Независимом Государстве Хорватия пребывают теперь в таких приятных обстоятельствах, что могут много чего сделать для украинского дела». Тот же автор не преминул сравнить «тяжелые дни югославского террора» со «свободой нашей политической мысли» в независимой Хорватии [24]. В целом, значительная часть украинцев, в отличие от хорватских сербов, воспринимала НГХ как свое государство и была лояльна идее хорватской независимости.

Хорвато-украинский альянс стимулировался и самой политикой сербских четников в отношении украинцев. Например, на территории Греко-католической парафии Прнявор до войны жило **1850** украинцев. Из них погибли **48** украинцев, из которых **43** было убито коммунистическими партизанами и четниками [25]. При этом существовала и другая тенденция развития хорвато-украинских отношений, когда и хорваты и украинцы принимали участие в освободительной войне, направленной против немецко-итальянских войск и союзных им усташеских формирований [26]. Среди жертв усташеского террора оказались и украинцы [27, С. 166.]. Антиукраинские репрессии стали следствием крайнего течения в хорватском национализме и не вписывались в общую линию развития украино-хорватских отношений. В такой ситуации, если сербы в период войны понесли наибольшие потери, то украинцы извлекли некоторые выгоды, которые были сведены на нет восстановлением югославского государства.

В социалистической Югославии: диалог продолжается. Завершение второй мировой войны привело к ликвидации хорватской независимости и восстановлению единого югославского государства, но на федеральных началах, и хотя, оно не было уже чисто сербским, сербские коммунистические лидеры нередко были склонны рассматривать его как именно сербское. Во второй половине 1940-х годов украинские лидеры в Хорватии были репрессированы: Василь Войтанивський со всей семьей был расстрелян сербскими коммунистами [28, С. 50]. Были расстреляны и другие украинские активисты – Михайло Степчышын (Михайло Степчишин), Ивак Яцусь (Ивак Яцусь), Василь Варыцький (Василь Варицький), Роман Огаднык (Роман Огадник) [29]. Этому способствовал и СССР, стремившейся ослабить украинскую национальную эмиграцию. Новое коммунистическое руководство само склонялось к репрессиям, так как полагало, что они лишат хорватов значительной части сторонников [30].

В такой ситуации и хорваты, и украинцы вновь оказываются союзниками в борьбе против сербского диктата в политике и культуре. После 1945 года возрастает число украинцев на территории Хорватии. Рост был вызван колонизационной политикой сербов на территории хорватских районов Боснии, откуда они вытесняли хорватов и украинцев, которые были вынуждены мигрировать в хорватские регионы [31]. Поэтому, создание в 1968 Союза русинов и украинцев Хорватии (Союз русинів і українців Хорватії) стало свидетельством национальной активизации и демонстрацией несогласия с проводимой политикой. Периодическое издание Союза журнал «Нова Думка» почти сразу занял четко выраженную национальную позицию. В 2001 году, в связи с тридцатилетием журнала, отец Роман Мызь (Роман Мизь) напишет, что журнал играл особую роль в «смутные времена социалистической действительности», способствуя сохранению идентичности и противостоя авторитарному режиму [32, С. 11 – 12].

1967 и 1968 годы были важными в развитии контактов между украинскими и хорватскими интеллектуалами. Наметилась тенденция возрождения хорватского движения, которое встречало понимание и среди украинских активистов. Вероятно, именно политизация хорватской интеллигенции стала стимулом для возобновления активности среди украинцев. Этому предшествовали события 1967 года в Загребе, когда появилось письмо хорватских деятелей

культуры, которые требовали признать хорватский самостоятельным языком [33]. В ответ сербские писатели потребовали преподавания в сербских школах на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины исключительно на сербском и на кириллице, что могло в перспективе значительно ограничить использование украинского и его русинского варианта и, вероятно, вытеснить их из активного употребления. В такой ситуации, выбирая между сербами и хорватами, украинские интеллектуалы выбрали вторых.

В первой половине 1970-х годов в отношениях между хорватами и украинцами наметились новые тенденции более тесного сближения, связанные с усилением консервативного крыла в руководстве Югославии. Зачинщиками обострения отношений стали хорваты: в 1971 году Федерация студентов Хорватии объявила забастовку, требуя расширения автономии республики. Хорватские коммунисты на это никак не прореагировали и, поэтому, в 1972 году Белград ввел в Загреб войска, провел чистку хорватской компартии, а более 400 хорватских националистов было арестовано [34]. В рамках этой консервативной волны жертвами сербской политики стали не только хорватские интеллектуалы, но и украинские, которые подвергались преследованиям за прохорватские симпатии.

В такой ситуации единственной возможной сферой взаимных хорватско-украинских контактов были гуманитарные исследования. Однако и в этой сфере украинские и хорватские интеллектуалы смогли найти возможность для проявления своей оппозиционности официальной политике коммунистического правительства Югославии. Такой хорватско-украинский культурный диалог был и политическим. Он был важен для хорватских интеллектуалов, так как изучение истории украино-хорватских отношений давало возможность подчеркнуть независимый характер хорватской культуры. Для украинских интеллектуалов подобные филологические студии [35] имели почти такое же значения, позволяя им, в свою очередь, подчеркнуть европейский характер украинской культуры. Однако соприкосновение в сфере гуманитарных исследований не было определяющим фактором в украино-хорватском диалоге.

Сближению национального хорватского и украинского движения способствовала сама политика коммунистического югославского правительства. По свидетельству отца Ярослава Лещышына (Ярослав Лещинин), сербы стремились преследовать в одинаковой степени и хорватов и украинцев,

как на территории Сербии, так и в Боснии и даже в самой Хорватии. В связи с этим он пишет, что «они (православные сербы) просто не могли терпеть среди своих соседей украинцев, потому что те были греко-католиками» [36, С. 164]. Ситуация развивалась в рамках взаимного сосуществования, так как СФРЮ была страной с авторитарным политическим режимом. Обострение национальных проблем искусственно сдерживалось. Кризис СССР, крах социализма в Европе привели к распаду Югославии, что не могло не сказаться на развитии украино-хорватских отношений.

Хорвато-украинский союз во время войны на Балканах. Новый этап в истории отношений между хорватами и украинцами наступает в начале 1990-х годов с восстановлением хорватской и украинской независимости. С одной стороны украинские интеллектуалы отметили столетие украино-хорватских контактов [37]. С другой, в начавшемся сербско-хорватском вооруженном конфликте на территории Боснии украинцы нередко выступали на стороне хорватских вооруженных формирований. В связи с этим хорватский политический деятель украинского происхождения Мирослав Киш подчеркивает, что украинцы стали союзниками хорватов, так как те «вели антитоталитарную, антифашистскую, отечественную, оборонную войну» [38, С. 169]. Настроения в пользу союза с хорватами стимулировались различными факторами, среди которых немаловажную роль играл хорватский внешнеполитический ориентир на Европу, в которую стала стремиться и сама Украина [39].

Росту прохорватских симпатий способствовала и сама сербская политика в регионе, направленная на построение Великой Сербии, ориентированной в том числе и на Россию. Сербь, например, в ходе военных действий в Вуковаре (до войны, украинцы в городе были самым крупным национальным меньшинством и составляли 2500 человек) [40], провели этническую чистку, изгнав украинцев (как несербов и неправославных), уничтожив здание местного украинского культурного центра и разрушив украинскую греко-католическую церковь [41].

Рост прохорватских настроений среди боснийских украинцев, которые до конфликта жили среди хорватов, наблюдался и после завершения его активной фазы. Украинцы подверглись на этот раз преследованиям со стороны сербов и российских миротворцев, которые распространяли и на них вину за отделение Украины, хотя реально те к этому событию отношения не имели. По наблюдениям украинских

экспертов и представителей, при негласном одобрении российского контингента сербы изгоняли хорватское и украинское население. Например, в регионе дислокации российских миротворцев было выселено в хорватские районы более тридцати украинских семей [42]. Поэтому, в 1993 году МИД Украины согласилось открыть посольство в Хорватии, но отказалось открывать посольство в Сербии [43]. Выбор был сделан именно в пользу Хорватии, так как, с одной стороны, в ходе межэтнического конфликта украинцы нередко поддерживали хорватов, а, с другой, хорватское правительство не проявляло пророссийских симпатий и, поэтому, не нарушало прав украинцев на культурную и языковую автономию. К 1993 году в Хорватии не было зарегистрировано ни одного случая нарушения прав украинцев со стороны хорватских властей [44], что стало залогом динамичного развития украино-хорватских отношений на современном этапе.

Хорватия и Украина: на путях европейской интеграции. В настоящее время Украина и Хорватия развивают отношения партнерства и сотрудничества, значительная роль в которых принадлежит украинской диаспоре в Хорватии, ставшей посредницей между двумя странами, народами и культурами. Сближению, по мнению посла Украины в Республике Хорватия, А. Шостака, способствуют общие задачи, стоящие перед Украиной и Хорватией, во внешней и внутренней политике. Эти страны строят, с одной стороны, демократическое общество, с другой, декларируют в качестве своих внешнеполитических приоритетов интеграцию в НАТО и Европейский Союз [45, С. 4].

Украинское Министерство иностранных дел часто подчеркивает общность исторических судеб украинцев и хорватов на Балканах. В 2001 году заместитель министра иностранных дел Украины Игор Харченко (Ігор Харченко) в одном из официальных писем, адресованных украинским деятелям в Хорватии писал: «вместе с хорватским народом русины-украинцы переживали все его беды и радости, отстаивали свободу своей новообретенной отчизны и ныне вы совместно строите независимое и демократическое хорватское государство. Украину и Хорватию связывает давняя дружба... сегодня Украина, как и Хорватия, движется в направлении одной стратегической цели – в Единую демократическую Европу» [46, С. 9].

Перспективы исследования. Если до XVIII века связи между хорватами и украинцами имели спорадический характер, то политические события XX столетия превратили их в партнеров, отношения между которыми динамично развиваются. Противоречивая внутренняя политика Югославии превратила хорватских и украинских интеллектуалов в союзников в борьбе против сербской гегемонии ради сохранения национальных идентичностей. В результате, наибольшее число контактов возникало в сфере национального движения. Их партнерство и сотрудничество развивалось как ответ на сербский вызов возможной ассимиляции, но в ситуации сербского доминирования в межвоенной Югославии хорватские и украинские национально ориентированные интеллектуалы были вытеснены на периферию политической жизни.

В годы второй мировой войны хорваты получили возможность политического реванша, но не смогли реализовать шанс строительства хорватского национального государства. После 1945 года они и их временные союзники украинцы были вновь исключены из политической жизни, но, вернувшись к активной деятельности в 1950 – 1960-е годы, они ощутили тенденции усиления сербского этнического элемента во внутренней политике. Поэтому, хорвато-украинские контакты были отношениями двух наций, стремившихся сохранить свою национальную идентичность. Распад Югославии и начало вооруженного конфликта показали, что их союз не был случайным: хорвато-украинский альянс противостоял очередной попытке сербов построить Великую Сербию. В ходе этого балканского конфликта хорваты смогли отстаивать свое право на независимость, а украинцы – на сохранение своей идентичности в рамках демократической Хорватии.

И хотя на современном этапе украинцы являются меньшинством в Хорватии, хорвато-украинские отношения носят мирный и конструктивный, проверенный временем, характер. Хорвато-украинские отношения – образец терпимого отношения друг к другу, а политика хорватского правительства в отношении украинцев заслуживает особого внимания в Российской Федерации, как многонациональном государстве. Констатировать возможность резких изменений ситуации не приходится. Общие внешнеполитические цели будут способствовать дальнейшему развитию украино-хорватских контактов, отдельные аспекты которых нуждаются в более глубоком изучении.

1. Мацях Є. Українська еміграція в Югославії // Український Вісник. – 1942. – № 16; Зелик І. Українці в Югославії // Українські поселення. – Нью Йорк, 1981; Рамач Л. Русини-українці в Югославії. – Вінніпег, 1971; Рамач Я. Кратка итория руснацох. – Нови Сад, 1993.
2. См., например, научно-популярное исследование Евгена Мацяха, вышедшее в Париже в 1955 году – Мацях Є. Українці в Хорватії. – Париж, 1955. В 2002 году в Загребе вышел юбилейный сборник, посвященный столетию украинцев в Хорватии, который имеет скорее общественно-политический, а не научный характер. См.: Українці Хорватії. Матеріали і документи / **Ukrajinci Hrvatske. Materijali i dokumenti.** – Кн. 1 / **Kn. 1.** – Загреб / **Zagreb, 2002.**
3. По истории украинской диаспоры в этом регионе см.: Марунчак М. Українці в Румунії, Чехословаччині, Польщі, Югославії. – Вінніпег, 1969; Малиновська О. Українська діаспора в південнослов'янських землях. Короткий історичний нарис // Українці Хорватії. Матеріали і документи / **Ukrajinci Hrvatske. Materijali i dokumenti.** – Кн. 1 / **Kn. 1.** – Загреб / **Zagreb, 2002.** – С. 6 – 20.
4. Об истории украинцев в этом регионе см.: Тимко О. Насельнеци Руског Крстура и Кицира // Зборник за друштвене науки. – Нови Сад, 1968. – Т. 50.
5. Об истории украинской религиозной жизни в Хорватии и о связях хорватских католиков и украинских греко-католиков см.: **Križevački eparhijski vijesnik.** – 1945. – S. 103 – 106.
6. Доповідь від 17/1 – 1921 р. // Українці Хорватії. Матеріали і документи / **Ukrajinci Hrvatske. Materijali i dokumenti.** – Кн. 1 / **Kn. 1.** – Загреб / **Zagreb, 2002.** – С. 98 – 99.
7. Вельможному панові Міністра Закородонних Справ У.Н.Р.... Докладна записка, 20 листопада 1920 року // Українці Хорватії. Матеріали і документи. – С. 100 – 101.
8. О политики в отношении украинского меньшинства в межвоенной Югославии см.: Козлітін В. Українські громадські організації в Юголавії (20-30-ті роки ХХ століття) // Українці Хорватії. Матеріали і документи / **Ukrajinci Hrvatske. Materijali i dokumenti.** – Кн. 1 / **Kn. 1.** – Загреб / **Zagreb, 2002.** – С. 21 – 23.
9. **Janjatović B. Politički teror u Hrvatskoj 1918-1935.** – Zagreb, 2002.
10. **Ukrajinsko pitanje.** – Zagreb, 1919.
11. О первых украинских объединениях в Хорватии см.: Крайцер І. Українська еміграція в Югославії // Руски календар. – Руски Крстур, 1927.

12. Liski B. Prosvjeta iz Zagreba među Ukrajincima u Bosni između dva svetskih rata // Думки з Дунаю. – 1990. – Ч. 1. – С. 45 – 57; Graljuk B. Ukrajinsko (kulturno-prosvjetno) društvo Prosvita u Zagrebu 1922 – 1939 // Rusini i Ukrajinci u republici Hrvatskoj (1991 – 1995). – Zagreb, 1995. – S. 39 – 45.
13. Об українських студентських об'єднаннях в Хорватії см.: Українська еміграція. Культурна праця української еміграції між двома світовими війнами. – Прага, 1942. – С. 99 – 100.
14. Український прапор. – 1922. – 5 серпня; Український прапор. – 1923. – 17 березня.
15. Про Антина Ивахнюка см.: Ліський Б. Антін Ивахнюк – великий українсько-хорватський патріот // Українці Хорватії. Матеріали і документи / Ukrajinci Hrvatske. Materijali i dokumenti. – Кн. 1 / Кн. 1. – Загреб / Zagreb, 2002. – С. 62 – 73.
16. Про Український легион см.: Kelenjuk R. Lazna obećanja // Srednja Bosna u NOV-u. – Banja Luka, 1980. – Кн. 3. – С. 640 – 641.
17. Слово Голови Проводу українських націоналістів Андрія Мельника до українського націоналістичного військового відділу у Незалежній Хорватській Державі // Думка. Український націоналістичний часопис у НДХ (Раєво Село). – 1941. – 1 лютого.
18. Думка. Український націоналістичний часопис у НДХ (Раєво Село). – 1941. – 1 лютого.
19. О политической жизни в НГХ см.: Krizman V. Pavelić i ustaše. – Zagreb, 1978; Jelić-Butić F. Ustaša i Nezavisna država Hrvatske. – Zagreb, 1977.
20. Novak V. Magnum crimen. Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. – Zagreb, 1948. – S. 550.
21. Між українськими добровольцями в Пискавиці // Думка. Український націоналістичний часопис у НДХ (Раєво Село). – 1941. – 1 лютого.
22. Katolički tjednik. – 1941. – 11 trvnja.
23. Мацях Є. Хорватія вчора й сьогодні // Український Вісник. – 1941. – 3 серпня.
24. Думка. Український націоналістичний часопис у НДХ (Раєво Село). – 1941. – 25 грудня.
25. Думка. Український націоналістичний часопис у НДХ (Раєво Село). – 1943. – № 4.
26. Об участии украинцев и русинов в войне см. исследования Владо Костельника: Костельник В. Под червону заставу. Хроніка о участию Руснацох-Українцох у народно ошлєбодительной борби Югославії. – Нови Сад, 1971; Костелник В. Юголавські руснаки-українці в боротьбі проти

фашизму та в народній революції в Югославії // Український історичний журнал. – 1970. – № 11.

27. Лецишин Я. Сьогодні українців Західної Славонії і Мославини // Українці Хорватії. Матеріали і документи / **Ukrajinci Hrvatske. Materijali i dokumenti.** – Кн. 1 / Кн. 1. – Загреб / **Zagreb, 2002.** – С. 166.

28. Ліський Б. З діяльності українських студентів в Хорватії (1920 – 1945) // Українці Хорватії. Матеріали і документи / **Ukrajinci Hrvatske. Materijali i dokumenti.** – Кн. 1 / Кн. 1. – Загреб / **Zagreb, 2002.** – С. 50.

29. См.: Мацях Є. Українці в Хорватії. – Париж, 1955.

30. О сербской репрессивной политике в послевоенной Югославии см.: Івахнюк А. Хорвати й українці. До історії україно-хорватських вхасмин // Наша мета. – 1952 – № 3.

31. О динамике в изменении национального состава населения СФРЮ см.: **Popis stanovništva i stanova 1971 godini. Nacionalni sastav po opštinama.** – Beograd, 1972; **Popis stanovništva i stanova 1981 godini. Nacionalni sastav po opštinama.** – Beograd, 1982.

32. Мизь Р. На сторожі слово // У естве свойого народу. 30 років «Нової думці». – Вуковар, 2001. – С. 11 – 12.

33. **Banac I. The National Question in Yugoslavia.** – Ithaca, 1984.

34. **Tudjman Fr. Nationalism in Contemporary Europe.** – Boulder, 1981; **West R. Tito. The Rise and Fall of Yugoslavia.** – NY. – L., 1994.

35. **Badalić J. T.G. Ševcenko u hrvatskoj književnosti // Umjetnost rjeći.** – 1964. – Т. VIII; **Flaker A. Ukrajinska književnost u Hrvatskej // Croatica.** – 1970. – Т. 1; Нота В. Украински писателе у югославянских прекладах // Нова думка. – 1973. – Ч. 3.

36. Лецишин Я. Сьогодні українців Західної Славонії і Мославини. – С. 164.

37. См.: Нота В. Сто років українців в Югославії // Нова Думка. – 1990. – № 83; **Liskij B. Stoljeće života u novoj domovini // Нова Думка.** – 1990. – № 81.

38. Кіш М. Українці на Балканах // Українці Хорватії. Матеріали і документи / **Ukrajinci Hrvatske. Materijali i dokumenti.** – Кн. 1 / Кн. 1. – Загреб / **Zagreb, 2002.** – С. 169.

39. См. по данной проблематике: **Budak N., Posavec V. Rađanje suvremene Hrvatske i Europe.** – Zagreb, 1997.

40. За ними следовали венгры (1500) и словаки (1000). См.: Терлюк І. Трагедія балканського безумства // Слово. – 1992. – Жовтень. – С.7.

41. Наші жертви в Хорватії // Українське Слово. – 1992. – 2 лютого.

42. Рамач М. Життя в «обложеной фортеці» // Політика і час. – 1993. – № 6.
43. Світ про Україну. – 1993. – 7 квітня.
44. Vijesnik. – 1993. – 22 srpnja.
45. Розмова з Послом України в Республіці Хорватія А.М. Шостаком // Нова Думка. – 2001. – № 115. – С. 4.
46. Нова Думка. – 2001. – № 115. – С. 9.

Волтэр КЮЛАНИЦ

**АЛБАНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И
АЛБАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ДОКУМЕНТАХ
РОССИЙСКИХ АРХИВОВ**

Завершение второй мировой войны привело к важным изменениям в политической жизни Европы, которые выразились в ее расколе на два военно-политических блока. Большая часть государств Южной и Восточной Европы попала в сферу влияния Советского Союза. Вне советского блока смогла оказаться лишь Греция. Балтийские государства вообще были лишены политической независимости и интегрированы в СССР на положении союзных республик. Другие страны региона в разной степени испытывали зависимость от СССР, сохранив значительные элементы политической и экономической независимости. Несмотря на усиление советского влияния, национальная специфика стран региона продолжала сохраняться. Правящие круги руководствовались своими политическими интересами, и, несмотря на декларирование лозунгов о дружбе с Советским Союзом и другими социалистическими странами, языком политического мышления нередко оставался национализм, приспособленный к реалиям и условиям авторитарного социалистического общества.

Особенно сильно влияние национализма оказалось в регионе Балкан. Балканские государства к моменту окончания второй мировой войны хотя и имели политический опыт, но он был направлен, главным образом, на строительство именно национального государства. От раннего периода социалистические режимы получили национализм в качестве своеобразного политического наследия, и как бы не сглаживались противоречия между странами региона, национализм был политической реальностью, с которой коммунистические власти были вынуждены считаться. В настоящей статье в центре внимания автора будет проблема сочетания национализма с коммунистической идеологией в политической жизни и внешней политике Албании **1944 - 1953**

годов. Исследование базируется на изданных документах из российских архивов, возникших в рассматриваемый период и отражающих внешнюю политику албанского руководства.

В отличие от Польши, Чехословакии, Югославии и Румынии - Албания фигурировала в советских документах не так часто. Одно из первых ее упоминаний мы находим в дневниковых записях В.М. Молотова, описавшего свою беседу с албанским послом в Москве К. Ташко. Ташко констатировал то, что Албания имеет сложные отношения с Грецией и Великобританией, так как Греция имеет к ней территориальные претензии и стремится к ее изоляции при поддержке англичан¹. Таким образом, в отношении Греции Албания руководствовалась национальными интересами, и ее лидеры были националистически настроены. Докладная записка референта отдела внешней политики ЦК ВКП(б) П.И. Манчхи показывает, что правительство Албании было национально настроено. Он отмечал, что албанская компартия не определила правильных путей для построения своей политики в отношении СССР и СФРЮ. Манчхи считал, что албанские правящие круги не были заинтересованы в «укреплении дружбы» с советскими и югославскими народами, а отдалялись от них. К тому же, подчеркивалось, что советские дипломатические работники должны посылать свою корреспонденцию в Албанию на албанском языке, так как знание русского языка среди деятелей КП Албании, по его словам, было минимальным².

Албанская тематика представлена так же в дневнике советского посланника в Албании П.С. Чувахина, который в мае и сентябре 1946 года констатировал опасность раскола КП Албании³. Тенденции к расколу были отмечены и в записке заведующего ОВП ЦК М.А. Сулова⁴. Летом 1946 года П.С. Чувахин при описании беседы с албанским лидером Энвером Ходжей отразил, что албанское руководство не было чуждо национализму. Чувахин констатировал, что, по словам Э.

---

¹ Из дневника В.М. Молотова. Запись беседы с посланником Албании в СССР К. Ташко о внешне- и внутриполитическом положении страны, 20 апреля 1946 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - М.-Новосибирск, 1997. - С. 423.

² Из докладной записки референта отдела внешней политики ЦК ВКП(б) П.И. Манчхи о поездке в Албанию, 14 мая 1946 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - С. 434 - 438.

³ Из дневника посланника СССР в Албании П.С. Чувахина. Из записи беседы с Э. Ходжей о борьбе в руководстве Коммунистической партии Албании, 20 мая 1946 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - С. 439 - 441; Из дневника Д.С. Чувахина. Из записи беседы с премьер-министром Албании Э. Ходжей о положении в руководстве КПА, 21 сентября 1946 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - С. 528 - 530.

⁴ Записка заведующего ОВП ЦК ВКП(б) М.А. Сулова секретарю ЦК А.А. Жданову о положении в руководстве КПА // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - С. 479 - 480.

Ходжи, Тито всячески хвалил албанское руководство и каялся в югославской политике в Албании в годы войны. Советский посланник констатировал, что Тито и Ходжа в ходе переговоров обсудили проблему Косово. Югославская сторона отмечала, что современная ситуация не благоприятствует решению судьбы Косово. Албанская сторона, в свою очередь, считала, что Косово должно стать частью Албании, но после того, как СФРЮ и Албания станут социалистическими странами и территориальная проблема просто отпадет⁵.

В 1949 году проблема Косово опять обсуждалась албанскими коммунистическими лидерами и советскими дипломатами. Секретарь ЦК Албанской партии труда Ахмет Шеху в беседе с советским посланником Д.С. Чувахиным говорил о создании «Комитета освобождения» Косово. Шеху говорил о возможности превращения Косово в очаг вооруженной борьбы против «югославских троцкистов из клики Тито». Шеху дал понять советской стороне, что «для албанского населения Косово и Метохии вопрос о том, должна ли эта область быть присоединена к Албании, является решенным, то есть Косово и Метохия в любом случае должна быть присоединена к Албании». Советские представители не разделяли такой уверенности албанской стороны. Они крайне осторожно комментировали проблему Косова, указывая на необходимость более глубокого изучения вопроса, считая, что он может быть решен лишь после свержения «югославских националистов» Тито⁶.

Осенью 1946 года Чувахин так же констатировал рост националистических настроений среди албанского населения. Описывая свою беседу с министром экономики Нако Спиру, советский посол отмечал, что в Албании имели место слухи о войне с Грецией, о вторжении греческих войск, о захвате греческими войсками ряда албанских городов⁷. Росту антигреческих идей, по наблюдениям советских дипломатов, способствовало то, что Греция была одним из центров албанской политической эмиграции⁸. Советские

---

⁵ Из дневника посланника СССР в Албании П.С. Чувахина. Запись беседы с премьер-министром Албании Э. Ходжей об итогах его визита в Белград, 3 июня 1946 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - С. 472 - 478.

⁶ Из дневника Д.С. Чувахина. Запись беседы с секретарем ЦК АПТ М. Шеху о проблеме Косово, пособничестве прокуратуры района Кукес - Пешкопии преступным и реакционным элементам, 5 июля 1949 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.2. 1949 - 1953. - М.-Новосибирск, 1998. - С. 161 - 164.

⁷ Из дневника Д.С. Чувахина. Запись беседы с министром экономики Албании Н. Спиру о восстании в городе Шкодре, 13 сентября 1946 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - С. 523 - 524.

⁸ Из дневника Д.С. Чувахина. Запись беседы с Э. Ходжей о внутривнутриполитическом положении в Албании, 16 марта 1948 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - С. 782 - 787.

представители констатировали и то, что в Албании распространяются и антирусские слухи о том, что СССР намерен оккупировать территорию Албании⁹. Советские документы зафиксировали то, что албанское руководство было национально настроено в отношении внешней политики. В беседе с В. Молотовым Энвер Ходжа в ряде случаев негативно высказывался о политике Югославии в отношении Албании. Ходжа утверждал, что СФРЮ не заинтересована в развитии экономических отношений с Албанией и не стремится выполнять перед ней свои обязательства¹⁰. В 1947 году временный поверенный в делах СССР в Албании А.Н. Гагаринов отмечал, что в руководстве КП Албании нет единства и в ходе межфракционной борьбы оппоненты обвиняют друг друга в национализме и в разжигании антиюгославских настроений. Гагаринов писал, что имел беседу с албанским партийным деятелем Н. Спиру, отмечавшим, что такие албанские партийные функционеры как Лири Белишова, Мехмет Шеку, Фадиль Пачрама «покорно не подставляют голов под югославский кулак и являются людьми, которых не любят югославы». Нако Спиру обвинил Э. Ходжу в проведении совершенно проюгославской внешней политики¹¹.

Позднее отношения к Югославии обсуждались на восьмом пленуме КПА в марте 1948 года. Советские представители в Албании отмечали, что пленум созван под нажимом СФРЮ и вылился в чистку КПА от наиболее национально ориентированных элементов. Советские дипломаты отмечали, что участники пленума решили развивать «более тесные связи и сотрудничество с Югославией». Восьмой пленум означал некоторое поражение и ослабление национально ориентированной группировки в рамках албанской коммунистической партии. Об этом свидетельствует то, что проюгославские решения были приняты под давлением со стороны СФРЮ, о чем говорит то, что в пленуме принял участие уполномоченный ЦК КПЮ Саво Златич¹². Однако, эта

---

⁹ Из дневника П.С. Чувахина. Из записи беседы с К. Дзодзе о чистке в правительстве и депутатском корпусе, 12 мая 1947 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - С. 623 - 626.

¹⁰ Из дневника В.М. Молотова. Из записи беседы с Э. Ходжей об отношениях Албании с СССР и соседними балканскими государствами, 15 июля 1947 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - С. 677 - 681.

¹¹ Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Албании А.Н. Гагаринова с министром промышленности Албании Н. Спиру о рассмотрении его «персонального дела» на политбюро ЦК КПА, 19 ноября 1947 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - С. 735 - 737.

¹² Информация сотрудников ОВП ЦК ВКП(б) Н.И. Пухлова и П.И. Манчхи о VIII пленуме КПА, 15 мая 1948 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - С. 871 - 872.

победа имела временный характер. В июне 1948 года проблема албано-югославских отношений вновь обсуждалась во время встречи В.М. Молотова с Э. Ходжей. Ходжа утверждал, что в 1948 году албанская коммунистическая партия подверглась опасности со стороны югославских коммунистов. В беседе с Молотовым Ходжа обвинял КПЮ в попытках подчинения КП Албании своему влиянию. В связи с этим он утверждал, что КПЮ пыталась ввести в руководство КПА лояльных партийных деятелей. Самоубийство Нако Спиру Ходжа объяснял югославскими антиалбанскими интригами¹³. Позднее, в беседе с советским посланником Д.С. Чувахиным председатель президиума Народного собрания Албании Омер Нишани говорил о стремлении югославской стороны ввести в Албании «колониальные порядки»¹⁴.

В 1949 году проблему отношений с Югославией Энвер Ходжа смог обсудить со Сталиным. В ходе беседы Ходжа критиковал «югославских националистов», политика которых, по его словам, была направлена против Албании и албанского народа. Ходжа говорил о том, что Югославия («югославские националисты группы Тито») заинтересована в экономическом подчинении Албании. Во время встречи со Сталиным Ходжа, оправдывая репрессии против видных албанских коммунистов (Кочи Дзодзе, Панди Кристо), доказывал, что репрессии были вызваны в частности и их славянским происхождением¹⁵. Месяц спустя проблемы отношений Албании с соседними государствами была рассмотрена албанским лидером Э. Ходжей в ходе беседы с советским посланником Д.С. Чувахиным. Советская сторона в данном случае стала на сторону Албании и выразила свое согласие в необходимости укрепления границы Албании с Югославией и усиления, в связи с этим, албанской армии. Советский Союз согласился на 50 % обеспечивать все содержание албанской армии¹⁶. В итоге то, что СССР благоприятствовал Албании привело к тому, что албанское посольство в 1950 году в СФРЮ было закрыто, а год спустя

---

¹³ Из дневника В.М. Молотова. Запись беседы с Э. Ходжей об албано-югославских отношениях, 24 июня 1948 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - С. 903 - 907.

¹⁴ Из дневника Д.С. Чувахина. Запись беседы с председателем президиума Народного собрания Албании О. Нишани о произволе полицейских органов, об албано-югославских и советско-албанских отношениях, 7 декабря 1948 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.1. 1944 - 1948. - С. 933 - 935.

¹⁵ Запись беседы И.В. Сталина с Э. Ходжей об албано-югославских отношениях, внешней и внутренней политике Албании, 23 марта 1949 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.2. 1949 - 1953. - С. 44 - 46.

¹⁶ Из дневника Д.С. Чувахина. Запись беседы с Э. Ходжей о состоянии албано-греческой и албано-югославской границы, о советской помощи албанской армии, 25 апреля 1949 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.2. 1949 - 1953. - С. 83 - 85.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

албанские представители говорили об опасности военного вторжения в Албанию из Югославии¹⁷.

На волне обострения югославо-советских отношений албанская сторона вновь поднимает косовскую проблему. Осенью 1949 года Энвер Ходжа направил в ЦК ВКП(б) письмо о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения. В этом письме Э. Ходжа отмечал, что власти СФРЮ искусственно занижают численность албанского населения, ущемляют его права, систематически истребляют албанцев. Вместе с тем, он утверждал, что сами албанцы Косово «свой насильственный отрыв от Албании считали и продолжают считать самой большой несправедливостью, допущенной по отношению к ним». Ходжа писал, что югославские албанцы стремятся к воссоединению с исторической родиной («их единственный идеал - это слияние с Албанией»). Действия югославских партизан в годы войны Э. Ходжа оценивал как карательные экспедиции, направляемые против албанского населения. Албанский лидер утверждал, что «массовые убийства были совершены частями народно-освободительной армии Югославии», а КПЮ не стремилась учитывать особенности региона, а продолжила старую националистическую великосербскую политику. Комментируя ситуацию в Косово, Энвер Ходжа писал, что «КПЮ с самого начала стояла на шовинистических позициях в вопросе о Косово и Метохии. Демократические и национальные права албанцев совершенно не соблюдаются. Никакой связи с Албанией! КПЮ мастерски и упорно создает в этом направлении препятствия». В целом, в письме Ходжа склонялся к тому, что территории, населенные албанцами в Косово, Метохии, Македонии и Черногории, должны войти в состав Албании¹⁸.

Таким образом, во внешней политике Албания руководствовалась албанскими национальными интересами. Несмотря на социалистическую демагогию, политический облик албанских властей был национальным. Проблема Косово - важнейшее проявление того, что национализм был языком политического мышления албанского коммунистического руководства. Косово рассматривалось как

---

¹⁷ Из дневника Посольства СССР в Югославии В.С. Семенова. Запись беседы с поверенным в делах миссии Албании в Югославии М. Шеху о закрытии албанской миссии в Югославии, 15 июня 1950 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.2. 1949 - 1953. - С. 360; Запись беседы И.В. Сталина с Э. Ходжей о некоторых внешнеполитических и внутренних проблемах Албании, 2 апреля 1951 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.2. 1949 - 1953. - С. 504 - 505.

¹⁸ Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения. Не позднее 2 сентября 1949 г. // Восточная Европа в документах российских архивов 1944 - 1953. Т.2. 1949 - 1953. - С. 206 - 214.

временно отторгнутая албанская область. В своем национализме албанские лидеры столкнулись с сербскими националистами. Послевоенный албано-югославский дипломатический конфликт - с одной стороны, результат внутренней политики югославских властей, направленной против албанского национального меньшинства. С другой стороны, была жива память о межвоенной полемике албанских и сербских политических деятелей. В итоге имел место разрыв дипломатических отношений между Албанией и СФРЮ.

Преследуя последовательные цели, направленные на строительство национального государства, албанское руководство делало ставку на Советский Союз. СССР, в свою очередь, стремился использовать Албанию в своей антиюгославской компании. Тем не менее, проблема Косово не была решена, а политическое руководство Албании и СФРЮ остались национально ориентированными. Обострение албано-югославских отношений во второй половине 1940-х и в начале 1950-х годов было проверкой на прочность государственных проектов в Албании и Югославии.

Несмотря на рост национализма и взаимных претензий, до военного столкновения не дошло, хотя интеллектуалы и политики остались националистически настроены и были уверены в своей правоте: для албанцев Косово было албанским, для сербов - сербским. Советский Союз лавировал и играл на этих противоречиях. Нерешенные проблемы дали знать о себе в конце 1990-х годов, когда возникли реальные условия для возвращения Косово в состав Албании. Правда, это имело форму военных столкновений, в рамках которых Сербия потерпела политическое поражение, что привело к очередному взрыву националистических антиалбанских настроений в Сербии. Таким образом, проблема албано-югославских (сербских) отношений крайне сложна, перегружена взаимными историческими мифами и претензиями. Поэтому, она нуждается в дальнейшем, более полном и детальном, анализе и изучении.

Волтэр КЮЛАНИЦ

ИСТОРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ В АРСЕНАЛЕ СОВЕТСКОГО НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

История, как наука, и национализм, как политическая идеология, связаны между собой самым тесным образом. Энтони Смит пишет, что «история национализма - это и история тех, кто о нем повествует». В зависимости от ситуации историки могут быть в лагере националистов, быть его создателями и приверженцами, закладывая «фундамент национализма в своих странах». В тоже время именно историки могут принадлежать к числу его самых последовательных противников, «критиков и оппонентов национализма».¹⁹ Практически в каждой национальной исторической науке были и есть исследователи-националисты и историки без конкретных национальных пристрастий, заинтересованные в развитии исторической науки как таковой. В разные исторические периоды влияние этих групп и число их приверженцев может быть различным. В периоды активной политической борьбы, национального движения или патриотической эйфории в результате обретения независимости - национализм может стать единственной парадигмой, определяющей направление исторических исследований. В периоды относительной политической и экономической стабильности национализм в исторической науке являет собой маргинальное направление.

История была не менее важна для создания молдавской национальной идентичности, чем культивирование молдавского языка. История была важна, так как именно в ней молдавские интеллектуалы пытались найти доказательства существования в прошлом не только независимого Молдавского государства, но и самостоятельной молдавской нации. Исторические изыскания в МССР были важны и потому, что многие зарубежные авторы отрицали

---

¹⁹ Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм. М. 2002. С. 236.
Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.
Воронеж, 2008 - - - **504** - - - Воронеж, 2008
Націоналізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

существования молдаван и молдавского языка, признавая право на существование за румынами и румынским языком.

Первые попытки культивирования молдавской идентичности имели место уже в межвоенный период. Если в Румынии изучение истории и культуры Молдовы имело научно-этнографический и филолого-лингвистический характер и молдаване не рассматривались как нация то в СССР ситуация развивалась иначе. Всем исследованиям по молдавской проблематике придавалось политическое значение. Создание молдавской идентичности в межвоенные годы было проектом скорее политическим и идеологическим, нежели научным. По данной причине, большинство работ того времени явно отмечены духом политической борьбы, революционного пафоса и рабочей солидарности с населением, которое оказалось в соседней буржуазной Румынии. Отвечая на довольно актуальный для того времени вопрос «Кто такие молдаване?», советские интеллектуалы предпочитали писать, что это угнетенное крестьянство и пролетариат, «крестьянство под властью кулаков и помещиков» или «сапогом румынского жандарма». Молдова же вообще преподносилась как «украденная страна».²⁰ Эмоции и революционный пафос явно преобладали над научным содержанием.

Создание исторических основ для культивирования молдавской идентичности и в последующие годы, даже после создания МССР, не было чисто научным проектом. В большей степени, это был политический, или даже - идеологический, проект. В ряде случаев советские интеллектуалы преследовали цель даже не доказательства своей правоты, а критики теорий своих политических оппонентов. Последние, как правило, назывались «буржуазными фальсификаторами». По данной причине, их критике МССР была посвящена огромная литература, как на русском, так и на молдавском языке. Сама Молдова на ее страницах была сведена до объекта идеологической борьбы. Выводы зарубежных авторов рассматривались в крайне негативном свете, преподносясь как фальсификация, домыслы, искажения, ложь, идеологическая

---

²⁰ Александри Л.Н. Бессарабия и бессарабский вопрос. М., 1924; В боярской Румынии. М., 1924; Дембо В. Никогда не забывать. Кровавая летопись Бессарабии. М., 1924; Дембо В. Советская Молдавия и бессарабский вопрос. М., 1925; Дембо В. Бессарабское крестьянство под властью кулаков и помещиков. М., 1931; Державин Н.С. Кто такие молдаване? // Звезда. 1925. № 3; Бантке С. Десять лет борьбы против румынских бояр. М.-Л., 1928; Бантке С. Бессарабская молодежь под сапогом румынского жандарма. Балта, 1928; Галайда Г. Украденная страна. М., 1928; Татару А. Бессарабия под пятой румынских оккупантов. М., 1932; Димир В., Стежару Д. Под гнетом румынских бояр. М., 1932.

диверсия, извращение истории, клеветнические измышления и т.п. Данной теме был посвящен ряд коллективных сборников и немало работ крупных официальных историков Советской Молдовы.²¹

Понимая, что идеологическая борьба - это не совсем наука и что ее достижения не очень хорошо смотрятся на фоне соседней румынской историографии, молдавские интеллектуалы пытались, в свою очередь, не только как можно больнее задеть своих противников за рубежом, но и преподнести себя как не только подлинных молдаван, защитников молдавского народа, но и как настоящих ученых, как молдавских национальных историков. По данной причине, значительное внимание ими было уделено доказательствам самостоятельности молдавской историографии,²² ее службе именно молдавской нации, в отличие от соседней румынской, которая нередко обвинялась

---

²¹ Стати В. Дезволтаря традициилор интернационалисте але культуруй советиче молдовенешть. Кишинэу, 1979; Сытник М. Реялитатя сатулуй молдовенешк ши каломнииле «советоложилор». Кишинэу, 1979; Царанов В.И. История Молдавии в контексте идеологической борьбы // Критика буржуазных фальсификаторов истории Молдавии / ред. В.И. Царанов, В.Е. Андрущак и др. Кишинев. 1984. С. 5 - 17; Мокряк В.И. Критика буржуазных фальсификаций демократизма политической системы развитого социализма // Критика буржуазных фальсификаторов истории Молдавии / ред. В.И. Царанов, В.Е. Андрущак и др. Кишинев. 1984. С. 17 - 34; Андрущак В.Е. Молдавская ССР в международных связях Советского Союза и домыслы буржуазных фальсификаторов // Критика буржуазных фальсификаторов истории Молдавии. С. 34 - 55; Репида Л.Е., Сытник М.К., Козма В.И. Социалистическое строительство в Молдавской ССР в кривом зеркале буржуазной историографии // Критика буржуазных фальсификаторов истории Молдавии. С. 56 - 85; Хействер А.В., Щербинина О.В. Критика западногерманской буржуазной историографии по некоторым вопросам истории Молдавии // Критика буржуазных фальсификаторов истории Молдавии. С. 86 - 118; Бочарова Т.А. Против буржуазных извращений аграрной истории Молдавии // Критика буржуазных фальсификаторов истории Молдавии. С. 119 - 134; Поповский В.Т. Критика некоторых измышлений истории социалистической революции Молдавии // Критика буржуазных фальсификаторов истории Молдавии. С. 134 - 145; Попа Н.С. Борьба советского правительства за освобождение Бессарабии в ложном освещении буржуазных авторов // Критика буржуазных фальсификаторов истории Молдавии. С. 145 - 156; Жуков В.И. Исторический факт присоединения Бессарабии к России и критика его буржуазных фальсификаторов // Критика буржуазных фальсификаторов истории Молдавии. С. 179 - 202; Против буржуазных фальсификаторов истории и культуры молдавского народа. Кишинев, 1972; Факты и домыслы. Против фальсификации национальных отношений в Советском Союзе. Кишинев, 1972; Успехи Советской Молдавии и мифы антикоммунизма. Кишинев, 1976; Афтенюк С.Я., Морарь А.Г. Критика антикоммунистических извращений истории Советской Молдавии. Кишинев, 1974; Морарь А.Г. Правда против вымысла. Кишинев, 1977; Мокряк В.И., Морарь А.Г., Хействер А.В. Средства массовой информации и идеологическая борьба на современном этапе (критика буржуазного «молдавоведения»). Кишинев, 1983; Мумжи Н.Н. Факты и вымыслы. Кишинев, 1978; Сурилов А.В., Лазарев А.М. Выдумки буржуазных фальсификаторов и действительность (к вопросу о формировании молдавской буржуазной нации) // Коммунист Молдавии. 1969. № 9; Царанов В.И. Измышления фальсификаторов // Коммунист Молдавии. 1967. № 3; Царанов В.И. Фальсификаторы истории не унимаются // Коммунист Молдавии. 1970. № 9.

²² Гросул Я.С., Мохов Н.А. Историческая наука в Молдавской ССР. М., 1970; Царанов В.И. Развитие исторической науки в Молдавской ССР // Историческая наука в Советской Молдавии. 1984. Кишинев. С. 5 - 21.

в буржуазном национализме и необъективности. Со стороны молдавских авторов она особенно критиковалась из-за непризнания с ее стороны существования независимого молдавского языка и отдельной молдавской нации.

Вместе с тем, понимание своей молдавской самости не ограничивалось исключительно критикой соседней Румынии и доказательствами своей исключительности и уникальности. Молдавские советские интеллектуалы понимали, что какими бы убедительными, четко выстроенными и доказанными казались их разоблачения «буржуазных фальсификаторов» и «румынских великодержавных националистов», они будут неполными и не столь убедительными без обращения к молдавскому культурному наследию. Именно поэтому, советские молдавские интеллектуалы предпринимали немалые усилия для переиздания работ участников национального движения в Молдове. Они преподносились, разумеется, не как молдавские националисты, а как прогрессивные деятели, тесно связанные с простым народом и боровшиеся за его освобождение. В рамках такой популяризации истории и культуры Молдовы на молдавском языке кириллицей были изданы Д. Кантемир, Г. Уреке, М. Костин, И. Некулче.²³

Правда, эти издания не имели постоянного характера, мало переиздавались и не могли, с одной стороны, способствовать формированию особой молдавской национальной идентичности, а, с другой, противостоять все более усиливавшейся и неприкрытой политике русификации, проводимой как местным партийным руководством, которое было молдавским почти исключительно по названию, так и центральными советскими властями, которые год от года наводняли Молдову все новыми и новыми трудовыми мигрантами, не собиравшимися учить молдавский язык и относившихся, за редким исключением, к местной культуре и традициям, в особенности к молдавскому языку, без должного уважения. Поэтому, молдавские интеллектуалы принимали немалые усилия, чтобы не раствориться в русской массе и сохранить свою национальную идентичность.

Исходной посылкой молдавских интеллектуалов при конструировании молдавской идентичности в исторической перспективе было желание доказать, что молдаване, будучи самостоятельной нацией, имеют такую же самостоятельную,

---

²³ Кантемир Д. Дескриеря Молдовой. Кишинэу, 1957; Кантемир Д. История иероглификэ. Кишинэу, 1974; Уреке Г. Летописецул цэрий Молдовой. Кишинэу, 1971; Костин М. Летописецул цэрий Молдовой де ла Аарон-водэ ынкоаче. Кишинэу, 1972; Некулче И. О самэ де кувинте. Летописецул цэрий Молдовой. Кишинэу, 1969.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 507 - - - Вороніж, 2008

Націоналізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

но вместе с тем и древнюю и славную историю. Истоки этой славной истории молдавские историки стремились отодвинуть как можно более отдаленные от современности времена. По данной причине, построение молдавской истории начиналось с доримского периода в истории региона. Первыми предками молдаван объявлялись дакийские племена. Молдавские историки были склонны считать, что захват Дакии римлянами не привел к истреблению даков. Молдавские интеллектуалы, наоборот, отмечали, что основа будущей молдавской нации была заложена в результате смешения романского и нероманского (дакийского) населения. В данном случае молдавские интеллектуалы проявляли свое вольнодумство и, в отличие от большинства советских историков, отказывались от рассмотрения романизации как исключительно социально-экономического процесса. Следовательно, романизация при таком подходе превращалась в начало этногенеза молдаван.²⁴

Признавая немалую роль романизации, молдавские историки вместе с тем не были склонны соглашаться и с выводами своих румынских коллег. Противопоставление молдавской историографии румынской было, скорее всего, не следствием научной полемики, а результатом политического воздействия. Молдавские историки, в связи с этим, критиковали теорию «крайнего автохтонизма», разрабатываемую в румынской историографии. Данная теория в самых общих чертах сводилась к следующему: гетто-дакийские племена стали основой этногенеза румын, процесс их романизации не был ограничен Дакией, романизации подверглись даки за пределами провинции Дакия, великое переселение народов не оказало влияния на этнические процессы, роль славян в этногенезе румын преувеличивать не следует. Несмотря на критику, некоторые положения этой теории нашли применение в изучении молдавской истории. Периодизация ранней истории молдаван, состоящая из ряда этапов (фракийский, гетто-бастарнский, сармато-карпский, черняховский, раннеславянский, славяно-русский), была составлена под ее явным влиянием.²⁵

«Славное и древнее прошлое полезно в качестве аргумента в споре с многочисленными скептиками, которые заявляют, что та или иная нация никогда не существовала, что – это

---

²⁴ Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Римляне в Карпато-Дунайских землях и культура местного населения // Славяно-молдавские связи в ранние этапы этнической истории молдаван / ред. В.С. Зеленчук. Кишинев. 1983. С. 5 - 20.

²⁵ Бырня П.П., Рафалович И.А. Проблемы этнической истории Днестровско-Карпатских земель конце I - начале II тысячелетия // Славяно-молдавские связи в ранние этапы этнической истории молдаван / ред. В.С. Зеленчук. Кишинев. 1983. С. 79 - 98.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - **508** - - - Вороніж, 2008

Націоналізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

новое искусственное образование, в то время националистически настроенные авторы предпочитают говорить о возрождении и воссоздании. Собственно последним и занимаются первые историки наций. Потому неудивительно, что именно они оказываются в авангарде процесса национального строительства»,²⁶ - пишет украинский историк Орест Субтельный. Это его замечание кажется вполне обоснованным и в данной чувашской перспективе.

Вместе с тем молдавские интеллектуалы в своих исторических исследованиях пытались доказать не только этническую, но и антропологическую последовательность населения в данном регионе. Наряду с этим, выводы зарубежных историков о значительной роли в истории молдаван и Молдовы нероманского населения, главным образом, славян, не принимались и подвергались критике. При этом, признавалась роль нероманских (в особенности, славянских и фракийских) этнических общностей в формировании восточных Романцев, особенно - молдаван. В данном случае, ими широко использовались результаты археологических исследований, в ходе которых, стремясь подчеркнуть уникальность молдаван, особое внимание уделялось истории и роли в формировании молдавской нации доримского населения.²⁷

Стремясь представить молдаван как самостоятельную нацию, молдавские советские интеллектуалы отделяли ее этногенез от формирования соседних румын. Первые попытки построения этногенеза отдельного молдавского народа имели место в работах 1950 - 1960-х годов.. Основное их содержание может быть сведено к следующему: молдаване народ романского происхождения, возникший на основе потомков римских колонистов, но сложившийся в отличие от румын при

---

²⁶ Субтельный О. Украина. История. Киев, 1994. С. 289.

²⁷ Великанова М.С. Итоги и перспективы палеоантропологических исследований в Днестровско-Прутском междуречье // Славяно-молдавские связи в ранние этапы этнической истории молдаван / ред. В.С. Зеленчук. Кишинев. 1983. С. 20 - 30; Чеботаренко Г.Ф. Балкано-Дунайская археологическая культура в зарубежной историографии // Славяно-молдавские связи в ранние этапы этнической истории молдаван / ред. В.С. Зеленчук. Кишинев. 1983. С. 58 - 79; Златковская Т.Д. Славянские и фракийские элементы в обряде русалий у молдаван // Славяно-молдавские связи в ранние этапы этнической истории молдаван / ред. В.С. Зеленчук. Кишинев. 1983. С. 127 - 144; Лапушнян В.Л. Раскопки памятников культуры фракийского гальштата в Молдавии // Археологические исследования в Молдавии. Кишинев. 1972. С. 88 - 100; Никулицэ И.Т. Исследование гетского могильника Лутэрия у с. Ханска // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев. 1969; Никулицэ И.Т. Исследование гетского могильника Ханска Лутэрия // Археологические исследования в Молдавии. Кишинев. 1972; Никулицэ И.Т. Раскопки гетского могильника у села Ханска // Ученые записки Кишиневского государственного университета. Историческая серия. 1968.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 509 - - - Воронеж, 2008

Националізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

значительном славянском влиянии, которое испытали так называемые волохи - промежуточное звено между потомками романизованного населения и молдаванами. Одним из главных популяризаторов этой концепции был молдавский историк Н.А. Мохов, посвятивший этой теме несколько монографий.²⁸

Что касается волохов, то молдавские советские интеллектуалы особое внимание акцентировали на присущих исключительно им особенностях. Анализируя их, они пытались доказать, что те были самостоятельной этнической общностью, тесно связанной со славянским населением. В связи с этим в советской молдавской историографии неоднократно оказывалось на влияние на волохов со стороны славян. Это влияние, разумеется, могло получать только самые позитивные оценки. Молдавские историки считали, что волохи обладали многочисленными уникальными чертами и особенностями, которые резко выделяли их из среды соседнего населения, которое стало основой формирования румын.²⁹

Молдавские интеллектуалы в МССР собственно молдавскую историю начинали относительно поздно - с XIV века. Они считали, что молдаване на территории будущей Молдавской ССР появились в XIV столетии, поселившись в районе рек Прут и Черемош, а так же в Северной Буковине. Молдавскому населению приписывалось то, что оно ассимилировало ранних обитателей этих земель и уже к XVI столетию поселения этого региона превратились в однозначно молдавские.³⁰

В конструирование молдавской истории XIX века особую роль сыграл Яким Гросул (1912 - 1976) - первый президент АН

---

²⁸ Сенкевич В.М. К вопросу о происхождении молдавской народности // Ученые записки Кишиневского государственного университета. 1953. Т.6; Смирнов Г. Заселение романизованными племенами Пруто-Днестровского междуречья в свете археологических материалов // Материалы и исследования по археологии Юго-запада СССР и РНР. Кишинев. 196; Мохов Н.А. Формирование молдавского народа и образование Молдавского государства. Кишинев, 1959; Мохов Н.А. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978.

²⁹ Королюк В.Д. Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971; Королюк В.Д. «Волошская земля» и формирование восточнороманской (волошской) общности // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы. Кишинев. 1980; Рафалович И.А. Романизованное население Нижнего Подунавья накануне славянской колонизации // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы. Кишинев. 1980. С. 8 - 28; Полевой Л.Л. О хозяйственно-культурном типе волохов // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы. Кишинев. 1980. С. 44 - 62.

³⁰ Зелечук В.С., Полевой Л.Л. Расселение восточно-романского населения в Днестровско-Прутском междуречье (XIV - XV вв.) // Славяно-молдавские связи в ранние этапы этнической истории молдаван / ред. В.С. Зеленчук. Кишинев. 1983. С. 114 - 127; Древняя культура Молдавии / ред. В.С. Зеленчук. Кишинев, 1974. С. 169 - 170.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 510 - - - Воронеж, 2008

Националізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

Молдавской ССР, автор около трехсот работ по истории Молдовы. Занятия по истории он сочетал служению официальной власти, призывая «высоко держать знамя партийности в науке», живописуя как «расцветает наука Советской Молдавии». Гросул призывал к этому, как на русском, так и на молдавском языке. При этом, Гросул очень много сделал для изучения проблем аграрной истории, истории крестьянства и сельского населения Молдовы, истории социально-экономических и аграрных отношений в сельской среде Молдовы в XIX столетии. Гросул культивировал теорию о молдаванах как о крестьянской нации. В заслугу Гросулу следует поставить то, что он много писал на молдавском языке, стремясь тем самым противостоять политике русификации.³¹

Гросул заложил в молдавской историографии основы для изучения молдавского средневековья, феодализма и крестьянства. Позднее, эти темы широко использовались молдавскими советскими историками для культивирования молдавской идентичности, для подчеркивания молдавской исключительности. Проблемы локальных особенностей и специфики молдавского феодализма изучались А. Грекулом, И. Шлаеном П. Советовым, и Н. Моховым. Немалое внимание они уделили и проблемам истории крестьянства, продолжая формировать историографический миф о молдаванах как о почти исключительно крестьянской нации.³²

Вместе с тем Гросул поднял проблему отношений молдаван с русскими. История отношения русских с другими

---

³¹ См.: Гросул Я. Высоко держать знамя партийности в науке // Коммунист Молдавии. 1960. № 1. С. 33 - 40; Гросул Я. Расцветает наука Советской Молдавии // Коммунист Молдавии. 1961. № 12. С. 8 - 14; Гросул Я. Май сус драпелул партинитэций ын штиинце // Комунистул Молдовей. 1960. № 1. П. 35 - 42; Гросул Я. Ынфлореште штиинца Молдовей Советиче // Комунистул Молдовей. 1961. № 12. П. 9 - 16; Гросул Я. Аграрные отношения в Бессарабии // Гросул Я. Труды по истории Молдавии. Кишинев. 1982. С. 52 - 109; Гросул Я. Крестьянское движение в Молдавии в пореформенный период // Ученые записки Института истории, языка и литературы. Молдавская научно-исследовательская база АН СССР. 1948. Т.1. С. 20 - 32; Гросул Я. Крестьянская реформа 1868 г. в Бессарабии и ее особенности // Ученые записки Института истории, языка и литературы. Молдавская научно-исследовательская база АН СССР. 1949. Т.2. С. 79 - 115. О работах Я. Гросула, написанных на молдавском и русском языке, о редактированных им изданиях см.: Хронологический указатель трудов Я.С. Гросула // Гросул Я. Труды по истории Молдавии. Кишинев. 1982. С. 294 - 314.

³² Грекул А.В. Аграрные отношения в Молдавии в XVI - первой половине XVII века. Кишинев, 1961; Шлаен И.М. Феодальное землевладение в Молдавии в первой половине XVII века // Ученые записки Кишиневского педагогического института. 1957. Т. VI; Советов П.В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972; Советов П.В. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Кишинев, 1980; Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964; Шлаен И.М. Категории молдавских крестьян в XVII веке // Ученые записки Кишиневского педагогического института. 1950. Т. IV; Советов В.П. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии (очерки истории ренты в XVI - начале XVIII в.). Кишинев, 1980.

народами СССР была характерна для каждой национальной историографии Советского Союза. Тезис о помощи «братского великого русского народа» превратился в, своего рода, обязательный метанарратив. Гросул много писал о «роли великого русского народа в освобождение Молдавии от турецкого гнета», об отдельных исторических деятелях России. Он писал об однозначно позитивной и положительной роли помощи со стороны русских молдавскому народу. Он считал, что присоединение Молдовы к России имело самые прогрессивные последствия. В этом он видел истоки быстрого экономического развития Молдовы в XIX столетии. Особенно позитивно он писал о приобщении к великой культуре русского народа.³³ Подобные утверждения были характерны и для других историографий СССР - особенно широко их можно наблюдать в работах украинских историков 1940 - 1950-х годов.

Наряду с Я. Гросулом о позитивном русском влиянии писало большинство советских молдавских историков. Значение присоединения к России могло оцениваться только позитивно. Отношения между русскими и молдаванами рассматривались как «великое братство». Сама Россия и СССР как «единая семья» свободных и равноправных наций. Молдавские историки акцентировали внимание на якобы не прерывавшихся связях между русскими и молдаванами на протяжении истории. В связи с этим, воспевалось не только «боевое сотрудничество», но и экономические связи. Данной проблеме была посвящена огромная литература - многочисленные статьи, монографии и коллективные сборники. Вершинной стремления и желания выслужиться стала книги Е. Руссева и Н. Мохова с характерными названиями «Свет из Москвы» и «Дружба ковалась веками», вышедшие в начале 1980-х годов. Что касается украинцев, то

---

³³ Гросул Я. Роль великого русского народа в освобождение Молдавии от турецкого гнета // Советская Молдавия. 1949. 12 - 15 июля; Гросул Я. Фелдмаршалул Румянцев-Задунайский // Молдова сочиалистэ. 1946. 19 деч.; Гросул Я. Басарабия пынэ ла униря ку Русия // Молдова сочиалистэ. 1947. 29 апр; Гросул Я. Басарабия ын алкэтуинца Русией ын жумэтатя ынтыт а вякулуй XIX // Молдова сочиалистэ. 1947. 20 септ; Гросул Я. Разбоюл русо-турк дин 1806 - 1812 ши униря Басарабией ку Русия // Молдова сочиалистэ. 1947. 8 юлие; Гросул Я. Слобозиря Молдовой де суб жутул феудал-турческ ши униря ей ку Русия // Октомбрие. 1949. № 6. П. 81 - 88; Гросул Я. Ролул марелуй народ рус ла слобозиря Молдовой де суб жутул феудал-турческ // Молдова сочиалистэ. 1949. 12 - 15 юлие; Гросул Я. Мишкаря цэрэняскэ ын Молдова ын периоада де дупэ реформэ // Институтул де историе, лимбэ ши литературэ. База молдавеняскэ де черчетэрь штиифиче а АШ а Униуний РСС. Вол. 1. 1974. П. 21 - 34; Гросул Я. Дезволтаря капитализмулуй ын Молдова ын жумэтатя а доуа а вякулуй XIX. Реформа цэрэняскэ ын Молдова // Молдова сочиалистэ. 1949. 6 апр., 18 май, 25 юние; Гросул Я. Аграрные отношения в Бессарабии // Гросул Я. Труды по истории Молдавии. С. 52 - 109.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 512 - - - Воронеж, 2008

Націоналізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

им отводилась роль второго «старшего брата». Украинское влияние так же оценивалось положительно.³⁴

Вместе с тем, тот же Я. Гросул, в некоторой степени, отрицательно относился к ликвидации автономии Молдовы царским режимом. Зато о положительной роли «братского русского народа» после 1917 года он писал особенно много. Гросул воспевал партию, которая, по его словам, решила национальный вопрос, ликвидировала культурную отсталость молдаван, создала молдавскую государственность и сделала очень много для появления самостоятельной молдавской советской интеллигенции. При этом, Гросул считал, что МССР продолжает традиции молдавской средневековой государственности. Позднее эту мысль развили другие молдавские историки, которые выводили МССР из более ранней молдавской государственности. Вместе с политической они стремились показать этническую преемственность, доказывая то, что буржуазная молдавская нация в МССР трансформировалась в социалистическую. Кроме этого они были не чужды теории и географической преемственности - по данной причине, советские молдавские интеллектуалы много внимания уделяли истории отдельных местностей и городов Молдовы, доказывая их молдавскую принадлежность.³⁵

---

³⁴ Бодюл И.И. Значение присоединения Бессарабии к России // В.И. 1972. № 8; Кириченко Н.П. О русско-молдавских отношениях в первом десятилетии XVIII века // Ученые записки Кишиневского педагогического института. 1957. Т.6; 1959. Т. 12; Семенова И.В. Участие молдавского народа в русско-турецкой войне 1787 - 1791 гг. // Ученые записки Института истории, языка и литературы МФ АН СССР. 1957. Т. 6; Грекул А.В. Истоки великого братства. Кишинев, 1968; Ильяшенко Д.Е. В семье единой. Кишинев, 1972; Подградская Е.М. Экономические связи Молдавского княжества и балканских стран с Русским государством в XVII веке. Кишинев, 1980; Шульман Е.Б. Русско-молдавское боевое сотрудничество (1735 - 1739). Кишинев, 1958; Рафалович И.А. Славяне VI - IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972; Рафалович И.А. Молдавия и пути расселения славян в Юго-Восточной Европе // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев. 1972. С. 7 - 31; Семенова И.В. Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига в конце XVIII века. Кишинев, 1976; Братское единение народов СССР. Кишинев, 1976; Братский союз - основа расцвета советских республик. Кишинев, 1982; Руссев Е.В. Свет из Москвы. Кишинев, 1981; Мохов Н.А. Дружба ковалось веками. Кишинев, 1980; Мохов Н.А. Боевое содружество украинских казаков и молдаван в 70-80-е годы XVI века и деятельность И. Подковы // Ученые записки Института истории, языка и литературы МФ АН СССР. 1957. Т. 6.

³⁵ Гросул Я. Автономия Бессарабии в составе России (1812 - 1823) // Гросул Я. Труды по истории Молдавии. С. 110 - 234; Гросул Я. Великий Октябрь и расцвет молдавской социалистической нации // Гросул Я. Труды по истории Молдавии. С. 283 - 293; Гросул Я. Молдавскому государству 600 лет (1369 - 1959). Кишинев, 1959; Гроссу С.К. Советская Молдавия. М., 1982; Завтур А.А., Чобу Е.И. Торжество идей Великого Октября на молдавской земле. Кишинев, 1974; Формирование молдавской буржуазной нации / ред. В.Я. Гросул, В.С. Зеленчук, В.И. Козлов, А.М. Лазарев (отв.ред.), Н.А. Мохов. Кишинев, 1978. С. 196; Грекул А.В. Формирование и развитие молдавской социалистической нации. Кишинев, 1955; Корбу В.М. Формирование сельской интеллигенции в советской Молдавии. Кишинев, 1974; Клобуцкий В.С. Роль печати МАССР в формировании молдавской социалистической нации. Кишинев, 1977; История Кишинева. Кишинев.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 513 - - - Воронеж, 2008

Националізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

Рассматривая исторические построения местных советских интеллектуалов, мы можем говорить об «определенном проекте», так как история понималась и создавалась ими именно как «определенный проект». Этот проект был призван подтвердить исторические и политические права чувашей на самостоятельное национальное существование. Вместе с тем, это стало и попыткой создания именно национально маркированного «контекста самости». Строя свою самость в исторической перспективе, чувашские интеллектуалы в советский период стремились создать ее как своеобразное базирование своей национальной идентичности и истории на «радикальном отделении от другой идентичности». Это подтверждает предположение Джонатана Фридмана о том, что большинство представлений профессиональных историков о прошлом теснейшим образом связаны с созданием и признанием их идентичности в настоящем. Иными словами, история историков - это и идентичность историков.³⁶

Вместе с этим, молдавские интеллектуалы были склонны считать, что только МССР является гарантом прав молдавского народа на создание государственности. Это они объясняли тем, что в ходе политической борьбы после революции 1917 года националисты потерпели поражение. По данной причине, она автоматически исключались молдавскими советскими интеллектуалами из политической жизни, а в историографии их оценка могла быть сугубо негативной и отрицательной.³⁷ В данном случае имела место борьба двух подходов к вопросу о создании национальной государственности молдаван, в которой победила официальная советская точка зрения, согласно которой молдавская государственность могла быть только социалистической.

Тезис о том, что именно социализм создал собственно молдавскую государственность неоднократно подчеркивался в советской молдавской историографии. Молдавская Советская Социалистическая Республика преподносилась как национальная государственность. Само образование МССР рассматривалось едва ли не как вершина исторического развития Молдовы, реализация прав молдаван на национальное самоопределение. Молдавские советские

1968; Очерки истории Тирасполя. Кишинев, 1967; Забунов И.Д. Обновленная Трардица. Кишинев, 1980; Новаков С.З. Прошлое и настоящее села Кирютня. Кишинев, 1980.

³⁶ Friedman J. History, Political Identity and Myth // Lietuvos etnologija. 2001. No 1. P. 41, 43, 52.

³⁷ Есауленко А.С. Социалистическая революция в Молдавии и политический крах буржуазного национализма. Кишинев, 1977.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 514 - - - Воронеж, 2008

Националізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

историки считали, что появление молдавской государственности стало возможно только благодаря ленинской национальной политики. Именно Коммунистическая партия изображалась как главный организатор и вдохновитель борьбы за создание молдавской государственности и объединения молдавского народа в одних политических границах. Советский Союз, в свою очередь, позиционировался как гарант территориальной целостности МССР и самого ее существования.³⁸

Изучение проблем «социалистической молдавской нации» сочеталось с анализом сюжетов, связанных с историей культуры. В своем изучении прошлого культуры Молдовы молдавские советские интеллектуалы искали, как правила, истоки складывания Молдавской ССР и доказательства отдаленности молдаван от румын и наоборот. По данной причине, история культуры в Молдове преподносилась как история именно молдавской культуры. Писатели и поэты рассматривались как молдавские, а сложившаяся в XIX веке интеллигенция тоже как молдавская, в то время как румынские историки были склонны распространять на них понятие «румынская культура». Даже рассматривая наиболее древние периоды развития культуры на территории Молдовы, местные интеллектуалы отличали ее от румынской.³⁹

Особо молдавский характер культуры подчеркивался, когда речь заходила о Бессарабии, которая в межвоенный период входила в состав Румынии. В данном случае молдавские историки стремились доказать незаконность этого отторжения, во всем обвиняя «румынских буржуазных националистов». С другой стороны, культура Бессарабии преподносилась ими не как румынская, а как именно молдавская, связанная с культурой в Молдавской АССР. При этом, советские молдавские интеллектуалы доказывали, что в последней формировался новый тип культуры - культура

---

³⁸ Афтенюк С.Я. Ленинская национальная политика и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев, 1971; Лазарев А.М. Воссоединение молдавского народа в единое Советское государство. Кишинев, 1965; Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974; Репида А.В. Образование Молдавской АССР. Кишинев, 1974; Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с советской Родиной. Кишинев, 1970; Копанский Я.М. Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной. Кишинев, 1975; Мурзак У.Г. Революционно-освободительная борьба трудящихся Бессарабии (1921 - 1924). Кишинев, 1982; Сурилов А.В., Стратулат Н.П. О национально-государственном самоопределении молдавского народа. Кишинев, 1967.

³⁹ Бабий А.И. Формирование молдавской интеллигенции во второй половине XIX - начале XX века, Кишинев, 1971; Рикман Э.А. Рафалович И.А., Хынку И.Г. Очерки истории культуры Молдавии (II - XV вв.) Кишинев, 1971; Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974.

молдавской социалистической нации и культуры. Окончательное ее оформление они связывали с появлением МССР. Культура в МССР рассматривалась именно как молдавская социалистическая культура. Официальная историография считала, что она переживает расцвет, активно контактирует с другими «братскими культурами», и, что для ее развития созданы самые благоприятные условия. Более того, данной проблеме было посвящено специальное двухтомное исследование,⁴⁰ которое стало политическим проектом, призванным в очередной раз доказать самостоятельность молдаван как нации.

Очень важным шагом в создании молдавской национальной идентичности стала публикация в 1978 сборника статей «Формирование молдавской буржуазной нации». Сборник был важен тем, что был призван доказать то, что молдаване являются нацией не только этнически, но и исторически. Согласно, официальной советской историографии буржуазная нация - обязательный этап в истории наций, который предшествует социалистической нации. Провозгласив появление молдавской социалистической нации, молдавские советские интеллектуалы попытались доказать, что существовала и молдавская капиталистическая нация.

Молдавские историки считали, что изучение данной проблемы было необходимо не только политически, но и отвечало потребностям развития молдавской исторической науки. Описывая процесс становления молдавской нации, широко использовалась официальная псевдореволюционная риторика. По данной причине, молдавские историки отмечали, что национальное сознание в наибольшей степени было развито о революционного крестьянства и пролетариата. Эти категории были объявлены носителями «революционно-освободительных традиций». Молдавские историки были склонны считать, что формирование молдавской нации отличалось значительными местными, именно - молдавскими, особенностями.⁴¹

В истории формирования молдавской нации молдавские историки выделяли ряд этапов. Согласно советской молдавской схеме, первым этапом была романизация, которая

---

⁴⁰ Брысякин С.К. Культура Бессарабии (1918 - 1940). Кишинев, 1978; Шемяков Д.Е., Яценко Я.С. Культурная революция в Советской Молдавии (1924 - 1967). Кишинев, 1969; Даниленко Р.В. Развитие культурного сотрудничества в Молдавской ССР с братскими советскими республиками. Кишинев, 1971; Еремей Г.И. Новые горизонты молдавской культуры. Кишинев, 1973; Культура Молдавии за годы советской власти. Т. 1 - 2. Кишинев, 1975 - 1976.

⁴¹ Формирование молдавской буржуазной нации. С. . 4 - 5, 27, 19.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 516 - - - Воронеж, 2008

Националізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

привела к формированию смешенной общности из римских колонистов и местных дакийских племен, которая говорила на народной латыни. Позднее, к VI веку эта романизированная общность оформилась в новую общность, которая в источниках известна как волохи. Позднее на их основе и возникли молдаване, которые к XIV веку создали два молдавских государства - Валахия и Молдова. Советские молдавские историки считали, что в этих государствах прошла этническая консолидация молдавской феодальной народности.⁴²

Под народностью молдавские интеллектуалы понимали «исторический тип общности людей, предшествующий нации». В формировании молдавской народности они выделяли два аспекта - формирование волохов и формирование собственно молдаван. Волохи рассматривались как непосредственные предшественники молдаван. Молдавские авторы считали, что волохи имели одну общую культуру, язык и традиции. В среде волохов, в соответствии с советскими молдавскими историческими концепциями, господствовали одни и те же социально-экономические отношения.⁴³

Молдавские историки значительное внимание уделили проблемам истории молдавской государственности. Они считали, что именно в Молдавском государстве имело место окончательное оформление молдаван, их этническая консолидация. «Возникновение государства способствовало процессу завершения формирования молдавской народности и ее дальнейшей консолидации. Об этом свидетельствует наличие такого существенного признака, как появление этнического самосознания», - писали официальные молдавские советские интеллектуалы.⁴⁴

Доказывая существование молдаван как общности и в исторической перспективе, молдавские советские интеллектуалы очерчивали границы существовавшего в Средние Века Молдавского княжества. Они считали, что к XV веку его граница проходила по Днестру до впадения в Черное море, далее по берегу Черного моря до впадения в него Дуная, по Дунаю, Сирету и Милкову шла до Карпатских гор. На север граница шла по хребту Восточных Карпат. На северо-востоке граница шла по реке Черемош до ее впадения в Прут, затем

---

⁴² Формирование молдавской буржуазной нации. С. 21.

⁴³ Формирование молдавской буржуазной нации. С. 22, 26.

⁴⁴ Формирование молдавской буржуазной нации. С. 36, 39.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 517 - - - Воронеж, 2008

Националізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

она двигалась на север до Днестра, немного восточнее Снятына.⁴⁵

Что касается Румынии и румын, то молдавские интеллектуалы этнического родства с ними не отрицали. Они признавали то, что часть молдавского населения принимало участие в формировании румынской нации. Вместе с тем, они особо отмечали то, что между румынами и молдаванами, несмотря на этническое родство, существует больше отличий, чем сходств. Наряду с румынским аспектом молдавские советские интеллектуалы при изучении истории становления молдавской нации особое внимание уделяли роли русского влияния. В целом, оно оценивалось положительно, но позитивную оценку получало только влияние со стороны демократических традиций русского народа и прогрессивной русской культуры. Параллельно молдавские интеллектуалы критиковали царизм и его ассимиляторскую политику.⁴⁶

Вступая в полемику с румынскими историками, молдавские интеллектуалы считали, что в генезисе восточных романцев значительную роль играли дороманские, например - фракийские, элементы. Официальная точка зрения молдавской советской исторической науке сводилась к тому, что «формирование молдавского народа было длительным исторически процессом, в котором принимали участие различные этнические компоненты». Перечисляя их, молдавские интеллектуалы упоминали целый ряд племен - гетов, даков, фракийцев, карпов, кробизов, костобоков, агафирсов. Особое внимание акцентировалось на положительной роли славян.⁴⁷ Описывая ее, молдавские историки словно пытались доказать, что она подготовила молдаван к прогрессивному влиянию со стороны «великого братского русского народа».

Вместе с тем, молдавские интеллектуалы в некоторой степени пытались вписать молдаван в семью европейских, в частности - романских, наций. Они писали, что «по грамматической структуре, фонетической системе, основной лексике молдавский язык - язык романского происхождения. Системы склонения и спряжения, местоимения, основные группы числительных, основные термины родства - все они происходят от основ латинского языка». Более того утверждалось, что если в материальной культуре романское влияние исчезло, то в духовной культуре существует

---

⁴⁵ Формирование молдавской буржуазной нации. С. 43.

⁴⁶ Формирование молдавской буржуазной нации. С. 24, 30, 36.

⁴⁷ Формирование молдавской буржуазной нации. С. 33, 35.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - **518** - - - Воронеж, 2008

Націоналізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

обширный пласт именно специфических романских традиций. По данной причине, молдавские интеллектуалы при конструировании молдавской идентичности утверждали, что именно античная романская культура стала основой молдавской культуры.⁴⁸

Что касается конкретных проблем становления молдавской нации, то советские молдавские интеллектуалы описывали их, руководствуясь общей схемой принятой в советской историографии, согласно которой анализ истории возникновения любой нации должен был состоять из анализа истории возникновения классов (буржуазии и пролетариата), возникновения и роли национальной интеллигенции и становлении новой национальной культуры, которая, в свою очередь, делилась на прогрессивную культуру широких народных масс и на реакционную культуру господствующих классов. Советские молдавские интеллектуалы считали, что становление молдавской нации сопровождалось развитием капитализма.⁴⁹

Наиболее показательные проявления попыток создания молдавской идентичности с опорой на историческую проблематику представлены в ряде многотомных обобщающих исследований по истории Молдавской ССР. В этих исследованиях особенно интересно то, как трактовались проблемы этногенеза молдаван, возникновение государственности, роль славян и отношения с Россией. Двухтомная «История Молдавской ССР» под редакцией Л.В. Черепнина была одной из первых попыток подобного плана. Первое издание данного исследования вышло в 1951 году, второе - в 1965. В конце 1980-х годов вышло новое, шеститомное, издание «Истории Молдавской ССР».

Примечательно то, что в качестве редактора «История Молдавской ССР» (1965) был выбран русский историк, минимально связанной с Молдовой и молдавской историографией. В этом можно видеть определенные тенденции к русификации. Русификаторские тенденции сохранились и к 1980-м годам. Редактором первого тома шеститомной истории «Молдавской ССР» был В.Л. Янин.

В издании 1965 года романское происхождение молдаван признавалось, но особо не подчеркивалось. Советские историки, наоборот, акцентировали внимание на влиянии со стороны славян, значительно преувеличивая его. Массовое заселение территории Молдовы славянскими племенами

---

⁴⁸ Формирование молдавской буржуазной нации. С.36.

⁴⁹ Формирование молдавской буржуазной нации. С. 57 - 79.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 519 - - - Воронеж, 2008

Националізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

оценивалось как важнейший фактор в ее дальнейшем развитии - как этническом, так и политическом. Молдавские советские авторы преподносили славян как совокупность племен, которые на новых территориях не угнетали местное население. Подобный подход характерен и для изданий 1980-х годов. Занижая роль романизации, молдавские историки подчеркивали роль дороманского населения.⁵⁰

Рассматривая появление славян, молдавские историки писали о синтезе их культур - они считали, что в одних регионах славяне ассимилировали романизированное население, а в других сами были ассимилированы романизированным населением. Особое влияние на восточных романцев, предков молдаван, советская молдавская историография приписывала таким славянским племенам как тиверцы и уличи. Нахождение же части территорий населенных романским населением в составе Древнерусского государства преподносилось почти как историческое благо. Таким образом, история Молдовы превращалась в историю славян на ее территории, так как в «Истории МССР» 1965 года истории славян было уделено гораздо больше внимания, чем истории романского населения. Что касается более поздних периодов истории Молдовы, то роль Московского государства преувеличивалась. Поздняя молдавская советская историография повторяла подобные оценки с незначительными модификациями, почти без изменений.⁵¹

Отношения романизированного населения со славянами, их контакты в языковой и прочих сферах в советской молдавской историографии рассматривались как составные процессы формирования народности волохов. Волохи стали особой воображаемой конструкцией, придуманными молдавскими советскими историками для культивирования молдавской самости и отдаления молдаван от соседних румын. Волохи рассматривались как племена, возникшие в результате смешения романизированного населения со славянами. Национальная гордость в «Истории МССР» 1965 года представлена минимально. Молдавские историки того времени придерживались теории, что территория Молдовы бала заселена романским населением позднее, чем славянами - таким образом доказывалось, что молдаване многое

---

⁵⁰ История МССР. Т.1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. / ред. Л.В. Черепнин. Кишинев, 1965. С. 58; История МССР. Т.1. Первобытнообщинный строй. Переход к классовому обществу. Формирование феодальных отношений. Образование молдавского государства / ред. В.Л. Янин. Кишинев, 1987. С. 110 - 160.

⁵¹ История МССР. Т.1. Кишинев, 1965. С. 60, 67 - 68, 71 - 78, 145 - 148, 205 - 246.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - **520** - - - Воронеж, 2008

Націоналізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

заимствовали у славян. Славяне, хотя об этом открыто и не писалось, преподносились как народ-культуртрегер романского населения. Молдавская историография стремилась максимально отсрочить появление романского населения на территории Молдовы, датируя его лишь XIII столетием. Создав такой искусственный и явно надуманный хронологический разрыв, советские молдавские историки преувеличивали и славянское влияние на волохов.⁵²

Молдавская историография была одним из наиболее важных, после языка и литературы, каналов поддержания и культивирования молдавской национальной идентичности. Если литература и язык подтверждали существование молдавской нации в реальном времени, то исторические исследования были призваны доказать то, что молдаване, не просто самостоятельная нация, но и нация историческая, которая имеет свою собственную национальную историю и равноправна по сравнению с другими нациями советского многонационального государства. Диляра Усманова, анализируя татарскую историографию, задается вопросом о том, насколько уместен «этноцентризм доминирующий при создании национальной истории».⁵³ Такой же вопрос мы можем задать и в отношении историографии Молдовы советского периода.

Исторические исследования были призваны доказать, что молдаване имеют собственное прошлое. История в такой перспективе преподносилась как одна из отличительных сторон национальной самобытности молдавского населения. Именно история была тем наиболее важным выделяющим фактором, который в значительной степени отделял молдаван-романцев от их соседей-славян и преподносил их как самостоятельную общность. История была более важна, чем язык и литература, так как она базировалась на историческом наследии и нарративе о последовательном развитии исторического процесса на территории Молдовы. История была более важна в деле сохранения, развития и поддержания национальной идентичности, чем язык, так как он, имел общее происхождение с соседним румынским и в значительной степени приближал молдаван в этническом плане к соседним румынам чего местным официально мыслящим авторам и интеллектуалам вовсе не хотелось.

---

⁵² История МССР. Т.1. Кишинев, 1965. С. 61, 79 - 83.

⁵³ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: исторические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Новая имперская история постсоветского пространства / ред. и сост. И. Герасимов и др. Казань. 2004. С. 109.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 521 - - - Воронеж, 2008

Националізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

История демонстрировала местным авторам национальное величие в минувшем, так как в настоящем они его видеть не могли. Именно поэтому, значительная часть национально ориентированных нарративов строилась вокруг тезиса об исключительной народной культуре прошлого. Однако такой настрой местных авторов вовсе не исключал то, что в их среде имели место национальные идеи и националистические настроения. При всем декларировании верности России и воспевания прогрессивной роли русского народа, местные историки все же оставались именно местными молдавскими историками, которые стремились писать историю Молдовы как национальную, пусть в весьма строгих искусственных цензурных рамках. Тем не менее, роль исторической науки в сохранении национальной идентичности не следует преуменьшать. Именно история, наравне с языком и литературой, успешно использовалась интеллектуалами для противостояния политике русификации, которая стремительно начала набирать обороты в послевоенный период.

Но настоящая проблема не ограничивается исключительно теми аспектами, которые проанализированы в рамках этого небольшого исследования. Это говорит лишь о том, что соотношение исторических исследований, национализма и динамики развития национальной идентичности нуждается в дальнейшем, более глубоком и всестороннем, изучении.

Димитър ГОЦЕВ

**НОВАТА НАЦИОНАЛНО-ОСВОБОДИТЕЛНА БОРБА
ВЪВ ВАРДАРСКА
МАКЕДОНИЯ, 1944 – 1991**

ПЪРВИТЕ ПОЛИТИЧЕСКИ ПРОЦЕСИ

Наред с масовите убийства без съд и присъда в края на **1944** г. и през цялата **1945** г. сърбокомунистическите власти организират и съдебни процеси срещу водещата българска интелигенция.

Сред първите подсъдими са: Д. Гюзелев от Дойран, доктор по философия, инж. Д. Чкатров от Прилеп, инж. Спиро Китинчев от Скопие, д-р К. Робев от Битоля, д-р В. Светиев от Битоля, д-р Вл. Туджаровски от с. Любойно, Битолско, инж. Хр. Светиев от Битоля, д-р Ас. Татарчев от Ресен, В. Хаджикимов от Щип, д-р П. Бърдаров от Прилеп, Ст. Стефанов, юрист от Кратово, Ил. Коцарев, юрист от Охрид, инж. В. Спанчев от Дебърско, Роза Койзеклиева, учителка от Щип, Н. Павлов, юрист от Тетово, д-р Бл. Панчев от Скопие, д-р П. Хитров от Велес, Ал. Костов, юрист от Битоля, Хр. Ризов, търговец от Битоля и хиляди техни сподвижници и последователи от цяла Вардарска Македония, все видни дейци на ВМРО и Македонската младежка тайна революционна организация (ММТРО). Освен в борбата срещу сръбското робство, в годините на освобождението **1941 -1944** г. те застават начело на българското национално-културно дело в Македония. Чрез тяхното съдене и „осъждане“, пише в своите спомени В. Хаджикимов, новите сърбокомунистически власти изправят на подсъдимата скамейка българската история, българското национално съзнание, култура и език в Македония. В сръбските съдилища до **1941** г. борците за освобождение на Македония са съдени по Закона за преследване и унищожаване на разбойниците или по ЗЗД. Сега, пред „македонския съд“, ги изправят по „Закона за македонската чест“. Всеки, който се чувства българин или

смята, че историята, езикът и националността на славянското население в Македония са български, автоматично попада под суровите наказателни параграфи на този антибългарски закон с дежурното обвинение, че работи против „народа и държавата“, че е враг на „нова Югославия“, на братството и единството на „югославските народи“ и пр.

Преследваните от сърбокомунистическите власти българи се оказват подсъдими за същите обвинения, както и пред кралските сръбски съдилища до **1941 г.** - затова, че са българи, че се борят за свободата на българите в Македония, че искат да откъснат Вардарска Македония от Югославия, да създадат независима Македония или да я присъединят към България и т.н. За тези обвинения Д. Гюзелев, Д. Чкатров и още **200** души техни другари ка Студентския процес в Скопие през **1927 г.** са осъдени на по **15-20** години строг тъмничен затвор от сръбските поробители.

На процесите, организирани срещу посочените и други видни интелектуалци, те са обвинени, че са посрещнали влизането на българската армия в Македония (през април **1941 г.**); че заедно със своите последователи и съмишленици са работили за възраждането и победата на българската национална кауза в Македония, като по този начин са действали против „своя собствен народ“.

На проведения от **28 май до 2 юни 1945 г.** съдебен процес в Скопие тримата най-видни ръководители на ММТРО и всепризнати политически дейци в Македония в годините **1941-1944** - Д. Гюзелев, Д. Чкатров и Спиро Китинчев, са обвинени от сърбокомунистическия съд, че са приели „окупацията“ като осъществяване на „вековния сън на македонците да се обединят с майка България“. А като идеолози и водачи на интелигенцията в периода **1941-1944 г.** са възпитавали народа на Македония в български национален дух. И тримата подсъдими приемат „обвинението“ като изтъкват, че цял живот съзнателно и с готовност за саможертва са се борили за опазване на българското население от сръбска асимилация и за освобождението на Македония от сръбско робство. За тази си борба те прекарват по **10** години в мрачните сръбски затвори и лагерите на смъртта в Кралска Югославия. За "македонистите" съдии обаче подсъдимите са само „врагове на народа и „предатели“ на Македония.

Подсъдимите се защитават повече от достойно. Д. Гюзелев открито заявява: „Кои сте вие, за да ме съдите за моята дейност. Аз служих на народа си, а вие на кого служите?“ Д. Чкатров заявява, че се чувства „омерзен да бъде съден от

„македонци" по диктовката на старите сръбски съдии, които веднъж вече са го осъждали като борец за освобождението на Македония от сръбско робство". Почти по същия начин реагират и неговите другари. Пред „македонските" съдии всички защитават не само себе си, но и борбата на ВМРО и ММТРО и българската същност на Македония от векове насам. Съдът осъжда и тримата на смърт. Д. Гюзелев и Д. Чкатров са разстреляни, а Сп. Китинчев умира от изтезания в затвора.

Такива присъди се издават и изпълняват над стотици българи през **1945-1946** г. не само в Скопие, но и във всички градове във Вардарска Македония. Само в Скопие са проведени **18** процеса с **226** души подсъдими, с **22**-ма осъдени на смърт. Между тях: Димитър Тодоров от Велес, Емил Михайлов от Щип, Методи Трендафилов от Скопие, Димитър Катланов от Скопие, Ангел Димков от Скопие, Илия Недков от Щип, д-р Панайот Хитров от Велес, Панче Делев от Велес, Васил Хаджикимов от Щип, Трайко Попов от с. Ращак, Скопско, Трайко Чундев от с. Подлес, Велешко.

На дълги години затвор са осъдени хиляди изявени българи. Между тях: Димитър Войницалев, Коста Хрисимов, д-р Димитър Златарев, д-р Илия Чулев, инж. Кирил Пецаков, Стефан Кузманов, Кръстю Ивановски, Петър Здравев, Борис Градишки, Никола Попов, Радко Градишки, Евтим Гашев, Милка Цветанова, Ана Костова, Стоилко Давидов, Трайко Йовчев, Никола Ветров, Димитър Панов, Бруно Котев, Томе Исаилов, свещеник Гогов, Йордан Димитров, Димитър Давидов, Борис Пеев, Никола Павлов, Михо Михайлов, Васе Пупков, Аце Трайчев, Тодор Крайничанец, Григор Чулев, Алекс Стоименов и хиляди техни другари.

В гр. Щип в поредицата от процеси, според в. „Нова Македония" от **11** февруари, **10** март и **31** май **1945** г., в. „Политика" от **16** октомври **1945** г., в. „Борба" от **10** май **1946** г. и др., са изправени пред съд и осъдени на смърт **7** души българи и **32**-ма на дългогодишен тъмничен затвор по закона за „националната чест". Между тях: Илия Хаджисланков, Васил Пуздърлиев, Добре Иванов, Антон Ковачев, Мане Иванов, Тоде Ангелов, Стоян Андреев - всички от Щип, Благой Ципушев от Радовиш, Георги Зафиров, Владо Маджаров, Илия Югов и Георги Чолаков от Гевгели; Ангел Евтимов, Емануил Пешев, Трифон Евтимов от с. Винаца, Кочанско, Павле Маринов, Панчо Арсов, Санде Манев, Йордан Теодосиев от Кочани и много други.

От съдените в гр. Прилеп през **1945** г. **28** души, според в. „Нова Македония" от **28** април **1945** г. и в. „Борба" от **6**

октомври 1945 г., 10 са осъдени на смърт. Между тях: Петър Спасов, Димитър Найденов, д-р Петър Иванов, Александър Хаджиздравев и Христо Сърчев, всички от Прилеп, Иван Цаков, Илия Ангелов, Петър Стоянов и Петър Петров от с. Дрен, Прилепско, също Георги Тромпев, Харалампи Бутлев, Кирил Кузманов, Борис Попов и др., все български интелектуалци, бивши членове или последователи на ВМРО и ММТРО.

Във Велес, според в. „Нова Македония“ от 30 април и 2 юни 1945 г. и в. „Борба“ от 12 юни 1945 г., са осъдени на смърт: Георги Димитров, Нако Георгиев, Блажо Бойковски, Янко Шопов, Христо Данаилов, Панчо Ставрев, Божин Ризов, Милан Атанасов, Георги Иванов и Трифон Лазов; на дългогодишен затвор - Любен Бръчков, Тодор Горгов, Благой Чушков, Лазар Кицев, Ангел Димов, Благой Варналиев и др.

В Битоля, според в. „Политика“ от 24 май 1945 г., само в един процес 9 души българи са осъдени на смърт. Между тях: Михайл Михайлов, Войдан Бомбилев, Георги Москов, Борис Тодоров, Александър далов и др. На дълги години затвор, според в. „Борба“ от 1 юли 1946 г., са осъдени Христо Ризов, д-р Константин Робев, Тома Гигов, Никола Коларов, Цветан Дамев, д-р Асен Татарчев, д-р Владо Туджаровски, Цане Костов и т.н.

В Охрид са съдени и осъдени на по 15-20 години строг тъмничен затвор Илия Коцарев, Саво Коцарев, Стойчо Ташев, Никола Аргиров, Наум Йосифов, Тома Гайдаджиев, Любчо Коцаров и много други.

Арести, процеси, осъждане на смърт и на дълги години затвор на най-видните българи се извършват и в останалите по-малки градове във Вардарска Македония. В Гевгели са съдени повече от 35 души, в Струмица - над 60, в Берово и Делчево - повече от 100, в Кочани - 48 души и т.н. На съдебните процеси всички са обвинени като „великобългари“, „михайловисти“, „ВМРО-вци“, „фашисти“ и врагове на „нова Югославия“.

ПРОЦЕСЪТ ПРОТИВ ДЕМОКРАТИЧНИЯ ФРОНТ «ИЛИНДЕН 1903»

Негови създатели и първи ръководители са Коста Хрисимов-Смилец, учител от с. Старчище, Серско, д-р Илия Чулев от Кавадарци и д-р Наум Златаров от Охрид.

Демократичният фронт създава свои организации в Скопие, Битоля, Велес, Шип, Охрид и Кавадарци.

В духа на програмите на националноосвободителните борби в Македония до **1941 г.** организацията си поставя за цел да брани с всички средства българското име, език и история, отричани и преследвани от новите македонскосърбомански власти. И второ, чрез тайни изложения да осведомява световното обществено мнение за новото варварство, вършено над българите във Вардарска и Егейска Македония, се казва в устава на организацията.

През септември **1945 г.** ръководството на Демократичния фронт „Илинден **1903**“ изпраща обширно изложение до правителствата на СССР, САЩ, Англия и Франция. В него се заявява, че след Втората световна война, която е отнела толкова много жертви, но е донесла свобода на редица народи, въпросът за Македония не е получил своето дългоочаквано и справедливо решение. Българите в Македония, както през турския режим, а по-късно през сръбското и гръцкото владичество, отново са подложени на прогонване, асимилация и унищожаване. Затворите, продължава изложението, са пълни с българи. Няма населено място, в което да не е извършено убийство, а във Велес, Куманово и много други места и масови убийства по най-зверски начин. „Мъченията в затворите са средновековни.“

Изложението съдържа апел към правителствата на великите сили да се застъпят за правото на населението в Македония на самоопределение под международен контрол. По този начин ще му се даде възможност да реши само своята съдба. „Без свободна Македония, завършва изложението, не може да има мир на Балканите.“ Изложението е подписано от Коста Хрисимов, д-р Илия Чулев, д-р Димитър Златаров, инж. Стефан Кузманов и Коста Динев - юрист.

През октомври **1945 г.** властите разкриват и арестуват подписалите изложението. В някои от тях те намират списък на неизвестни членове на организацията, които също са арестувани. Независимо от нечуваните насилия и жестокости над арестуваните, властите никога не узнават повече сведения за цялостната мрежа и дейност на организацията. Според сведения на в. „Политика“ от **30 март 1946 г.** **11** ръководители на Демократичния фронт „Илинден **1903**“ са изправени пред Върховния съд в Скопие. Те са обвинени по закона за „обида“ на „македонската чест“, че са изпратили по нелегален път изложение до великите сили, в което се злепоставят югославските власти. Най-сетне прокурорът Никола

Вражалски ги обвинява, че са се стремили да създадат терористична организация във Вардарска Македония по подобие на ВМРО. Въпреки достойната защита на ръководителите на организацията, които изтъкват, че не са терористи, а се борят с легални и просветни средства за защита на българската националност и за независима Македония, Върховният съд в Скопие осъжда всички от 5 до 20 години строг тъмничен затвор. Между осъдените са: Коста Хрисимов, д-р Димитър Златаров, д-р Илия Чулев, Коста Динев, Стефан Кузманов, Петър Тушанов, Кирил Пецаков, Серафим Лазаров, Атанас Анев, Лука Сукелев и Методи Светиев. В Битоля, Велес, Кавадарци, Гевгели, Струмица и на други места във Вардарска Македония са арестувани, съдени и осъдени няколкостотин души, разкрити като членове на Демократичния фронт „Илинден 1903“. След процеса организацията се слива с местните структури на ВМРО и през следващите години те действат заедно.

ВЪЗСТАНОВЯВАНЕТО НА ВМРО ВЪВ ВАРДАРСКА МАКЕДОНИЯ

Репресиите и убийствата, безпрецедентното преследване на всичко българско предизвикват остра реакция сред населението във Вардарска Македония. Появява се организирана съпротива срещу новите власти. Сред няколкото тайни организации, които възникват след декември 1944 г. за борба срещу новата сърбокомунистическа окупация в защита на българщината и за независима Македония, основна, най-голяма, най-влиятелна, действаща в цяла Вардарска Македония, е ВМРО. Тя е възстановена през 1945 г. и продължава борбата за осъществяване на своите идеи.

През октомври 1945 г., по инициатива на д-р Васил Иванов от Струмица, д-р Коста Тренчев от Царево село и д-р Коста Терзиев от Кукуш, след доста предварителна работа, в Скопие се провежда тайна среща на повече от 30 души видни българи от цяла Вардарска Македония. Те обсъждат положението, в което се намира българското население, поставено извън законите от новите комунистически власти на Югославия.

След като констатират, че народът в Македония е излъган от ЮКП и отново е попаднал под великосръбско робство, участниците в разискванията решават да обявят тази среща за Девети възстановителен конгрес, с който се слага начало на новата борба на ВМРО. Приет е временен устав на

организацията, изработен от д-р В. Иванов. Съобразно новите условия, основните положения в него са:

1. ВМРО счита връщането на Вардарска Македония в Югославия за незаконно, тъй като е извършено насилствено и с измама, без демократично допитване до народа.

2. ВМРО ще се бори за официално признаване на българската народност и откриване отново на българските училища и черкви, закрити или забранени безпричинно по нареждане от Белград в края на **1944** г.

3. ВМРО ще се бори с всички възможни средства, главно легални, Вардарска Македония, както е предвидено в специален параграф на Конституцията на СФРЮ, да излезе по законен път от Югославия, съобразно нейните национални и културни интереси, различаващи се от тези на другите републики във федерацията.

4. ВМРО ще настоява пред правителствата на великите сили да подкрепят нейните искания за справедливо разрешаване на македонския въпрос на Парижката мирна конференция, като бъде създадена „Свободна и кезависима Македония“ под покровителството на великите сили или на ООН.

5. Членове на ВМРО могат да бъдат всички честни македонски патриоти, независимо от техните политически убеждения, които и в миналото, и сега са се борели и се борят срещу сръбското робство за свободна Македония.

Според този временен устав Вардарска Македония условно се разделя на три организационни области: Битолска, Скопска и Щипска. Избрано е и централно ръководство на ВМРО за Вардарска Македония, състоящо се от **13** души. Освен тримата доктори в централното ръководство влизат още: Методи Попов от с. Будинарци, Благой Гащев от с. Владимирово, Никола Иванов от с. Русиново, Георги Гоцев от с. Панчарево, Кирил Сивески от с. Робово - всички от Щипска организационна област; Асен Темов от Щип, Тома Давков от с. Горни Балван, Щипско, Димитър Пеев и Борис Чаракчиев от Радовиш и Милан Трайков от Скопие.

На всички участници във възстановителния конгрес е раздадено окръжно М1 на ВМРО, в което се съдържат посочените идеи и цели, за които организацията ще се бори. На тези, които го притежават, се вменява в дълг да започнат незабавно да изграждат тайна организационна мрежа на ВМРО в своите райони. Препоръчва се да се създават тройки по селата и петорки в градовете, независими една от друга,

които чрез околийските, окръжните и областните ръководства ще се свързват с Централния комитет на ВМРО.

Уставът и целите на новата борба, както и организационното устройство по идея, замисъл и изпълнение са заимствани от дотогавашните документи на ВМРО и ММТРО, съобразени с новите условия във Вардарска Македония. Още повече, че д-р В. Иванов и д-р К. Тренчев като активни членове на Македонския студентски съюз (МСС) във Виена, Лайпциг и Париж между двете световни войни много добре познават тези документи и целите, за които се бори ВМРО.

Организацията бързо намира свои привърженици и до юни-юли **1946** г., когато стават първите разкрития, тя наброява над **10** хиляди организирани членове. От края на **1945** и през **1946** г. дейци на ВМРО активно разпространяват сред населението машинописни материали и позиви, разобличаващи престъпленията на великосръбските комунисти над българите в Македония.

Изложение-меморандум, написано от ръководителите на ВМРО, през април и май **1946** г. е изпратено до правителствата на великите сили. В него подробно се описва историята на македонския въпрос от неговото възникване след **1878** г., борбите и жертвите, които българите в Македония са дали за своето освобождение от турско, а след това и от сръбско и гръцко робство. Особено внимание се обръща на погромите, убийствата и терора, вършени от новите великосръбски власти след тяхното връщане в Македония през ноември **1944** г. Ето защо от името на населението на Вардарска Македония в меморандума се иска правителствата на великите сили и посланиците на Парижката мирна конференция да се застъпят за правото на самоопределение на населението в Македония под международен контрол, за да се установи, че то никога не е имало и няма нищо общо в историческо, национално и политическо отношение нито с кралска, нито с Титова Югославия. То се бори за „свободна и независима Македония“.

Този меморандум, подписан от **7** души от ръководството на ВМРО - д-р Васил Иванов, д-р Коста Терзиев, д-р Коста Тренчев, Димитър Пеев, Георги Гоцев, Кирил Сивески и свещеник Никола Попов, по няколко пътища е изпратен до представителите на великите сили в Париж. Чрез своя брат и Пандо Иванов, министър по това време, д-р В. Иванов изпраща меморандума и на самия министърпредседател на тогавашна Вардарска Македония Методи Андонов-Ченто. Той го прочита и не само не възразява срещу казаното в него, но

заявява, че изнесеното в меморандума е напълно достоверно и че тези ужасяващи неща, които вършат Л. Кулишевски, Св. Вукманович-Темпо и Ал. Ранкович против волята на правителството в Македония, трябва да станат достояние на цялото световно обществено мнение.

С появата на меморандума в европейските столици обаче настъпва и провал във ВМРО. Предателството, според записките на д-р В. Иванов, дошло откън. След предаването на меморандума на югославската делегация в Париж лицата, които са го подписали, стават обект на наблюдение. Постепенно властите разкриват ръководните хора и основните центрове, в които действа организационната мрежа на ВМРО.

В началото на май 1946 г. министър-председателят Методи Андонов-Ченто разбира, че дейността на ВМРО е разкрита и предупреждава нейните ръководители да унищожат всичко, което може да ги компрометира при арестуването им. Той ги съветва да се бранят като легална и толерантна опозиция, която защитава своите национални идеи и политически виждания с мирни средства. Нещата се развиват бързо и през май и юни 1946 г. властите арестуват над 3000 членове на ВМРО в цяла Вардарска Македония, начело с нейното ръководство. Министър-председателят веднага изпраща Павел Шатев в София да се срещне с представители на българското правителство и да се опита да обясни, че там, във Вардарска Македония, не се строи никакъв социализъм, а великосръбските шовинисти с помощта на техния верен слуга Л. Кулишевски преследват и унищожават всичко българско, сменят имената на живи и мъртви българи, настройват народа в Македония срещу неговите братя в България и пр. Всичко това П. Шатев съобщава на секретаря на ЦК на БРП(к) Трайчо Костов и иска съдействие от България да се застъпи за спиране на сръбската вандалщина над българите в Македония.

След завръщането му в Скопие, още на другия ден в кабинета му в Министерството на правосъдието идва вътрешният министър на Югославия Ал. Ранкович, който го арестува и изпраща в затвора.

Тогава министър-председателят М. Андонов-Ченто решава сам да отиде в Париж и да разпространи изготвеното от него изложение-апел, с който се иска великите сили да изпратят анкетна комисия, която на място да се увери, че в Македония се избиват и репресират невинни българи, и да се застъпи за правото на самоопределение на Македония, за нейното излизане от Югославската федерация и за обособяването ѝ като самостоятелна държава под международна гаранция. При

подготовката си за заминаването обаче на **14 юли 1946 г.** той е арестуван, а след четиримесечно следствие първият министър-председател на НР Македония е осъден на **12 години** строг тъмничен затвор. И всичко това, защото не иска да носи обвинението на своите сънародници, че съзнателно или не, е съдействал на сърбите да се върнат отново в Македония и да преследват и избиват българското население както и преди **1941 г.** Тъкмо затова той подкрепя и програмата на ВМРО, а след това излежава с достойнство и **9 пълни години** в затвора заедно с всички съюдени ВМРО-вци.

Каква е съдбата на арестуваните членове на ВМРО? След дълго разследване, съпроводено с физически и душевни инквизиции, стотици от тях не издържат на жестоките изтезания и умират, някои още по време на следствието. За ръководителите на ВМРО е подготвен специален съд, на който да бъдат разобличени като „предатели“, като „български агенти“ и да бъдат осъдени на смърт. Случаят с меморандума обаче дотолкова се разшумява в европейската преса, че четирите велики сили - СССР, САЩ, Англия и Франция, изпращат през януари **1947 г.** делегация, която да провери на място какво става в Македония. Пристигайки в Белград обаче, делегацията на великите сили е спряна, като ѝ е заявено, че не може да посети Македония и че искането да се срещне с арестуваните ръководители на ВМРО е намеса във вътрешните работи на Югославия. Представителите на великите сили заявяват, че няма да се върнат, докато не се срещнат с хората на ВМРО, изпратили меморандум до тях.

В продължение на **10 дни** югославските власти не искат и да чуят за подобно нещо. Най-върли противници са Ранкович, Темпо и Кулишевски. Тогава делегатите чрез своите посолства и други мисии отправят молбата си лично до Тито. Принудени да приемат искането, властите в Белград съобщават на делегацията на великите сили своите условия: **1** - вместо с цялото арестувано ръководство на ВМРО (от **13 души**) ще се срещнат само с трима; **2** - срещата ще стане в Белград, а не в Скопие; **3** - разговорът ще се води на сръбски език; **4** - чуждите делегати не могат да разговарят пряко със затворниците.

Поставяйки тези условия, властите се надяват, че делегатите на великите сили ще се откажат от своята мисия. Но те се съгласяват срещата да стане при поставените условия.

Цяла седмица властите в Скопие подготвят тримата доктори, като им говорят за среща с някакви европейски „журналисти“, които уж правели обща анкета за състоянието на политическите затворници на Балканите. От начина, по

който ги обработвали как да се държат и какво да говорят, както пише в своите записки д-р Иванов, се разбирало, че това няма да е само „журналистическа“ анкета, а нещо по-сериозно, отнасящо се до същността на борбата на ВМРО в Македония по това време. Това, което докторите успяват да си кажат, преди да ги вдигнат от затвора в Идризово в една мразовита януарска сутрин и да ги закарат на летището в Скопие, е, че с когото и да се срещнат, трябва да се държат достойно и да защитават безкомпромисно идеите на ВМРО и становището, залегнало в меморандума до великите сили относно разрешаването на македонския въпрос на предстоящата конференция в Париж.

В Белград ги закарват направо във вътрешното министерство. Тримата доктори са с вързани отзад ръце, но тук ги завързват и за столовете, на които седят. От разговорите на охраняващите ги научават, че ще се срещнат с чуждестранни дипломати. Тримата ръководители на ВМРО искат да бъдат оставени поне пет минути насаме, за да се посъветват за своята позиция. Ал. Ранкович ги предупреждава да не забравят къде се намират и че друга позиция, освен пълно разкаяние, те не биха могли да имат, независимо от това с кого ще се срещат.

Д-р Иванов му отговаря, че и да искат не биха могли да забравят къде се намират, защото само в полиция като неговата могат да се видят двойно завързани, посинели от инквизиции човешки скелети, каквито са те. „Всички ВМРО-вци и бугараши в Югославия ще се превърнат в скелета“ - отвърща му Ранкович. Тогава към него се обръща и д-р Терзиев, който заявява, че те не знаят защо са тук и с кого ще се срещнат. Ако действително им предстои среща с чужденци, те молят да бъдат осведомени за какво става дума. Ако пък всичко това е измислено, за да бъдат подложени на още физически и морални терзания, те не разбират защо е трябвало да пътуват дотук.

Представител на външното министерство в Белград обяснява, че по повод на техния меморандум за положението в Югославия и по-конкретно в Македония, в Белград са пристигнали чужди представители, които искат да чуят лично от тях дали все още държат на това, което са писали в изложението си. Ако се стигне до тази среща, посъветвал ги той, не бивало да говорят, че са българи и че се борят за независима Македония. Това било идея на „българските фашисти“ от типа на Иван Михайлов и ще усложни още повече тяхното положение.

Сега вече тримата ръководители на ВМРО съвсем ясно разбират две неща: че представителите на великите сили са получили техния меморандум, знаят за тяхното положение и затова искат среща с тях, и второ, узнават какво искат да скрият от чуждите дипломати югославските власти.

На срещата с пратениците на великите сили пръв към арестуваните доктори се обръща френският представител. От името на колегите си той им заявява, че пълномощниците на великите сили за преговорите за мир в Париж са много добре запознати с тяхната лична съдба и със съдбата на техните съмишленици. Казва им също, че са изпратени от своите правителства да се срещнат с тях и да разберат на какво се дължи противоречието им с новите власти.

Преводачката от УДБ-а обаче превежда, че френският представител остро е осъдил тримата доктори за тяхната „фашистка“ и отцепническа дейност по отношение на Югославия. Д-р Иванов, който добре разбира френски език, посочва, че представителят на Франция не е казал това, което тя е превела, и че при такъв превод той и неговите другари ще се откажат от разговора с представителите на великите сили.

Френският дипломат разбира какво е станало и, нарушавайки условието на властите, се обръща директно към д-р Иванов, като му заявява, че ще зададе на него и другарите му няколко въпроса и ако отговорят откровено, всичко ще приключи бързо и без усложнения. „Ваше превъзходителство - обръща се към него д-р Иванов - Вие подготвяте следвоенния мир, а ние в Македония сме все още във война. фактът, че сте тук, потвърждава моите думи. Изпратеният от нас меморандум до Вашите правителства е напълно достоверен - ние и сега бихме се подписали под всяка негова дума. Понеже властите го оспорват, ние настояваме за международна анкета, определена от Вас, която на място да провери всеки изнесен от нас факт на преследване, репресии и убийства на хиляди невинни българи в Македония.“

Какво всъщност искате вие от великите сили, пита френският дипломат. В нашия меморандум, обяснява д-р Иванов, подробно сме описали нашите проблеми и нашите искания. Но и тук ще Ви отговоря. За няколко десетилетия Македония три пъти е насилствено разделяна и поробвана от своите съседи по силата на международните диктати: в Берлин през 1878 г., в Букурещ - 1913 г. и Ньой - 1919 г. Европа и светът знаят трагедията на българите в Македония и на Балканите. Днес ние искаме самоопределение на населението в Македония под международен контрол, за да не се повтаря

досегашната кървава история. Тук Л. Кулишевски остро реагира, като заявява, че „македонският народ“ се е „самоопределил“ вече чрез „народоосвободителната борба“ за „братство и единство“ с другите югославски народи. Но д-р Терзиев му отговаря, че това е чиста демагогия, защото народът в Македония не е имал такава възможност. За това говори и фактът, че делегатите от Македония, начело с М. Андонов-Ченто, съзнателно и с борба са наложили в новата конституция на Югославия „клаузата“ за правото на самоопределение и отделяне от федерацията, ако това е в интерес на съответната република. Сега, когато са се убедили, че Македония няма никакви исторически, етнически, икономически или други културни и духовни интереси да бъде обвързана с Югославската федерация, те настояват тя с подходящ политически акт, чрез референдум, одобрен от великите сили, по законен път тя да излезе от сегашната федерация и да бъде обявена за независима държава под международна гаранция. С това ще се извърши едно справедливо историческо дело не само за доброто на Македония, но и за мира на Балканите, Европа и света. Това е програмата и искането на ВМРО към Парижката мирна конференция, заключава д-р Терзиев.

Срещу това изказване на д-р Терзиев се обявява Темпо, който нарича тримата доктори „отявлени български шовинисти“, „михайловисти“, „фашисти“ и пр., заявявайки, че тяхната идея за „независима Македония“ е „фашистка“ и неосъществима, защото и България отдавна се била отказала от нея и признала, че в Македония няма българи. Нещо повече, според Темпо предстояло присъединяването на Пиринска Македония към Югославия.

Д-р Иванов му възразява, че борбата на ВМРО е народна и се поддържа от цялото население в Македония от векове насам, преди изобщо някой да е чувал думата „фашизъм“, а колкото до това, че Пиринска Македония ще се присъедини към Югославия, д-р Иванов помнел, че имало случай Вардарска Македония да се присъединява към България, но никога обратното.

В този момент руският представител Владимир Велички се обърнал към д-р К. Тренчев, който досега мълчал, като го запитал дали иска да каже нещо, тъй като срещата е към своя край. От това, което е чул и видял, заявил д-р Тренчев, не е забелязал нищо обнадеждаващо. Неговите другари са изложили целите на борбата на ВМРО, които той безусловно поддържа. Той подчертал, че представителите на великите

сили би трябвало да бъдат наясно, че ако в Македония има демократични условия, те биха защитавали своите идеи с легални средства, към което са се и стремили.

Дотук, казал руският дипломат, всичко е ясно, но какво бихте направили оттук нататък? Ако се отнася до моето лично виждане, заявил д-р Тренчев, аз бих казал, че не бива да се очаква от нас да се откажем или да порицаем своите идеи. С тези идеи ние сме израснали, с тях живеем, за тях се борим. Обстановката обаче сега е такава, че само великите сили, събрани в Париж, могат да решат дали да дарят Македония със свобода и независимост, или да я оставят в сегашното ѝ положение. Вътре в самата Македония е необходимо да се освободят хиляди арестувани невинни хора, трябва да се търси модус вивенди между властите и ВМРО. В това отношение техни превъзходителства биха могли да посредничат, заключава д-р Тренчев.

След това неочаквано изявление на д-р Тренчев присъстващите властници обявяват, че това е демагогия и тактически ход, предназначен да заблуди представителите на великите сили за същността на ВМРО, като я представи за конструктивна обществена сила.

На това място представителите на великите сили изказват благодарност на властите за срещата, с което дават да се разбере, че тя е приключила.

Поведението на тримата доктори, отстояващи твърдо програмата на ВМРО пред представителите на великите сили, изважда от равновесие най-висшите югославски комунистически функционери. След срещата ръководителите на ВМРО са хвърлени в конски вагони и пътуват в ужасен студ два дни от Белград до Скопие, без каквато и да е храна.

Така завършва един изключително важен исторически момент от най-новата история на борбата на ВМРО за свободата на Македония. Това е може би единственият случай в историята на националноосвободителните борби на българите в Македония, когато представители на великите сили официално осъществяват среща с арестувани водачи на ВМРО, и то в момент, когато организацията и нейните идеи са отричани и преследвани във всички балкански страни.

***

Тепърва историческата наука ще прави научна оценка на националната стойност на това събитие в най-новата история на българите във Вардарска Македония от **1945** г. насам.

Според документалните записки на д-р В. Иванов още със завършването на срещата тримата доктори успяват да разменят мнение относно казаното от тях. И тримата констатират, че макар и неподготвени за подобна среща, те са успели добре да изложат и защитят своята борба и идеите на ВМРО за разрешаване на македонския въпрос.

Сериозна дискусия обаче се завързва около изказването на д-р Тренчев. Двата му другари почти го обвиняват в „капитулантство“ заради думите му, че едва ли не масовите изстъпления над българите в Македония през **1945-1946** г. се дължат и на дейността на ВМРО. Като слабост оценяват и неговия апел към чуждите посланици да „посредничат“ за помирение между властите и ВМРО. Нещо повече, изразяват дори съмнение че изказването е уговорено с властите.

На всички тези бележки д-р Тренчев отговаря, че казаното от него по същество не се отличават от това на другарите му и че само в заключителната част е казал няколко думи в по-„дипломатичен“ дух, за да не останат чуждите дипломати с впечатление, че ръководителите на ВМРО са хора, с които не може да се говори толерантно. Колкото до призива да посредничат за помирение с властите, д-р Тренчев отговаря, че той е искал да постави ВМРО като страна, разчитаща на великите сили.

Срещата на тримата доктори с представителите на великите сили като ръководители на ВМРО и тяхното държане дълго време е обект на разискване и коментари не само сред арестуваните дейци на ВМРО, но и сред тези членове на организацията, които са на свобода във Вардарска Македония, както и тези извън нея.

Под влияние на дейността на ВМРО във Вардарска Македония възникват десетки организации с името и идеите на ВМРО, действащи самостоятелно за свободата на Вардарска Македония в съответните райони през целия период от **1944** г. насам.

Особено въздействие със своето историческо обаяние и идеи ВМРО оказва върху младото поколение и главно върху учащата се младеж, студентите и учениците от горните класове. Няма средно училище или висше учебно заведение във Вардарска Македония, в което след **1944** г. да не е откривана от сърбокомунистическите власти младежка организация на ВМРО. Това е най-голямата награда и признателност към ония безстрашни българи патриоти, които през **1945** г. първи възобновяват дейността на ВМРО срещу

великосръбското робство в Македония, станала идея и борба на няколко генерации от **1945** г. до днес.

***

Възобновяването и дейността на ВМРО след **1944** г. са насочени срещу новата сръбска окупация, когато каузата на македонските българи беше отричана и преследвана дори и в ОФ България, когато идеята за „македонската нация“ се налагаше с огън и меч не само във Вардарска и Егейска Македония, но и в България. Това е не само героизъм, но преди всичко чувство за историческа прозорливост и отговорност на интелигенцията в Македония пред своя род.

Проявената готовност за саможертва в името на борбата за официално признаване на българската народност в Македония, категоричното искане в меморандума на ВМРО до Парижката мирна конференция и ООН за излизане по мирен път на Вардарска Македония от Югославската федерация и обявяване чрез референдум Македония за „самостоятелна държава“ под покровителството на ООН и великите сили е велика акция на македонските българи, главно на интелигенцията в Македония. Ходът и развоят на историческите събития и процеси на Балканите и тези, свързани с цялостното развитие на македонския въпрос от десетилетия насам, потвърдиха верността на историческите виждания, залегнали в идеите и програмите на ВМРО от **1945** г., относно бъдещото разрешаване на македонския въпрос на базата на историческата истина, извън югославската федерация, което е особено актуално в наши дни.

СЪДЕБНИЯТ ПРОЦЕС СРЕЩУ ЦЕНТРАЛНОТО РЪКОВОДСТВО НА ВМРО

От **25** до **30** март **1947** г. в Скопие се провежда процесът срещу централното ръководство на ВМРО. Два дни държавният обвинител, прокурорът Благой Попов(ски) от Прилеп, чете обвинителния акт срещу **13** ръководни дейци на ВМРО.

В интерес на истината трябва да се посочи, че между цялата поредица от абсурдни, измислени обвинения, публикувани във в. „Нова Македония“, в обвинителния акт се изнасят и много достоверни данни за дейността и целите на ВМРО през **1945-1946** г. Умишленото смесване на

действителните факти с груби политически лъжи и клевети по отношение на подсъдимите довежда обвинението до абсурдни твърдения. Като се оставят измислиците и клеветите, основните идеи, за които се борят подсъдимите и за които според обвинителния акт заслужават най-тежко наказание, са:

- агитация от страна на дейците на ВМРО, че англоамериканците ще подкрепят идеята за отцепване на Македония от Югославия и нейната самостоятелност;

- изработването и изпращането на меморандум от ръководителите на ВМРО до великите сили, в който апелират на Парижката мирна конференция да бъде разрешен справедливо и македонският въпрос, чрез правото на самоопределение, излизане от Югославия и създаване на независима Македония;

- освен нелегалната дейност, издигането от страна на подсъдимите на целта ВМРО да се яви на изборите за учредително събрание през 1946 г. като легална партия със своя политическа платформа, включваща въпроса за официално признание на българската народност в Македония и самостоятелно участие в изборите като опонент на тогавашния „комунистически народен фронт“.

Към всички тези и други верни и неверни обвинения прокурорът приписва на дейците на ВМРО, че са създали тайни терористични групи, че са имали връзки с гръцките монархофашистки власти, с великосръбските шовинисти на Милан Грол, че са се свързали с опозицията в България - с Никола Петков и Коста Лулчев и на първо място, разбира се, са били във връзка с Иван Михайлов. Всичко това показвало по най-категоричен начин разрушителния характер на ВМРО по отношение на Югославия.

В продължение на пет дни подсъдимите, ползващи служебна защита, без да имат право на личен адвокат, отговарят както на общите обвинения по делото, така и на обвиненията на следствието и на прокурора за лични „престъпни“ деяния на всеки един от тях, свързани с дейността на ВМРО и извън нея.

Първ от подсъдимите в защита на общото дело на ВМРО говори д-р В. Иванов. Той заявява, че от името на своите другари най-енергично протестира срещу изнесените в обвинителния акт чудовищни измислици, вулгарни лъжи и клевети срещу тях. С това властите целят да ги представят като „престъпници“, „терористи“, „убийци“, „чужди агенти“ и пр., за да оправдаят пред народа в Македония и пред света чудовищните репресии и решенията вече смъртни присъди. В

цялото тенденциозно, противоположно творение, наречено обвинителен акт, д-р Иванов вижда добре изработен от УДБ-а план за морално, политическо и физическо унищожаване не само на подсъдимите, но и опит за пълно опорочаване, отричане и преследване на ВМРО като идея, борба и историческо наследство на Македония. Последното е особено опасно според д-р Иванов, защото цели да подмени цялостната национална история на македонските българи.

По-нататък д-р Иванов протестира срещу това, че в обвинителния акт той и неговите другари, дейци на ВМРО, са наречени „агенти“ на английския и американския империализъм, на гръцките монархофашисти, на великосръбските шовинисти на Милан Грол и пр. Това не само не е вярно, но е и обидно за всеки македонски патриот, като се има предвид, че тъкмо срещу великосръбските и великогръцките шовинисти ВМРО се е борила десетилетия наред. ВМРО, изтъква по-нататък д-р Иванов, макар че продължава традициите на борбата от миналото, през 1945 г. е възникнала като напълно самородно явление, като противодействие на наложеното на Македония ново сръбско робство под булото на македонизма. Възстановителите на ВМРО са само местни хора, с висок морал и чувство за отговорност пред каузата на Македония. Всички са с добро образование и вещи по народното дело, с авторитет в обществото. Въпреки тежките инквизиции, на които са били подложени, предател между тях не се е появил. Със своето държание те са спечелили уважението и симпатиите на бореца се Македония.

В отговор на обвинението, че ВМРО и в миналото, и сега се проявява като „върховистка“ организация, която защитава великобългарските интереси в Македония, д-р Иванов заявява, че в различни времена от своята история ВМРО е имала различни врагове и задачи. От 1893 до 1941 г. тя се бори срещу турското, гръцкото и сръбското робство. От 1945 г., изтъква той, ВМРО има своя идея и програма, съобразена с положението във Вардарска Македония след края на Втората световна война. В изпратения от ръководството на ВМРО меморандум до ООН и до великите сили, цитиран в обвинителния акт, ВМРО е казала ясно и точно какви са нейните идеи и цели. Те са категорично заявени и на представителите на великите сили в Белград. В обвинението обаче, отбелязва д-р В. Иванов, за тази среща не е казано нищо.

Ние и от тук, от подсъдимата скамейка, енергично апелираме към великите сили и ООН да изпълнят исканията на ВМРО, които се свеждат до следното:

1. Да се признае и гарантира правото на национално и политическо самоопределение на народа на Македония под международен контрол;

2. На Парижката мирна конференция да бъде признато правото на Вардарска Македония по мирен път да напусне югославската федерация;

3. Македония да бъде обявена за самостоятелна и независима държава с международни гаранции.

Това са нашите идеи и искания днес, казва д-р Иванов и завършва, че за тези идеи се борят и жертват най-добрите синове и дъщери на Македония. Подсъдимите ВМРО-вци не само в Скопие, но и в цяла Вардарска Македония според него ще защитават докрай правотата на своята борба, но и с достойнство ще посрещнат наказанията, които слугите на Белград в Македония им готвят.

Защитната реч на д-р В. Иванов е посрещната на нож от целия съдебен трибунал. Какви ли не епитети се отправят към него - „фашист“, „михайловист“, „великобългарин“, „предател“ и пр. Прокурорът се нахвърля срещу него, като му заявява, че той и неговият приятел д-р Тренчев са стари „български агенти“, че още като студенти са изпълнявали задачи на Ив. Михайлов във Виена, Париж и другаде в Европа, че и сега изпълняват неговите нареждания. По негова инициатива са създали ВМРО, за да продължат старата борба срещу Титова Югославия.

Д-р Иванов отговаря, че никога не е отричал, че още като студент във Виена е бил член на Македонския студентски съюз в Европа. С Ив. Михайлов обаче никога не се е срещал, още по-малко пък това би могло да стане след 1944 г. Съпадението в идеите и борбата на ВМРО в миналото и днес, изтъква той, е естествено, защото и преди, и сега Югославия е най-големият враг на Македония. Тук той е прекъснат, думата му е отнета и е наказан от прокурора със затваряне в карцер за „безпрецедентна дързост“.

В същия дух защитава идеите и дейността на ВМРО, както и себе си, и д-р Коста Тренчев. Той също отхвърля обвинителния акт като заявява, че обвинението е изградено напълно в партизански стил. Съдът според него изобщо не се интересува от истината, а има само една цел - да припише на ВМРО и на нейните ръководители чудовищни престъпления, като ВМРО бъде обявена за „фашистка“ и „терористична“, а

нейните членове - осъдени като „разбойници“ и „убийци“. Точно както това е правено през турско време до **1912** г. с ВМРО и македонските революционери, а след това от кралските сръбски поробители до **1941** г.

На обвинението на прокурора, че ВМРО винаги е била в служба на България, д-р Тренчев отговаря: в една независима Македония, за каквато се бори ВМРО и за която днес те са изправени пред съда, няма да има преследване на никоя народност, най-малко на българската. Още повече, че хората в Македония не правят такава разлика между понятието „българин“ и „македонец“, каквато властите в Югославия съзнателно налагат с точно определени политически цели. Нека не се забравя, че до **1941** г. Македония е била обявена за „Южна Бановина“, а населението - за „южни сърби“. На цял свят е известно какви бяха последиците за тия, които се осмеляваха да се наричат българи. Между политиката на Белград до **1941** г. за пълна асимилация и унищожаване на българите в Македония и днешната няма никаква разлика, заключава д-р Тренчев. Хилядите убийства на българи в цяла Вардарска Македония само през **1945-1946** г. са неопровержимо доказателство за това. Като национален протест срещу това варварство подсъдимите са възстановили ВМРО, която си поставя за цел да се бори за национално самоопределение и независима Македония под международни гаранции, като алтернатива на наложената отвън югославска федерация.

Тук прокурорът отнема думата на д-р Тренчев. И не само това. На присъстващите няколко чуждестранни журналисти хора на УДБ-а отнемат записките и фотолентите преди да напуснат съдебната зала.

Много интересна и смела защита на ВМРО прави д-р К. Терзиев. Той пристига в съдебната зала в тежко физическо състояние. Стомахът му е разкъсан от побой, а властите забраняват да му бъде оказана медицинска помощ. Те се надяват, че в това състояние той ще се откаже от своята защитна реч. Д-р Терзиев обаче идва в съда и прави обширна защита на идеите на ВМРО и каузата на Македония. По отношение на обвинителния акт той заявява, че казаното в него както за ВМРО като организация, така и за нейните подсъдими дейци е плод на долнопробни измислици и клевети. По-нататък той изтъква, че се солидаризира с другарите си подсъдими, които са защитили възстановяването и дейността на ВМРО от **1945** г. насам. „НР Македония е свободна в нова Югослави¹, възразява му прокурорът. Д-р

Терзиев отговаря, че Македония не е свободна и затова в нея има борба. Като един от главните подсъдими в процеса срещу ВМРО той заявява, че иска да каже пред съда за какво се бори ВМРО след 1945 г. и защо нейните дейци не са „бандити“ и „фашисти“, както ги представя обвинителният акт, а са народни дейци и революционери, които не признават връщането на Македония към Югославия като освобождение. За да се аргументира, д-р Терзиев изброява няколко причини. Решението Вардарска Македония да влезе в Югославската федерация не е решение и желание на македонския народ, както се твърди. Напротив, това е наложено от великите сили и от великосръбските шовинисти в ЮКП, в пълен разрез с вековните борби, жертви и стремежи на Македония за свобода. Ако не е така, защо са тези хиляди убийства на невинни хора, защо са пълни затворите и лагерите с честни македонски патриоти? Колкото до хиляди пъти повтаряната „народоосвободителна борба“, д-р Терзиев изтъква, че познава много добре тази борба и може да каже, че това не е била борба на народа в Македония, че тая борба е наложена отвън, от Сърбия, от ЮКП, с великосръбски завоевателни цели. Затова най-добре говори завръщането на сръбските колонисти, тези нечувани мародери, убийци и сръбизатори на народа, които след 1945 г., както и в кралска Югославия, се ползват с привилегии на „национални ратници“ и отново са настанени на най-плодородните земи, конфискувани от най-добрите и заслужили българи патриоти, борци за свободата на Македония. Така е било и при налагането на сръбската азбука и сръбизирането на езика, изоставянето на македонската азбука и език, обявени за български, а с тях народът векове наред си е служил в училищата и черквите на Македония. Югославия, в каквата форма да се преобразува, изтъква д-р Терзиев, със своето великосръбско съдържание не може да даде на Македония оная културна, национална и духовна свобода, за която ВМРО се бори от десетилетия насам. Македония може да осъществи своите национални стремежи само като свободна и независима държава, под международни гаранции.

Прокурорът се нахвърля срещу д-р Терзиев, като го нарича стар предател на Македония, който някога е бил „български агент“, после станал сръбски и като награда в Белград се издигнал до началник-отдел в Министерството на външните работи. Д-р Терзиев отговаря, че той като член на федералистката организация между двете световни войни е попаднал в Белград, а оттам и в Министерството на външните

работи. Тъкмо в това министерство е имал възможност детайлно да се запознае със сръбските завоевателни планове по отношение на Македония, които след 1944 г., под маската на македонизма са се насочили не само към Вардарска, но и към другите части на Македония, което далеч надхвърляло експанзионизма на великосръбската буржоазия и династия до 1941 г. Д-р Терзиев искал да разкрие подробно тези планове пред съда, за да се види правотата на идеите и борбата на ВМРО за самоопределение и самостоятелна Македония. В този момент обаче прокурорът му отнема думата.

С особена ярост прокурорът и съдиите се нахвърлят срещу учителя Димитър Пеев. Те настояват той да каже точно по чия инициатива отвън е писал меморандума до великите сили с искане за отделяне на Вардарска Македония от Югославия. Д. Пеев обяснява, че меморандумът е дело на ръководството на ВМРО и е част от нейната програма. ВМРО най-много е била заинтересувана светът да узнае истината за положението в Македония от 1944 г. насам. Следователно не е било необходимо ВМРО да чака инициатива отвън. Освен това, продължава Д. Пеев, чрез своя меморандум ВМРО дава идея на великите сили как да бъде разрешен македонският въпрос на мирната конференция в Париж. Но защо вашият меморандум е идентичен с тези, които Ив. Михайлов е изпращал на едно или друго място, пита прокурорът. Нашата борба е преди всичко национална, отговаря Д. Пеев. Невъзможно е в историческата обосновка на миналите и днешните идеи и искания на ВМРО да няма идентичност. Но това е чист великобългаризъм и предателство към Македония, скача отново прокурорът. Д. Пеев заявява, че ВМРО от основаването си дотогава се е борила преди всичко за свободата на българите в Македония, а кой как вижда и нарича тази борба е отделен въпрос. И неговата реч е прекъсната от прокурора, който му отнема думата.

Прокурорът подлага на кръстосан разпит и Георги Гоцев. При първоначалното му задържане той успява да избяга и в продължение на два месеца властите го дирят. В обвинението му се приписва, че през това време той се е свързал с българските власти и се е върнал да продължи нелегално работата на арестуваните си другари, че на него е била поверена ролята на свръзка между ВМРО и офицери от българското разузнаване. Г. Гоцев отговаря, че при тогавашната официална политика на България по отношение на Македония връзки между българските власти и ВМРО във Вардарска Македония не би могло да се установят. Ако

организацията е имала такива връзки, нейните дейци не биха попаднали в затвора, заявява Г. Гоцев. През цялото време на „нелегалност“ той е във вътрешността на Вардарска Македония и едва когато се е появява в своя край, е арестуван. На директно питане на прокурора откъде е имал пълномощно като ръководител на ВМРО, с което не само се е укривал, но е провел и няколко срещи с членове и съмишленици на ВМРО в Берово, Царево ло, с. Винаца, Кочани, Щип, Велес, Скопие и пр., Г. Гоцев заявява, че е получил това пълномощно още през **1945** г. от д-р Тренчев. Такива са имали и другите ръководители на ВМРО, но след тяхното арестуване по „паролата“ на организацията е могъл да се движи само той.

Г. Гоцев заявява, че указанията, които е давал, не са нови, а се свеждат до програмите и целите на ВМРО - да продължи с мирни и легални средства борбата за създаване на независима Македония, под гаранцията на великите сили и ООН. Прокурорът го прекъсва и пита дали „подписката“ в Щипско-Малешевския край против връщането на колонистите, правена по инициатива на Г. Гоцев, е също част от „легалната“ дейност на ВМРО. Г. Гоцев отговаря, че тази подписка е дело на ВМРО, а това, че в неговия район реакцията сред населението е най-силно изразена, е съвсем естествено. Връщането на сръбските колонисти, заявява Г. Гоцев, за Македония означава връщане на старото сръбско робство, а в Щипско и Малешевско това робство остави във всяка къща черни забрадки. Заради това там цялото население се подписва под категоричното искане да се спре завръщането на сръбските колонисти.

Прокурорът за момент сменя тона, изказва учудване, дори съжаление, че „толкова млад човек“ е попаднал в мрежите на една „престъпна“ организация, поставил се е в служба на враговете на „нова Югославия“. Г. Гоцев отговаря, че що се отнася до младостта, Гоце Делчев и Даме Груев са били по на двадесет години, когато създават и застават начело на ВМРО. Колкото до твърдението на прокурора, че ВМРО е „престъпна“ организация, той заявява, че тя е представяна като такава само от враговете на Македония. Прокурорът твърди, че той и неговата ВМРО нямат нищо общо с ВМРО на Гоце и Даме. Г. Гоцев отговаря, че в неговия род е имало борци за освобождението на Македония от един век насам, а баща му Яне Гоцев е бил член на ВМРО и близък другар на Гоце Делчев, участвал е в Илинденското въстание, за което е лежал и в турските затвори. По-късно, като член на ВМРО, е преследван и арестуван и от сръбските власти в кралска Югославия. Следователно тая борба не може да се разкъсва

между поколенията. Тя ще продължава и при идващите генерации, докато идеалът за свободата на Македония не бъде осъществен. Прокурорът не издържа и след почти десетчасов разпит, с ругатни и епитети от рода на „михайловист“, „фашист“, „великобългарин“ и пр. му отнема думата.

След това идва ред на Благой Гащев. Освен че е член на централното ръководство, при арестуването и обиска в неговата къща УДБ-а намира оръжие, останало от складовете на българската армия. На въпроса на прокурора за какво им е това оръжие, какво са мислили да правят с него, Бл. Гащев отговаря, че ВМРО се е надявала, че ще дойде ден, когато това оръжие ще потрябва за защита на независима Македония.

В подобен дух каузата на ВМРО се защитава от учителя Кирил Сивески, от Методи Попов, Асен Темпов, Борис Чаракчиев, Тома Давков и свещеник Никола Попов. Всички подсъдими мъжествено бранят делото на ВМРО и своята борба в името на българщината и независима Македония.

Въз основа на следствените материали срещу ВМРО от 1946-1947 г., на обвинителния акт срещу цялостната дейност на организацията от 1945 г. насам и въз основа на петдневните разпити на ръководителите на ВМРО пред Скопския окръжен съд прокурорът Поповски поисква смъртна присъда за всички подсъдими. Съдът обаче произнася следните присъди:

1. Д-р Константин Христов Терзиев - на смърт чрез разстрел и конфискуване на имотите му.
2. Д-р Васил Андонов Иванов - на смърт чрез разстрел и конфискуване на имотите му.
3. Д-р Коста Николов Тренчев - на смърт чрез разстрел и конфискуване на имотите му.
4. Методи Попов - на смърт чрез разстрел и конфискуване на имотите му.
5. Благой Гащев - на смърт чрез разстрел и конфискуване на имотите му.
6. Свещеник Никола Попов - на смърт чрез разстрел и конфискуване на имотите му.
7. Асен Томов - на смърт чрез разстрел и конфискуване на имотите му.
8. Тома Давков, земеделец - на **20** години строг тъмничен затвор.
9. Кирил Евтимов Сивески, учител - на **15** години строг тъмничен затвор.
10. Георги Гоцев, търговец - на **12** години строг тъмничен затвор.

11. Димитър Пеев, земемер - на **10** години строг тъмничен затвор.
12. Борис Чаракчиев, чиновник - на **15** години строг тъмничен затвор.
13. Милан Трайков, чиновник - на **8** години затвор.

Върховният съд в Белград, под натиска на ООН и великите сили, отменя смъртните присъди на ръководителите на ВМРО. Остава само тази на д-р Константин Терзиев. Той е разстрелян край затвора в Идризово на **15** април **1947**г.

Съдбата на осъдените е различна. Срокът на присъдите постепенно е намален и повечето от ръководителите на ВМРО излежават от **10** до **12** години каторжен затвор в Идризово, близо до Скопие, и в други затвори на бивша Югославия. През **1957-1958** г. останалите живи затворници са освободени. Трима от тях - Димитър Пеев от Струмица, Кирил Сивески от с. Робево, Беровско, и Тома Давков от с. Горни Балван, Щипско, умират в затвора в Идризово.

От всички **13** някогашни възстановители, ръководители и осъдени герои на ВМРО през **1998** г. са останали живи само трима. Георги Гоцев, който поради преследване от сърбокомунистическите власти след излизането си от затвора избягва с цялото си семейство в България, днес живее в Благоевград; Благой Гацев живее в Струмица, а Борис Чаракчиев - в Скопие.

Така протича процесът срещу централното ръководство на ВМРО в Скопие. Не по-малко драматична обаче е съдбата на хиляди арестувани членове и съмишленици на ВМРО, съдени във всички градове на Вардарска Македония - Скопие, Велес, Щип, Битоля, Прилеп, Кичево, Охрид, Кавадарци, Струмица, Радовиш, Кочани, Делчево, Берово и пр.

ДРУГИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОЦЕСИ

Още неотшумели споменатите процеси, властите разкриват нова голяма организация на ВМРО. Тя е създадена през април **1947** г. от Ангел Мишев от с. Скаченци, Велешко, бивш български учител. Той възобновява дейността на ВМРО във Велешко, Скопско, Крушевско и Битолско. В Брушанската планина в Тиквешко А. Мишев създава нелегален щаб на ВМРО и чрез куриери свързва всички групи на организацията в посочените райони.

С хвърчащи позиви организацията призовава населението да оказва отпор на сърбокомунистическите власти, които преследват и задушават и най-елементарните права на българите. Тъкмо затова ръководството на организацията прибегва до въоръжаване на отделни групи и създаване на чети на ВМРО. Ангел Мишев се свързва и с Македонската патриотична организация (МПО) в САЩ, откъдето получава в. „Македонска трибуна“ и други печатни материали. Чрез тях организацията внушава на населението, че една активна съпротива срещу сърбокомунистическите власти ще доведе до създаването на независима Македония под покровителството на Англия и Америка.

В началото на **1948** г. организацията е разкрита. Стотици нейни членове са арестувани и след жестоки разследвания и инквизиции са осъдени на дългогодишен каторжен затвор; По сведения на в. „Политика“ от **14 май 1948** г., процесът срещу ръководството на организацията продължава три дни - от **11 до 13 май** с.г. Подсъдимите са обвинени в предателство, тероризъм и стремеж за откъсване на Вардарска Македония от Югославия. За тези обвинения Скопският окръжен съд издава следните присъди: Ангел Мишев - на смърт, Сарафко Гелев от с. Брушани, Тиквешко - на смърт, Живко Илиев от с. Манастирец, Тиквешко - на смърт, Пандо Атанасов от с. Скачанци, Велешко - на **20** години затвор, Фердо Йовков от Кавадарци - на **20** години, Темелко Нешков от с. Бело поле, Прилепско - на **12** години, Дончо Попандов от с. Ватоша, Тиквешко - на **15** години и пр.

Жестоките присъди и публичните разстрели и избивания без присъда на видни българи не довеждат до уплаха и примирение, а обратно - до още по-голяма омраза към сърбокомунистите.

Паралелно с ВМРО на Ангел Мишев, в Битолско действа ВМРО на Методи Коларов. Тя се създава в края на **1945** г. и е разкрита през януари **1947** г. В Битоля е проведен двудневен процес (**29 и 30** април с.г.) срещу ръководството на ВМРО в Битолско. Членовете му, всички от Битоля, са обвинени, че са създали терористична организация, която се е борила за откъсване на Вардарска Македония от Югославия и за създаване на независима Македония начело с Иван Михайлов. Съдът ги обвинява още и за обида на „македонската чест“, защото подсъдимите твърдели, че македонците са българи.

За тези обвинения Окръжният съд в Битоля им налага най-тежки наказания:

1. Методи Николов Коларов, като създател на ВМРО в Битолско и главен идеолог, е осъден на смърт и конфискация на цялото му имущество;
2. Славе Тодоров Петров - на **12** години каторжен труд;
3. Благой Велев Начевски - на **15** години каторжен труд;
4. Йонче Мишков Кузманов - на **20** години каторжен труд;
5. Вангел Спасов Георгиев - на **6** години каторжна работа;
6. Лазар Атанасов Божилов - на **8** години каторжен труд;
8. Новица Георгиев Милаков - на **7** години каторжен труд;
9. Александър Тошков Лозанов - на **11** години каторжен труд;
10. Никола Методиев Коларов - на **15** години каторжна работа;
11. Петър Паричев Динев - на **11** години каторжен труд;
12. Атанас Михайлов - на **10** години каторжен труд.

Осъдените ръководители на ВМРО в Битоля и Битолско, почти всички интелектуалци, отхвърлят обвинението, че са били терористи, защото в продължение на тригодишната си дейност организацията не е извършила нито един терористичен акт. Те защитават своето становище, че Вардарска Македония насилствено и с измама е присъединена отново към Югославия, което народът в Македония никога няма да приеме, защото не е забравил сръбското робство, по думите на Методи Коларов в отговор на обвинителния акт. А що се отнася до обвинението за „обида на македонската чест“, понеже подсъдимите се считат за българи, смятат това за още един абсурд, тъй като населението в Македония е българско по народност.

Процеси от подобен характер и обвинения като: борба за защита на българската народност, за обида на „македонската чест“, за независима Македония и пр. по това време (1945-1950 г.) се водят из всички градове на Вардарска Македония.

Наред с организациите на ВМРО, начело на които застават авторитетни интелектуалци и будни българи, участвали в борбата за освобождение на Македония от сръбско робство до 1941 г. и първи оглавили съпротивата срещу великосръбския

македонизъм след **1944** г., изключително важно значение има и новата борба на учащата се младеж във Вардарска Македония.

Още през **1945** г., според в. „Борба“ от **21 август 1946** г., в гимназията в Щип е създадена ученическа организация на ВМРО начело с Панчо Хаджисмилев. Ръководителите на младежката организация си поставят за цел да се борят за защита на българската народност, подложена на отричане и преследване, и за създаване на независима Македония. Те разпростират своята мрежа сред учениците във Белес и Струмица. Чрез устна проповед и разпространяване на печатни материали те изясняват своите цели. В началото на март **1946** г. сръбоманските власти разкриват организацията и арестуват **12** ученици от щипската гимназия. На процеса, проведен от **17 до 19 август** в Щип, учениците са обвинени, че са създали младежка михайловистка терористична организация, като са развивали активна устна и печатна пропаганда против „народната власт“, против „македонския народ“, против „братството и единството“ на югославските народи и за откъсване на Вардарска Македония от Югославия, като възнамерявали да я обявят за самостоятелна, под покровителството на Америка. Учениците не отричат обвинението, като заявяват, че тяхната борба е продължение на борбата на ВМРО за освобождение на Македония от сръбско робство. Въпреки тяхното малолетие съдът произнася тежки присъди. Панчо Смилев е осъден на **7** години затвор, Наум Койзеклиев - на **7** години, Борис Давков - на **6** години, Димитър Илиев - на **5** години, Васил Евтимов - на **4** години строг тъмничен затвор и каторжен труд.

През май **1946** г. властите разкриват ученическата организация на ВМРО и в гимназията в Струмица, като арестуват **25** души начело с Методи Калкашлиев. След неколкомесечни разследвания в Щипския затвор, на **31 август 1946** г. те са изправени пред съда.

В обвинителния акт, според в. „Политика“ от **2 септември 1946** г., се казва, че в цялостната си дейност организацията е работила срещу новия ред в НР Македония. В печатните позиви и други материали е отричала македонската нация, а нейните членове дори и при разследването са заявили, че населението в Македония е българско по националност. Освен това организацията се изграждала на принципа на ВМРО на Ванче Михайлов с „тройки“ и „петорки“, предвиждала е и използването на въоръжен терор. За тази цел тя прибегнала към въоръжаване на своите членове. За тези обвинения **22-ма**

ученика, между **16** и **19**-годишна възраст, са осъдени от **1** до **10** години строг тъмничен затвор. Между тях: Методи Калкашлиев, Коста Хаджимишев, Любен Топчев, Мирчо Пецев, Борислав Белев, Никола Апостолов, Иван Андонов и др.

Ученическа организация на ВМРО, подобна на струмишката, властите разкриват и във Велешката гимназия. За дейност против наложеното отвън сърбокомунистическо робство във Вардарска Македония през април **1946** г. съдът във Велес осъжда създателите на организацията Благой Джайков, Крум Чушков, Тодор Лукарров, Панчо Велев, Милчо Ангелов и Кирил Симеонов от **3** до **7** години строг тъмничен затвор.

През юни **1947** г. в гимназията в Охрид също е разкрита организация на ВМРО. На **27** и **28** август същата година ръководството ѝ е изправено пред съда. Според в. „Политика“ от **30** август **1947** г. в обвинителния акт се казва, че подсъдимите са действали напълно от великобългарски и михайловистки позиции против „нова Югославия“. В отговор подсъдимите ученици заявяват пред съда, че са създали ВМРО, която е имала за цел да се бори срещу връщането на сърбите и сърбизирането на Македония. Съдът произнася следните присъди: Саво Коцарев - **8** години, Климе Евров - **8** години, Ташко Стоянов - **10** години, Кирил Майов - **8** години, Крум Миладинов - **5** години, Петър Мостров **5** години, Никола Георгиев - **6** години. Повече от **20** души получават условни присъди и са освободени.

В годините **1947-1950** в почти всички гимназии и градове във Вардарска Македония действа ВМРО „Правда“. Тя се създава през декември **1947** г. в Ресен от учениците Живко Ставрев, Христо Попов и Йонче Лазаров. След това обхваща Скопие, главно средното медицинско училище. Начело на организацията застават Мирко Георгиев, Никола Казанков, Панде Пешев, Кочо Ников, Димитър Димитров и др. В Щип организацията се ръководи от Георги Доцев, Душко Стаменов, Илия Христов и Ацо Рунтев. В Прилеп - от Григор Кръстев, Костадин Сотиров, Благой Рампов, Благой Мърмев, Кочо Смичков. В Битоля - от Любен Чокревски, Дане Попов, Иван Проев, а в Гевгели - от Костадин Коленков, Йоско Йосифов и т.н.

Организацията си поставя за цел, подобно на ММТРО преди **1941**г. да обхване в своите редове основната част от учащата се младеж във Вардарска Македония, да се бори против връщането на сърбите и за независима Македония извън Югославия. На **27** март **1950** г. в сградата на гарата във

Велес се провежда събрание на представители на ученическите организации от няколко града. Тук е приет нов устав на организацията и е изпратена декларация от името на ВМРО „Правда“ до ООН, в която се настоява Македония да бъде призната за отделна държава. Декларацията попада в ръцете на властите, които извършват арести първо в Щип, а след това в Скопие, Битоля, Прилеп, Ресен и пр. На проведените през август **1950** г. процеси десетки ръководители и членове на ВМРО „Правда“ са осъдени от **2** до **10** години строг тъмничен затвор с обвинение, че са създали нелегална терористична организация и чрез въоръжена борба са искали да откъснат Вардарска Македония от Югославия и я да обявят за самостоятелна начело с Иван Михайлов.

Голяма част от учениците остават неразкрити и продължават дейността на организацията, като я пренасят и в студентските среди. През **1951** г. властите разкриват студентска организация на ВМРО в Медицинския и във Философския факултет в Скопие. Според нейния устав тя си поставя за цел да се бори с всички средства срещу сърбокомунистите, за независима Македония извън Югославия, в духа на идеите на ВМРО отпреди **1941** г. Вместо арести и съд на **13** август **1951** г. в Струмица властите разстрелват ръководителите на организацията - студентите Мирчо Пецев, Стефан Топчев, Борислав Белев, Георги Костурков и Георги Яръмов, като обявяват, че те са искали да бягат в Гърция.

През следващите години организации на ВМРО все със същата българска национална идеология и програма властите разкриват: в Охрид през **1953** г.; в Битоля през **1956** и **1973** г.; в Скопие през **1952**, **1953**, **1957**, **1961**, **1970** и **1985** г.; в Крушево през **1959** и **1964** г.; в Щип през **1954**, **1960** и **1971** г.; във Велес през **1957**, **1963** и **1972** г., и т.н. По-важните процеси са срещу поета Венко Марковски (**1950** г.), студентският процес в Скопие (**1961** г.), процесът срещу Тодор и Плиска Манасиеви през **1970** г. в Щип, през **1972** г. в Скопие срещу писателя Пандо Евтимов, **1983** г. срещу писателя Димитър Яранов, процесът в Скопие срещу Ангел Митрев-Героя и Ангел Крайничанец през **1985** г. - всички завършили с издаване на дългогодишни присъди.

Последният антибългарски процес на сърбоюгославските власти във Вардарска Македония е организиран през **1991** г. във Велес срещу Георги Калаузаров, Крум Чушков, Гоце Чушков и др. Те са обвинени, че са запалили югославското знаме, извършили са атентат срещу офицерския дом на сръбската армия във Велес и са предупреждавали

югославската армия да напусне Македония. Съпротивата на цялото население достига своя връх през **1991** г., когато то принуди сърбокомунистическите власти в Скопие да разрешат искания десетилетия наред референдум за бъдещето на Вардарска Македония. Той се провежда на **8 септември 1991** г. Резултатите от него са в пълно съзвучие и потвърждение на исканията на дейците на ВМРО и младежките организации, на хилядите преследвани, репресирани и лежали в затворите интелектуалци. Над **97%** от населението се обявява за незабавно излизане на Вардарска Македония от югославската федерация и за създаване на независима република Македония. По този начин се изпълни една много съществена част от програмата на националноосвободителното движение на българите в Македония от периода между двете световни войни до наши дни.

Със своя смел отпор на сръбските окупационни власти между **1991-1992** г. македонските патриоти не позволяват младежта от Македония, мобилизирана в сръбската армия, да бъде изпратена срещу хърватската армия, която по това време воюва за свободна и независима Хърватия. А тези, които все пак сръбското командване изпраща на хърватския фронт, един „таен комитет“ от героични майки ги връща обратно в Македония.

На пръв поглед сръбските военни и цивилни власти през **1992** г. напускат Р Македония „доброволно“ и без жертви. фактически стохиландната сръбска армия, принудена да напусне, заграбва оръжие и други материали за над **10** милиарда долара, които принадлежат на народа в Македония.

Освен това военното и цивилното ръководство на сръбската армия чрез своите привърженици в Скопие през **1992** г. фактически свалят демократично избраното правителство на ВМРО-ДПМНЕ начело с проф. Н. Ключев, като поставя свои хора на ръководни постове в Р Македония, привърженици на Белград и главно дейци на КОС и УДБ-а. Тяхно дело е убийството на тогавашния министър на вътрешните работи Йордан Миалков и на десетки други интелектуалци, привърженици на ВМРО-ДПМНЕ. Според местни политици и интелектуалци сръбската агентура там и до днес е главна пречка за демократизиране на обществото в Р Македония, а също и за недобрите отношения между Скопие и София. Освен това тя не позволява на местните учени и патриоти да кажат истината за миналото, за националните корени, борби, език и съзнание на населението в Македония, а също и за най-видните възрожденски дейци, революционери,

апостоли и други прославени българи, борили се и дали живота си за свободата на Македония. И до днес нито един от тях не е реабилитиран в гражданско и в политическо отношение.

Без решението на тези основни въпроси не може да има истинска свободна и демократична Р. Македония.

***

Възобновяването и дейността на ВМРО през 1945 г. и свързаните с нея десетки националноосвободителни организации, действащи срещу новата сръбска окупация, срещу отричането и преследването на българската народност, когато идеята за „македонска нация“ се налага с огън и меч не само във Вардарска Македония, но и от ОФ правителството в България, е не само героизъм, но и изключително чувство за историческа и национална отговорност на интелигенцията и младежта в Македония пред българския род. Проявената готовност за саможертва в името на запазването на българската народност в Македония, категоричните искания в меморандумите на ВМРО, на Демократичния фронт „Илинден 1903“, на министър-председателя Методи Андонов-Ченто до Парижката мирна конференция, десетките искания на студентски организации на ВМРО до великите сили и ООН за разрешаване на македонския въпрос извън Югославия е велика историческа проява на македонските българи от 1944 г. насам.

Периодът след 1944 г. е третият, най-дълъг и сложен етап от развитието на националноосвободителната борба на българите в Македония. За времето от 1944 до 1980 г., по сведения на Васил Хаджикимов от Щип, един от главните дейци в съпротивата срещу теорията за „македонска нация“, прекарал Югодини в затвора Идризово, във Вардарска Македония са проведени над 700 политически процеса срещу интелектуалци, младежи и изобщо будни българи, завършили със стотици смъртни присъди. В същия период са убити или безследно изчезнали 23 хиляди души и над 120 хиляди българи са преминали през затворите и лагерите на Титова Югославия. Около 180 хиляди са прогонени в България и в други страни по света.

Както освободителната борба срещу турците, срещу сръбското и гръцкото кралско робство между двете световни войни, така и борбата против сръбското комунистическо потисничество във Вардарска Македония има своите апостоли,

идеолози, организатори и ръководители. Между тях не може да не споменем първите идеолози, създатели и дейци на новата ВМРО след **1945** г. - д-р Васил Иванов, д-р Константин Тренчев, д-р Коста Терзиев, Ангел Димов, Методи Андонов-Ченто, Димитър Гюзелев, Спирос Китинчев, Димитър Чкатров, Венко Марковски, Павел Шатев, Тодор Манасиев, Георги Гоцев, Трайко Попов, Коста Хрисимов, Георги Яръмов, Георги Костурков, Стефан Топчев, Бранко Димчев, Панде Евтимов, Кирил Сивески, Саво Коцарев, д-р К. Робев, д-р Т. Гичев, д-р Н. Ципушев, Йордан Миалков и още цяла фаланга неспоменати дейци и ръководители на новата националноосвободителна борба във Вардарска Македония **1944-1991** г. Със своята саможертва в борбата за запазване на българската народност и за освобождение на Вардарска Македония от сърбокомунистическо робство тези хора сътвориха новата история на българите в Македония и дават жив пример на днешните интелектуалци и политици в София и в Скопие, както и на световната просветена и политическа мисъл как в наши дни може и трябва да се реши въпросът за Македония.

Максим Курчанів

**МАКЕДОНСЬКА ІСТОРИЧНА ПАМ'ЯТЬ В СФРЮ:
МАКЕДОНСЬКІ ІНТЕЛЕКТУАЛИ І НАЦІОНАЛЬНА
ІДЕНТИЧНІСТЬ***

Соціалістична Федеративна Республіка Югославія була експериментом будівництва комуністичного суспільства в багатонаціональній державі. Створення нового суспільства вимагало від комуністів, що дійшли до влади після другої світової війни, серйозних змін в національній політиці, оскільки великосербський націоналізм 1920 - 1930-х років був вже непридатний і небезпечний. Як модель рішення національних проблем була узята радянська система. Якщо Югославія 1920-1930-х рр. була державою нерівноправних націй, то післявоєнна виглядала вже інакше. Хоча претензії сербів (представлених не націоналістами, а сербськими комуністами) мали місце, але вони врівноважувалися амбіціями представників місцевих партійних національних еліт. Країна стала «народною державою з федеральною формою правління, співдружністю рівноправних народів»⁵⁴. У післявоєнній Югославії поступово складався новий канон міжнаціональних відносин, в рамках якого всі народи були у принципі рівні, але особлива роль сербів негласно на урядовому рівні існувала.

Національна проблема в СФРЮ не була остаточно розв'язана. Націоналізм продовжував грати певну роль в політичному житті післявоєнної Югославії. Його роль в національних республіках більш очевидна. Місцеві політичні еліти, хоча і стояли на соціалістичних позиціях, декларували свою вірність Белграду, проте, залежно від ситуації вони

---

* Настоящий текст является расширенной, переработанной и переведенной на украинский язык версией раздела «Интеллектуальная рефлексия в контексте “воображаемых сообществ”» монографии «Национализм: политика, международные отношения, регионализация» (Воронеж, 2008).

⁵⁴ История Югославии. Т. 2. М., 1963. С. 257.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 --- 556 --- Воронеж, 2008

Националізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

залишалися саме хорватською, словенською або македонською елітою. Не дивлячись на те, що сербський націоналізм слабшав, він продовжував грати свою роль у Сербії, і національні еліти в республіках мали певні побоювання відносно можливої національної політики центру. Тому, зусиллями місцевих інтелектуалів на місцях культивувалися національні ідентичності, які склалися в раніший період. Якщо відносно Хорватії і Словенії значних утруднень у визначенні політичних симпатій і схильностей еліт не виникає (місцеві ідентичності виникли ще в XIX столітті, а до моменту створення СФРЮ були вже сильні), то Македонія - особливий приклад розвитку національної ідентичності.

До 1945 року македонці не мали своєї національної і незалежної державності, проживаючи на території Югославії, Болгарії і Греції. Тому створення Республіки Македонія у складі СФРЮ було значним успіхом македонського національного руху. Місцеві лідери, пам'ятаючи про ранню і гостру політичну полеміку з сербськими, болгарськими і грецькими націоналістами, вирішили використовувати ситуацію для розвитку македонської національної ідентичності. Дійсно, якщо ранні македонці розглядалися як етнографічна група болгар, сербів і навіть греків, а їх мова як діалект, то з 1945 року ситуація радикально змінилася. Вони не тільки були визнані нацією з своєю мовою і культурою, вони не тільки знайшли свою державність (у формі федерації) - вони отримали можливість вільного розвитку своєї національної ідентичності. Важливими стимулами для її розвитку стали роздуми македонських інтелектуалів навколо виникнення македонської нації, македонського етногенезу. Найважливішими і національно маркірованими були висновки македонського національно орієнтованого дослідника Д. Ташковскі. На сторінках його досліджень науковий аналіз поєднується з ідеями македонського націоналізму і націоналістичною фразеологією⁵⁵.

Відмінна риса історії Македонії післявоєнного періоду - особлива роль націоналізму в політичному житті. Націоналізм став політичною нормою, і в рамках Соціалістичної Республіки Македонії місцеві інтелектуали узяли курс на будівництво македонської національної держави, постійно критикуючи те, що сусідні країни (Болгарія і Греція) проводять політику «невизнання нашої самобутності і елементарних національних

---

⁵⁵ Ташковски Д. Роѓањето на македонската нација. - Скопје, 1966; Ташковски Д. Етногенезата на македонскиот народ. Скопје, 1974; Ташковски Д. За македонската нација. - Скопје, 1975.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 --- 557 --- Воронеж, 2008

Национализм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

прав»⁵⁶. З даної причини в середовищі македонських інтелектуалів існував особливий специфічний комплекс якщо не неповноцінності, то підвищеного бажання довести своє самозвеличання і затвердити себе в контексті сусідніх націй⁵⁷, вписавши історію Македонії в загальні історичні процеси в регіоні, довести, що вона і у минулому не тільки мала свої особливості, але і контактувала з сусідніми територіями як повноправний партнер⁵⁸.

Важлива роль в розвитку македонської національної ідентичності в СФРЮ належала гуманітарним дослідженням, особливо історичній науці і філології. Якщо ранне вони були маргінальними, а македонські історики оцінювалися як націоналістичні публіцисти, то після 1945 року македонська історіографія розвивалася у рівних умовах з сербською, хорватською і словенською. Македонські історики, якщо не стали володарями дум, то авторитет мали, і їх роль в розвитку македонської національної самосвідомості і ідентичності сумнівів не викликає. Македонська історіографія докладала чималі зусилля для культивування македонської історичної пам'яті, створюючи особливий комплекс національно орієнтованих історичних наративів, покликаних довести і показати, що македонці є самостійною нацією, яка має не тільки свою мову, але, що більш важливе, свою історію. Тому, пошуки себе, пошуки «свого голосу»⁵⁹ стали розглядатися не як македонський сепаратизм, а як внесок Македонії у розвиток нової Югославії. Тому в Македонії, як і інших республіках виникли наукові і культурні центри. У 1947 році був створений Союз письменників Македонії⁶⁰. У Македонії були створені і Македонська Академія наук і мистецтв (Македонська академија на науките и уметностите), Архів Македонії (Архив на Македонија) Інститут національної історії (Институт за национална историја), Інститут соціологічних і політико-правових досліджень (Институт за социолошки и политичкоправни истражувања), Інститут македонської мови (Институт за македонски јазик).

---

⁵⁶ Чашуле К. Рамноправноста на јазиците // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата. - Скопје. - 1985. - С. 39.

⁵⁷ Андонов-Полјански Х. Македонија и Словенија. - Скопје, 1978.

⁵⁸ Доклестик Љ. Српско-македонските односи во 19 век. - Скопје, 1973.

⁵⁹ Шопов А. Ищу свой голос // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. - М. - 1988. - С. 89.

⁶⁰ Ильина Г.Я. Литература Югославии // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. - Т. 1. 1945 - 1960. - М. - 1995. - С. 320.

Тому, в цей статті буде розглянуто і проаналізовано, як македонські історики брали участь в розвитку і культивуванні македонської національної ідентичності, які теми і сюжети використовувалися для цього найчастіше, яким закономірностям були підлеглі ці національні (або націоналістичні) за своєю природою наукові студії. Що стосується вибору аналізованих сюжетів, то він суб'єктивний - всі інші аспекти даної теми потребують вивчення. Я усвідомлюю, що ця тема гідна більш монографії, ніж статті, але я все ж таки спробую проаналізувати її найважливіші аспекти в рамках цієї невеликої статті⁶¹.

Для культивування македонської національної ідентичності були дуже важливі т.з. «місця пам'яті» або «пам'ятні місця» - регіони, які служили постійним джерелом для стимулювання в розвитку національної ідеї. За словами П. Нора, місця пам'яті - об'єкти, які сприяють збереженню національної і історичної тотожності⁶².

Головним «пам'ятним місцем» для македонських інтелектуалів була, швидше за все, сама Македонія. У македонській історіографії панував наратив про те, що територія СМ Македонії включає лише незначну частину відвічно македонських територій. Македонські історики вважали, що до складу Македонії входить тільки 37.51 % її історичних територій, тоді як інші македонські землі знаходяться в Греції і Болгарії⁶³. Македонія була найзначущішим «місцем пам'яті», а уявлення македонських інтелектуалів про Македонію були спогадом про її велике минуле. Саме тому, тема «Македонії» присутня у більшості македонських поетів. Анте Поповскі, наприклад, написав поему «Македонія», де їм наголошувалося, що і «свездите та шептат на македонски» («зірки і ті говорять македонською мовою»)⁶⁴. Післявоєнна македонська література пережила своєрідну трансформацію, «шлях до Македонії», оскільки до цього македонські інтелектуали писали не в македонській державі, а незалежна або автономна Македонія залишалася для них ідеалом. Тому «Шлях до Македонії» Петра Бакевські -

---

⁶¹ Див. монографію С. Єкельчика, яка стала цінною підмогою автору при написанні цієї статті: **Yekelchuk S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. Toronto, 2004.**

⁶² **Nora P. Realms of Memory: Rethinking of the French Past. - NY., 1996.**

⁶³ **История македонского народа / ред. М. Апостолски. - Скопье, 1975. - С. 5.**

⁶⁴ **Поповский А. Македония // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. - С. 164 - 167; Поповски А. Македонија // Kepeski P., Glumac B. Антологија на современата македонска поезија. - С. 240.**

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 559 - - - Воронеж, 2008

Националізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

ознака послідовної націоналізації македонського культурного життя, свідоцтво значної ролі націоналізму⁶⁵.

Ськопье, столиця Македонії, була головним місцем пам'яті в Соціалістичній Республіці Македонії. Звичайно, македонські інтелектуали були не проти бачити як столицю Салун (Салунь), але, оскільки це було неможливо вони були вимушені будувати свої національні концепції саме навколо Ськопье. У фундаментальних виданнях історичних джерел по історії Македонії документи підібрані так, щоб Салун згадувалася майже повсюдно саме в македонському національному контексті. Якщо мова заходить про болгар або греків, то оцінки негативні або нейтральні. У той же час Салун історично позиціонувалася як македонська територія. Ськопье розглядалося македонськими інтелектуалами (наприклад, Блаже Конескі) як символ Македонії, як якась даність, що забезпечує континуїтет македонській історії і зв'язок між різними поколіннями македонського народу⁶⁶. Ськопье розглядалося як серце Македонії, як місто, що стає саме македонським містом, а сама країна перестає бути європейською периферією⁶⁷.

Не менші національні асоціації викликав Охрид. Охриду присвятив один з своїх віршів Владо Урошевіч⁶⁸. Як і Ськопье, Охрид - багатозначне поняття для македонських інтелектуалів. Це і частина македонської землі («десь є цей острів»), і сама македонська історія («час, що йде»)⁶⁹. Ось чому, заклик Гані Тодоровскі «Дојди в Охрид» (українською мовою - «Йди в Охрид») звучить майже як національне гасло⁷⁰. У македонській свідомості Охрид був пов'язаний із Стругой. З 1960-х років Струга стала перетворюватися на особливий національний символ, оскільки в місті македонські інтелектуали почали організовувати Міжнародний фестиваль поезії. Струга була вибрана з тієї причини, що вона була батьківщиною братів

---

⁶⁵ Бакевский П. Путь в Македонию // Навстречу солнцу. - С. 142 - 114.

⁶⁶ Конеский Б. Скопле // Корни и звезды. - С. 75.

⁶⁷ Тодоровски Г. Фуснота без повод // **Kepeski P., Glumac B.** Антологија на современата македонска поезија. - S. 156 - 161.

⁶⁸ Урошевиќ В. Охрид // **Kepeski P., Glumac B.** Антологија на современата македонска поезија. - S. 286.

⁶⁹ Ивановский С. Охридские трубадуры // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. - С. 99.

⁷⁰ Тодоровски Г. Дојди в Охрид // **Kepeski P., Glumac B.** Антологија на современата македонска поезија. - S. 142 - 145; Тодоровский Г. Приезжайте в Охрид // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. - С. 124 - 125.

Міладінових - перших македонських поетів⁷¹. Таким чином, Струга стала не тільки символом, але і місцем пам'яті.

У культивуванні ідеї про місця пам'яті в Македонії взяли участь не тільки письменники, але і історики. Якщо перші додавали тим або іншим місцям певне національне або націоналістичне значення, то другі прагнули розповсюдити македонське усвідомлення цих територій і на минуле. Таким чином, македонська інтелектуальна традиція історизувала національно маркіровані місця і території. У македонській історичній літературі особливу увагу привертав саме Охрид. Македонські інтелектуали прагнули вписати історію Охрида в загальний македонський контекст. Ця задача була важливою, оскільки і болгарські і грецькі історики прагнули довести, що Охрид - тільки болгарська або грецька історична територія. Крім Охрида Прілеп також був одним з місць пам'яті, який привертав значну увагу з боку македонських інтелектуалів⁷².

Поняття національних класиків було новим для післявоєнних македонських інтелектуалів. На відміну від своїх сусідів по новій югославській федерації вони не мали не тільки єдиної історії своєї літературної традиції, але і літератури як такої. Тому, чималі зусилля ними додавалися саме для створення національної культури, особливо - літератури. Її культивування було неможливе без установи особливого пантеону героїв і видатних діячів минулого, які були визнані «батьками нації» і на яких слід було б дорівнювати македонській культурній еліті. У такій ситуації в цей пантеон потрапили не тільки македонські діячі XIX століття, але і сучасні автори, оскільки діячів минулого для формування нормальної (у представленні місцевих інтелектуалів, які прагнули надолужити упущене дуже швидко) культури було просто мало.

Якщо в українській ідентичності положення «батьків нації» залежно від ситуації ділили Т. Шевченко, І. Франко і М. Грушевський, то в післявоєнній історіографії Македонії на роль таких батьків нації претендували «македонські революціонери»⁷³, діячі македонського національного руху -

---

⁷¹ Гловюк С. Навстречу солнцу. Македонская поэзия XIX - XX веков в русских переводах // Навстречу солнцу. - С. 4.

⁷² Панов Б. Охрид во крајот на XI и почетокот на XII век во светлината на писмата на Теофелакт Охридски // Зборник посветен на Димче Коцо. - Скопје. 1975; Панов Б. Охрид и Охридската област во првите векови по словенската колонизација // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. - Кн. 4. - 1978; Прилеп и Прилепско низ историјата. Кн. 1. - Прилеп, 1971.

⁷³ Абаџиев Ѓ. Македонски революционери. - Скопје, 1950.

Национализам в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 --- 561 --- Воронеж, 2008

Национализам у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

«заповітні імена: Делчев, Петров, Санданські, Ацев»⁷⁴. Одним з таких «батьків нації» став Гоце Делчев. Македонські автори були схильні звести Делчева на вершину створюваного ними національного пантеону, але перед ними на цьому шляху стояли болгарські історики. На питання: «Чий Гоце Делчев?» македонські історики однозначно відповідали, що «македонський». Вони критикували ідеї болгарських авторів, що той був діячем болгарського революційного руху. Македонські інтелектуали з роздратуванням реагували на статті, що періодично з'являлися в болгарській пресі, про роль Г. Делчева в болгарській історії. Македонським авторам не подобалося те, що болгарські колеги описували його як «болгарського революціонера», не згадуючи про те, що той «боровся за македонський народ»⁷⁵.

Не дивлячись на полеміку з болгарами, македонські автори вирішили для себе асоціювати і ідентифікувати Делчева з Македонією. Тема Делчева стала однією з магістральних в македонській літературі. «Гоце» один з найбільш національно орієнтованих творів Радована Павловські. Делчев предстає як македонський національний діяч. Делчев в поемі Павловські говорить: «не смрт без слобода, не без Македонија» (немає смерті без свободи, без Македонії). Павловські агиографічно описує македонських діячів, вони предстають як «в убниците в слободата»⁷⁶. Делчев завжди ставився македонськими інтелектуалами на перше місце серед македонських діячів минулого. Сама Македонія розглядалася в першу чергу як «батьківщина Делчева», а, в другу чергу, як батьківщина «будь-якого з нас»⁷⁷.

Не менш важлива роль в культивуванні національної ідентичності, разом з використанням образів македонських історичних діячів, належала і підтримці ідеї того, що сучасні македонські автори є не тільки їх спадкоємцями, але і інтенсивно творять македонську національну ідентичність і культуру. Дійсно, вони були і творцями сучасної македонської літературної мови і тими, хто широко почав використовувати македонську в літературі,

---

⁷⁴ Тодоровский Г. К Родине // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. - С. 114.

⁷⁵ Чашуле К Чий е Гоце Делчев? // Политика. - 1967. - 26 јануари, - 5 февруари.

⁷⁶ Павловски Р. Гоце // **Kepeski P., Glumac B.** Антологија на современата македонска поезија. - S. 426 - 435.

⁷⁷ Тодоровский Г. К Родине // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. - С. 114.

політиці і науці⁷⁸. Перший роман на сучасній літературній («Сіло за семи ясенами») македонській мові вийшов в 1952 році⁷⁹. Ця особлива роль македонських письменників, своєрідних живих класиків, була очевидна не тільки в самій Македонії (де навколо них не виник культ, але склалася атмосфера пошани і шанування)⁸⁰, але і в решті югославських республік, критики яких відзначали стрімке зростання, починаючи з нульових стартових умов⁸¹. Коментуючи цю ситуацію, А. Спасов писав, що македонську культуру після другої світової війни «характеризує надзвичайно сильне прагнення надолужити упущений час, прискорити розвиток всього того, що не могло нормально і природно розвинутися через важкі історичні умови»⁸².

Як і в інших слов'янських країнах (наприклад, в Україні) в культивуванні національного пантеону взяли участь не тільки представники творчої інтелігенції, але і історики. Для останніх македонські діячі були особливо важливі, оскільки служили прикладом боротьби за створення національної македонської держави. Вони розглядалися як безпосередня персоніфікація історичного процесу в Македонії. Македонські історики створили особливий жанр агіографічних життєписів македонських діячів минулого. Симпозіуми і конференції, присвячені тим або іншим історичним фігурам, наприклад Джорче Петрову і П. Тошеву або Яне Санданські, стали звичної практикою в інтелектуальному житті Македонії⁸³.

З великими македонськими діячами минулого був пов'язаний ряд національних видавничих проєктів. Македонські інтелектуали видавали капітальні праці, присвячені життям і діяльності найбільш національно значущих фігур македонської історії. В цьому випадку Крсте Місиріков і Гоце Делчев були фігурами, звичайно, значущими, але дуже неоднозначними. Македонські історики створили декілька канонічних життєписів і біографій Гоце Делчева.

---

⁷⁸ Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. - Скопје, 1952; Конески Б. Мостот. - Скопје, 1945; Конески Б. Македонската литература во 19 век. - Скопје, 1952.

⁷⁹ Јаневски С. Село за седумте јасени. - Скопје, 1952.

⁸⁰ Георигиевски К. Македонскиот роман 1952 - 1982. - Скопје, 1983.

⁸¹ Ивановић Р. Портрети македонских писаца. - Цетиње, 1975.

⁸² Спасов А. Послератна македонска поезија // Македонска књижевност. - Београд. - 1961. - С. 162 - 163.

⁸³ Ристовски Б. Наце Димов. - Скопје, 1973; Ѓорче Петров и Пере Тошев (Симпозіум, Прилеп, 1971). - Скопје, 1974; Јане Сандански и македонското националноосвободителното движење (Симпозіум, Струмица), 1975. - Скопје, 1976.

Националізм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 563 - - - Воронеж, 2008

Националізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

Нерідко ці видання носили ювілейний характер⁸⁴. Що стосується Місирікова, в національному пантеоні він перетворився на одного з ідеологів створення незалежної Македонії. Якщо Делчев - батько революції, то Місиріков - фігура, більшою мірою, політична і навіть інтелектуальна. Інтерес і прояв уваги до цих фігур в середовищі македонських інтелектуалів мав циклічний характер. Хвиля публікацій про Місирікова захлеснула македонську пресу в 1960-е роки. У 1956 році вийшло одне з перших ювілейних досліджень про Місирікова. У 1966 і 1976 році (сорокаріччя і п'ятдесятиріччя смерті Місирікова) пройшли приурочені до ювілею наукові конференції. У 1966 році так само з'явилися два життєписи Місирікова, написані Б. Корубиним і Блаже Рістовські, в офіційному агіографічному дусі, де він був наділений всіма македонськими національними і політичними чеснотами⁸⁵.

Кращим кандидатом на національну канонізацію виявився Дімітрія Чуповскі. Він відповідав всім вимогам національної міфології: селянське походження, учасник македонського національного руху, активна публіцистична і перекладацька діяльність, боротьба за створення македонської державності. Публікації про нього в македонській пресі з'явилися в 1950-е роки⁸⁶. У 1970-е роки його образ прочитувався вже з однозначно національних позицій⁸⁷. Він підносився як теоретик національного руху, прихильник створення незалежної македонської держави. Образ Чуповскі був удвічі важливий, тому що значну частину життя він провів в Росії і СРСР. Він використовувався як символ македонсько-російської (і ширше македонсько-радянського) співпраці. Видання двотомного дослідження з додатком першоджерел, підготовлене дослідником його творчості відомим

---

⁸⁴ Андонов-Полјански Х. Гоце Делчев и неговото време. - Скопје, 1978; Гоце Делчев. 1872 - 1972. - Скопје, 1973.

⁸⁵ Андоновски Х. Крсте Мисириков // Културен живот. - 6 октомври. - 1961. - С. 25 - 26; Корубин Б. Јазикот на Крсте Мисириков. - Скопје, 1956; Крсте Мисириков. Научен собир посветен на 40-годишнината од смртта, Скопје 24 - 25 јуни 1966. - Скопје, 1966; Крсте Мисириков и национално-културниот развој на македонскиот народ от Ослобувањето. Реферати на симпозиумот во Скопје, 22 и 23 април 1975. - Скопје, 1976; Корубин Б. Крсте Мисириков. - Скопје, 1966. Ристовски Б. Крсте Мисириков. - Скопје, 1966.

⁸⁶ Абаџиев Ѓ. Македонски патриот и публицист Димитрија П. Чуповски // Нова Македонија. - 16. - октомври. - 1958. С. 8.

⁸⁷ Беличанец Т. Политичките идеи на Димитрија Павле Чуповски за слободата и државноста на македонскиот народ // Годишник на Правниот факултет во Скопје. - Т. 17. - 1973. - С. 505 - 522.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 564 - - - Воронеж, 2008

Национализм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

македонським істориком Блаже Рістовскі - вершина канонізації Чуповскі⁸⁸.

Історія була не менш важлива для македонських інтелектуалів в створенні національної ідентичності, ніж мова, література і місцеві місця пам'яті. Сама історіографія була своєрідним «містом пам'яті»⁸⁹. Історія була постійним джерелом культивування македонської національної ідентичності. Про роль історії писали і численні македонські інтелектуали, які вважали, що саме історія - джерело формування сучасної македонської нації і її національної ідентичності. У 1961 році македонські поети Р. Павловскі і Б. Джузел писали, що «у нас немає традицій, але у нас є минуле»⁹⁰. Саме в цьому минулому місцеві інтелектуали були схильні шукати доказу своїх національних концепцій.

Для підтримки македонської національної ідентичності місцеві інтелектуали почали масове видання джерел по різних періодах македонської національної історії. Без наукової бази історичних джерел, прихованої в архівах, доступної не тільки для дослідників, створення національної історії було неможливе. Македонські історики видавали історичні джерела протягом всього існування СР Македонії. Особлива увага ними надавалася публікації джерел по історії національного руху. Ці публікації були особливо важливі, оскільки більшість текстів була національна македонські маркірованою. Так були видані мемуари Дімітара Влахова⁹¹. Праці Крсте Мисірікова були видані македонською, російською і англійською мовами⁹². Публікація творів Гоце Делчева була одним з наймонументальніших проектів - вийшло шість томів⁹³. Крім робіт діячів національного руху були широко видані джерела по політичній і культурній історії, по модерної історії Македонії, про рух за незалежність Македонії, по історії македонської мови, про створення СР Македонії, про

---

⁸⁸ Рістовскі Б. Димитрија Чуповскі (1878 - 1940). Т.1 - 2. Скопје, 1978.

⁸⁹ Маловичко С.И. Историография как «участок памяти» (*lieux de memoire*): евроцентрические конструкты и следы социальной памяти в исторических нарративах // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. - Вып. 5. - Ставрополь. - 2004. - С. 22.

⁹⁰ Đurčinov M. Nova makedonska književnost 1945 - 1980. - Beograd, 1988. - S. 59.

⁹¹ Влахов Д. Мемоари. - Скопје, 1970.

⁹² Мисіриков К. За македонските работи. - Скопје, 1946, 1953; Мисіриков К. О македонских делах. - Скопје, 1974; Misirikov K. On Macedonian Matters. - Skopje, 1974.

⁹³ Гоце Делчев во шест тома / ред. Х. Андонов-Полјански. - Скопје, 1972.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 565 - - - Воронеж, 2008

Националізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

діяльність Антифашистських зборів в Македонії, про розвиток Македонії у складі Югославії в 1940-е роки і в пізніший період⁹⁴. Ці публікації були покликані довести не тільки легітимність Македонії, але і неминучість створення незалежної македонської держави.

Найважливішим проектом культивування і підтримки македонської національної ідентичності стало видання македонською (1981) і російською (1984) мовами двотомної збірки документів по історії боротьби македонського народу за незалежність і створення македонської національної держави. Редактором проекту став македонський історик Христо Андонов-Полянскі. Ця публікація стала найфундаментальнішим національним проектом, охоплюючи події від появи слов'янських поселень на Балканах до створення СР Македонії⁹⁵.

Укладачі збірки (Університет імені «Кирила і Мефодія» і Інститут національної історії) були явно національно орієнтовані, об'єднавши в одному виданні статuti і програмні документи македонських національних організацій з документами, що відображали положення македонців в Болгарії і Греції, що було претензією на об'єднання всіх македонських земель в рамках єдиної Македонії. Разом з тим, видання викликало нарікання, як в Болгарії, так і в Греції. З одного боку, місцевим історикам не сподобалося виключення Македонії з болгарського і грецького історичного процесів, а, з іншого боку, вони були проти видання документів, які ставили під сумнів права Греції (публікація текстів, де мовилося, що царі стародавньої Македонії були слов'янами) і Болгарії (критика великоболгарського націоналізму) на Македонію⁹⁶.

Разом з публікацією джерел, македонські інтелектуали докладали великі зусилля для написання історії Македонії. Створення великої історії Македонії стало одним з

---

⁹⁴ Македонија во XVI и XVII век. Документи от Царигородските архиви (1557 - 1664) / ред. Д. Шопова. - Скопје, 1955; Зборник на документи за создање на македонската државност (1893 - 1944) / ред. А. Христов. Скопје, 1970; Македонски текстови 10 - 20 век / сост. Б. Конески, О. Јашар-Настева. - Скопје, 1956; Зборник на документи од Антифашистичкото собрание на народотот ослобување на Македонија / ред. А. Христов, М. Тодоровски. - Скопје, 1964; Документи за создавањето и развитокот на НР Македонија (1944 - 1946). - Скопје, 1949; Зборник на документи за државно-правниот развиток на СМ Македонија (1945 - 1963). Т. 1 - 2. / ред. А. Христов. Скопје, 1970, 1973.

⁹⁵ Документи за борбата на македонскиот народ за самостојност и за национална држава.- Т. 1- 2. - Скопје, 1981.

⁹⁶ Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. - Т.1 - 2. - Скопье, 1984.

фундаментальних національних проєктів. Капітальні праці по історії, покликані довести, що македонці окрема нація з самобутньою культурою і мовою, були покликані стимулювати національну ідентичність, показуючи при цьому, що створення СР Македонія було історично неминучим явищем, доводячи і затверджуючи континуїтет історичних процесів. У написанні історії Македонії брали участь найбільші македонські історики. У 1951 році в рамках полеміки з грецькими істориками вийшла книга, присвячена Егейській Македонії в національній історії македонців⁹⁷.

У 1960 році македонською мовою вийшла двотомна «Історія македонського народу», в 1966 - дослідження по історії македонської державності, в 1970 - національно орієнтована монографія «З минулого македонського народу». В кінці 1960-х років вийшли роботи Х. Андонова-Полянські, І. Катарджієва, П. Стоянова. У 1978 році був реалізований один з найцікавіших проєктів культивування македонської національної ідентичності на історичній основі: книга «Македонія як природне і економічне ціле» стала реакцією на болгарське дослідження 1945 року, де болгарські історики прагнули довести, що Македонія історично повинна бути частиною Болгарії. Для популяризації македонського прочитання історії декілька праць було видавано англійською і російською мовою⁹⁸.

У середовищі македонських інтелектуалів панував метанаратив про те, що македонська історія національна, унікальна, неповторювана, а головне - безперервна. Тому, македонські автори нерідко писали про «македонський континуїтет». У їх свідомості македонська історія «в найменшій мірі історія, царів, королів, вельмож, династичної боротьби, завойовних воєн». На противагу цьому, македонська історія розглядалася ними як історія визвольних повстань і національного руху. Македонські інтелектуали вважали, що історія Македонії - унікальна складова частина історичного процесу в загальноєвропейській перспективі. Македонці

---

⁹⁷ Егејска Македонија во нашата национална историја. - Скопје, 1951.

⁹⁸ Историја на македонскиот народ. - Т. 1 - 2. - Скопје, 1960; Развитие на државноста на македонскиот народ. - Скопје, 1966; Из прошлости македонскогo народа. - Скопје, 1970; Андонов-Полянски Х. Историја на македонскиот народ. - Скопје, 1969; Катарџиев И. Историја на македонскиот народ. Скопје, 1969; Стојанов П. Историја на македонскиот народ. - Скопје, 1969; Македонија како природна и економска целина. - Скопје, 1978; Македонија како природно и стопанско цяло. - Софија: Македонски научен институт, 1945; Македонија и македонци в прошлом. - Скопје, 1970.

Национализм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 567 - - - Воронеж, 2008

Национализм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

підносилися македонською історичною наукою як єдина європейська нація, яка довше за інші народи боролася за свободу⁹⁹.

Друга складова частина наративу про особливий характер македонської національної історії полягає у визнанні тези про її революційний характер. Цей наратив був одночасно і реверансом у бік Белграда з КПЮ, з її революційними ідеями, і у бік СРСР, відношення якого до революції відоме. Цим самим, македонські автори прагнули забезпечити подвійну легітимність своєї національної ідентичності в очах, як центру, так і Москви. Тому, про повстання, революційній боротьбі писали багато, прагнучи показати ці події не тільки як соціальні, але і як саме македонські і національні. В даному випадку македонські інтелектуали зайвий раз діставали можливість зробити неприємне своїм болгарським колегам. Доводячи революційність македонців, вони як би підривали культивованій болгарською історіографією наратив про значну роль в історії Балкан саме болгарського революційного руху. З другого боку, вони неминуче викликали роздратування болгарських істориків, доводячи що Глінденське повстання - подія македонської історії, тоді як болгарські автори думали інакше, маркіруючи ці події соціальної і національної боротьби як історично і національно болгарські¹⁰⁰. Ще більше роздратування в болгарському академічному середовищі викликало вивчення македонськими істориками повстань македонського народу в XI столітті¹⁰¹, тоді як болгарські дослідники були схильні бачити Македонію того часу як складову частину болгарського історичного процесу, заперечуючи існування македонців як самостійної нації.

Історичне минуле Македонії було «обтяжене» античною спадщиною. Якщо македонські історики не були помічені в бажанні і спробах довести етнічно слов'янський характер античної Македонії, то історична спадкоємність в широкому культурному плані македонськими інтелектуалами у принципі не заперечувалася. Тому, більшість македонських досліджень по історії Македонії починалася з історії античної Македонії. Македонські поети так само зверталися до античної теми. У оспівуванні античності і античної спадщини було помічено

---

⁹⁹ Чашуле К. Македонската црква // Нова Македонија. - 1967. - 30 јули. - С. 2; Чашуле К. Запис за двата Илиндена // Комунист. - 1975. - 4 август; Чашуле К. Историја и политика // Комунист. - 1968. - 2 август.

¹⁰⁰ Пандевски М. Илинденското восстание во Македонија 1903. - Скопје, 1978.

¹⁰¹ Јовановиќ М. Востанијата на македонскиот народ во XI век. - Скопје, 1963.

багато македонських авторів. Анте Поповські філософськи осмислив античну спадщину у вірші «Шлюбний обряд Прометея». У творчій спадщині Славко Яневські є вірш «Орфей, який окам'янів». Богуміл Джузел - автор вірша «Троя»¹⁰².

Сприйняття історії в середовищі македонських авторів було завжди (більшою чи меншою мірою) національне марковано. Нерідко на першому місці в їх концептах стояла саме нація. Тому, особливу увагу македонські інтелектуали були вимушені приділяти тим аспектам минулого, які підкреслювали самозвеличання македонців, роблячи акцент на тому, що сусідні країни не визнавали історичні права македонців. Македонські інтелектуали неминуче зверталися до критики болгарської історіографії, яка прагнула довести, що «македонська нація не є результатом македонських повстань, героїчної боротьби, національно-визвольної боротьби, не є результатом перемоги македонської і югославської революцій». Македонські історики періодично критикували «великоболгарські націоналістичні позиції», великоболгарський націоналізм, великоболгарський шовінізм¹⁰³.

Навіть діяльність БКП нерідко оцінювалася як антимакедонська, а політика Дімітрова, як політика, спрямована проти створення Македонії. Для македонських істориків ідеї їх болгарських колег про те, що македонці не нація, а політична ідея, створена ворогами Болгарії, були неприйнятні і служили джерелом постійного роздратування, а політика НРБ відносно Македонії оцінювалася як однозначно «антимакедонська». Болгарська історіографія в македонській історичній літературі майже не признавалася. Вона розглядалася як осереддя «великоболгарського шовінізму і істерії»¹⁰⁴. На фоні такої відверто антиболгарської

---

¹⁰² Поповский А. Брачный обряд Прометея // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. - С. 157 - 158; Яневский С. Окаменевший Орфей // Навстречу солнцу. Македонская поэзия XIX - XX веков в русских переводах. - М. - 1997. - С. 73 - 74; Ѓузел Б. Троя // **Kepeski P., Glumac B.** Антологија на современата македонска поезија. - S. 462.

¹⁰³ Апостолски В. На великобугарски националистички позицији. - Скопје, 1979; Апостолски В. Современите аспекти на великобугарскиот национализам // Нова Македонија. - 1980. - 15 - 27 мај; **Koreni velikobugarskog šovinizma u odnosu na Socijalističku Republiku Makedoniju.** - Skopje, 1968; Митрев Д. БКП и Пиринска Македонија. - Скопје, 1960.

¹⁰⁴ Чашуле К. Запис за нацијата, литературата и обврските // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата. - С. 9 - 24; Чашуле К. Мостови за широка и најискрена балканска соработка // Нова Македонија. - 1969. -

Национализам в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - **569** - - - Воронеж, 2008

Национализм у Великий Східній Європі, С. 427 - 583.

спрямованості македонських інтелектуалів, відношення до Сербії і сербів було більш зваженим, хоча македонські історики періодично згадували про великосербські і колонізаторські аспірації відносно Македонії в Югославії 1920 - 1930-х років з боку сербської політичної еліти¹⁰⁵.

Якщо Болгарія дратувала македонських авторів, але була відносно терпима і етнічно близька, то етнічно неслов'янська Греція взагалі викликала лише негативні емоції. Перші публікації про нерівноправне положення македонського населення в Греції з'явилося ще в 1950-го роки. Пік антигрецьких настроїв в македонському інтелектуальному середовищі припав на 1970-е роки: роботи Р. Поплазарова, Т. Симовські, Х. Андоновські¹⁰⁶ прийняті більш націоналістичними ідеями, ніж науковим аналізом.

У етнічному і політичному плані післявоєнна Югославія перестала бути етнічно чистою сербською державою. Сербі були вимушені розділити владу з іншими народами. Проте, не дивлячись на декларування рівності націй, серби прагнули зробити сербськими політичні, партійний і державні структури. При цьому представники місцевих народів в керівництві республік зовсім не ждали повернення до довоєнних політичних норм і довоєнного типу міжетнічних відносин домінування сербів. Белград теж, у свою чергу, усвідомив, що словенці, хорвати, македонці, босняки не хочуть бути жертвами сербської асиміляції, а, навпаки, протистоять можливій асиміляції і зберігають свою ідентичність. Тому, їм дали можливість не тільки для вільного виразу, але і розвитку проявів етнічних і національних ідентичностей і самосвідомостей. Партійні еліти і місцеві інтелектуали в республіках оберігали свої власні національні ідентичності, які були, найтіснішим чином, пов'язані з місцевими національними історичними міфами.

Місцеві міфи підтримувалися і розвивалися на декількох рівнях, найважливішими з яких були місця пам'яті, національні класики і місцеве історичне минуле. Місця пам'яті утілювали минуле македонського народу. Збереження

---

20 юли. - С. 8; Чашуле К. За што, всушност, се работи? // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата. - С. 137.

¹⁰⁵ Апостолов А. Колонизацијата на Македонија во стара Југославија. - Скопје, 1966.

¹⁰⁶ Мојсов Л. Околу прашањето на македонското национално малцинство во Грција. - Скопје, 1954; Поплазаров Р. Грчката политика спрема Македонија во втората половина на XIX и почетокот на XX век. - Скопје, 1973; Симовски Т. Населени места во Егејска Македонија. - Скопје, 1978; Андоновски Х. Вистината на Егејска Македонија. Скопје, 1971.

Национализам в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 - - - 570 - - - Воронеж, 2008

Национализам у Великий Східній Європі, С. 427 - 583.

Ськопье, Прілепа і Охріда стало в сприйнятті македонських інтелектуалів матеріальним підтвердженням континуїтета македонської історії. У цій ситуації Охрид був місцевим македонським «святим градом» в македонській історичній пам'яті. З другого боку, список місць пам'яті не обмежувався тільки місцями, що географічно знаходилися на території Соціалістичної Республіки Македонії. Певні історично важливі і національно значущі місця в болгарській і грецькій Македонії так само уявлялись як македонські. Не будучи територіально інтегрованими до Македонії, вони все-таки інтелектуально усвідомлювалися і сприймалися як македонські об'єкти. Постійні роздуми македонських істориків, своєрідні історичні спогади про їх македонське слов'янське минуле лише підсилювали ці національні наративи в македонській свідомості.

Національні класики були не менш важливі, ніж місця пам'яті. У Македонії з ними склалася особлива ситуація. Якщо в інших слов'янських країнах на роль таких національних героїв, членів національного пантеону і батьків нації претендували королі, царі, письменники минулого, то македонці не перших, не других і не третіх майже не мали. За багатьма діячами середньовіччя міцно закріпився статус героїв сербської або болгарської історії і ревізія їх етнічній історичній приналежності була чревата науковими конфліктами з болгаро-сербськими сусідами. Що стосується македонців минулого, які писали, то македонськими письменниками, яких можна було б включити в національний пантеон, вони не були, оскільки македонська літературна мова виникає тільки після 1945 року. З другого боку, це звільняло македонських інтелектуалів від болісних дискусій як інтегрувати того або іншого автора в світогляд соціалістичного суспільства, якщо він жив в капіталістичному минулому. При цьому те, що майже всі македонські діячі брали участь в національній боротьбі, усвідомлюючи її як революцію, автоматично знімало питання про їх національну македонську легітимність.

Історія була широко використана при створенні і підтримці національної македонської ідентичності. Більшість істориків в Македонії розділяла націоналістичні погляди. Націоналізм історичної науки при цьому мав свої особливості. Він носив характер мирної македонської експансії в минуле. Якщо македонський національний рух був не в силах об'єднати всі македонські території у складі однієї македонської держави, то історики змогли їх історично македонізувати. Наукове македонське співтовариство розділяло негласні

правила, що при вивченні Пірінської і Егейської Македонії їх було треба вписувати в слов'янський македонський контекст. І хоча Салун був у складі Греції, його історія так само підносилася як македонська. Якщо ж мова заходила про античний період, то в даному випадку полеміка з грецькими істориками була неминуча. Хоча македонські історики не додавали античної Македонії слов'янського характеру, проте вони і не визнавали її за однозначно еллінську. Таким чином вони прагнули довести своєрідний континуїтет античній і слов'янській Македонії. У сфері нової і новітньої історії найбільші дискусії виникали з болгарами, що не визнавали македонців як націю. У такій ситуації історіографія Соціалістичної Республіки Македонія відносно Народної Республіки Болгарії, не дивлячись на схожість політичного устрою і будівництво соціалізму, була повна заявами про болгарський націоналізм, шовінізм і т.п.

Коментуючи зусилля націоналістів на шляхах створення національної історії Дж. Фрідмен стверджує, що будь-яка історія створюється ними в абсолютно конкретному історичному контексті і усвідомлюється як абсолютно певний проект, що розробляється ними. За словами дослідника цей національний проект переслідує ряд цілей, а саме: розвиток того або іншого національного «самозвеличання» і відділення своєї власної ідентичності з контексту сусідніх ідентичностей. Створюючи історію, націоналісти, за словами історика, нерідко використовують і міфічні конструкції, які служать маніпуляціям минулим для зміцнення національної ідентичності в теперішньому часі. При цьому конструювання історії несе в собі і сліди впливу соціальних позицій їх творців – в македонському випадку роль соціального чинника не викликає сумнівів, оскільки національні гасла нерідко були і національними. З даної причини, македонськими інтелектуалами був створений і культивувався особливий революційний романтизм¹⁰⁷.

Македонія і македонці стали вдалимими національними проектами. У їх рамках були зайняті численні македонські інтелектуали - історики і письменники. Це не означає того, що македонці - неприродна етнічна конструкція, якою вони нерідко сприймалися в сербському, болгарському і грецькому суспільстві. Це говорить про те, що серби, болгари і греки

---

¹⁰⁷ Friedman J. History, Political Identity and Myth // Lietuvos etnologija. - 2001. - No 1. - P. 41.

Націоналізм в Большой Восточной Европе, С. 427 - 583.

Воронеж, 2008 --- **572** --- Воронеж, 2008

Націоналізм у Великій Східній Європі, С. 427 - 583.

раніше склалися як уявні спільноти¹⁰⁸ і добилися створення своїх національних держав. Македонія може бути прийнята як уявлена спільнота лише в тому контексті, що вона більш сучасна, тому що національна ідентичність виникла і розвивалася в Македонії на очах сусідів, які у минулому самі претендували на те, щоб направляти етнічні процеси в Македонії в болгарському, сербському або грецькому напрямі.

Таким чином, національний проект в Македонії був одним з найуспішніших національних проектів післявоєнної Югославії. Він сприяв розвитку македонської національної ідентичності, він не був вільний від претензій до сусідніх націй. Будучи в значній мірі проектом інтелектуальним і, в меншій, політичним він привів до формування сучасної македонської національної ідентичності на науковій основі, що стало однією з гарантій мирного відділення Македонії від Югославії на початку 1990-х років. Разом з тим македонський проект не обмежувався лише тими аспектами, що розглянуті в цій статті і він повинен стати об'єктом нового наукового аналізу.

---

¹⁰⁸ Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму. Київ, 2001.

Націоналізм в Большой Восточной Европе, С. 427 – 583.

Воронеж, 2008 - - - **573** - - - Воронеж, 2008

Націоналізм у Великій Східній Європі, С. 427 – 583.

Иван СУХИВАНОВ

«СЕПТЕМВРИ» - ДРАМАТУРГИЯ НА БУНТА

"Еквилибристиката" между мироглед и поетика бе методологическия фундамент на определен вид критика, която си бе присвоила ключа към творчеството на Гео Милев: и тръгваше един "естествен" развой към "реализъм", увенчан с поемата "Септември"... Не се отчита например, че "модернизмът" е и светоглед, а възникващите тук и там противоречия са оставени за сметка на личността Гео Милев, способна да ги съвместява в опасна естетическа смес... Рецепцията на "Септември" задължително се пречупваше през фактурата на историческото събитие: в това изглежда се състоеше и "реализмът" – поемата като резонанс на Септември, 23-та... "Върховенството" на чрезвичайно изкривената реалност оправдаваше пък апокалиптичната визия във финала на поемата – именно като миметически спазъм... "Прочитът" на "фашисткия" съд, санкционирал съгласно ЗЗД автора на поемата, ни изглежда по-адекватен от множество интерпретации: вероятно съдът е открил нещо обезпокоително в творбата, сравнимо с имитативната магичност на един "обред" (революцията, в частност в Русия), нещо като драматургично раз-играване (в поемата) на една всепобеждаваща и неотменима революция, "подплатена" в случая с една "антропология" на бунта...

"Развой" обаче към реализъм не съществува: за това "свидетелства" поемата "Ад" появила се (хронологически) след "Септември"; в тази по-късна поема е актуализирана поетика сходна на "Септември". И в тази поема, както и в "третата" от т. нар. "революционни" поеми, "Ден на гнева", Гео Милев демонстрира характерното за него примесване на теоретично и художествено: по-точно изпреварващото (и като публикация) "акушерско" вместване на теоретичното: заемането на лексика от критическите му текстове (дори буквални изрази), както и от преводите, които поетът е съпреживявал и пр.... от друга страна това създава усещане за

манифестност на творбите, за сподавена нормативност. Както и усещането за еkleктика (в което поетът лесно би могло да бъде упрекат). Но по-точно би било, ако го наречем "живот-в-поетиката", за да изразим геомилевото "отношение" към литературата.

Въз основа на тези разсъждения може да се твърди: често в творчеството на Милев асоциациите "свързващи" различни художествени текстове са толкова мощни, че преминават през формалните "зидове", които "отчленяват" текстовете по скоро "календарно"... – в този смисъл си позволяваме да мислим "Септември" като част (фрагмент) от мащабен замисъл, в който се включват и другите две поеми ("Ад" и "Ден на гнева", като вероятно "Ад" предхожда като замисъл "Септември"...). Все в този смисъл "Септември" се явява крайна фаза на замислените и обявени в поемата "Ад": "осем кръга мъки – седем смъртни гряха и осем позорни престъпления на днешния свят." (Г. Милев). "Ад" е първата поема от "трилогията" "Божествена комедия" ("Ад-чистилице-рай"). Не е ли всъщност този замисъл на поета "есхатологически" сценарий за предстоящата революция? "Така адът в "Ад" е изтеглен тук, на земята, и така в края "Септември" се пророкува свалянето на небесния рай – отново тук на земята".(1) В едно геомилево изказване е зададен и режимът на прочит на поемите: "отхвърляне на всичко, което тежи върху човека като кървава случайност (съдба), на някакви неизвестни тъмни стихии, събрани в една сляпа фикция, наречена бог"(2). Друг е въпросът, че пост фактум върху прочита на "Септември" се налага историографската оптика, която "хипертрофира" фикционалния ѝ свят... Дори и в изследвания деклариращи намерение: да се "покаже някои най-общи принципи в изграждането на идейно-художествения свят, оставяйки настрана някои съдържателни аспекти..."(3) "историографското" виждане се вклинява и разцепва поемата на два плана: "Тези гледни точки не са могли да бъдат помирени... Така в единия случай се оформя един събитийно конкретен, документално достоверен пласт..."(4); и по-нататък: "Очевидно поетът не се опитвал да отстрани посочената раздвоеност" (5). Не се е опитвал, защото тя не съществува (освен в съзнанието на изследователя...). Всъщност двата "пласта" играят на една и съща сцена.

И не "реалността" (колкото нелепа и свирепа да е), и не някакво поръчение да възпее въстаналия народ, влияят върху изграждането на образния свят на поемата, а желанието

(блянът) на Гео Милев да се посвети на театралното изкуство, да режисира...

Кои са тези театрални "елементи", които преимуществено ни навеждат към различен прочит? Първо: хронотопът на поемата е "предрешен" в условната визия на сценичността: в този смисъл липсва необходимост, която да принуждава автора да "превключва" ту единия, ту другия "план" ("митологичния" и "събитийно конкретния"), според твърдението на Р. Коларов. "Митологично" и "събитийно" се репликират, но не чрез средствата на синтаксиса, а интонационно (декламаторския строй на поемата е подчертаван многократно, въпреки че "дисонансите", които накъсват мелодиката се основават на графиката, така че не може и дума да става за монолитна декламация)... това не са два "плана", а нека ги наречем два "модуса" на авторовата реч... "Митологичното" присъства като цитат, развявайки своята отявлена интертекстуалност... И това са пиеси, които Гео Милев е "поставял": ("Едип цар", "Електра"); превеждал: "Хамлет" ("какво е за него Хекуба?"); или посещавал (в Германия)... Митологичното изложение е непрекъснато апострофирано (репликирано) от гласа на някакъв невидим "режисьор": например - "Отечеството е в опасност", "Прекрасно / но що е отечество"; "Музо, възпей оня пагубен гняв на Ахила... Ахил бе грубата сила"; "Орест със Електра уби Клитемнестра – и загина..." Чрез тези "цитати" поетът сковава една драматургическа рамка, която споява отделните експресивни фрагменти... Дали пък поемата не разиграва "скрит сюжет", нещо като генерална репетиция на "Държавата и революцията" (т.е. "внос на революция"... на една "пиеса" вече "раз-играна" с успех в Петербург през 1917 г., а "отгласите" за триумфалния ѝ успех са пристигнали у нас именно като преводи на Г. Милев: (Маяковски, Блок)?... И прозвучалия въпрос: "Кой излъга нашата вяра?" не е реторичен, има се предвид революционните "водачи", които изоставят въстаналите селяни и предвидливо емигрират... (недоволството на пролетарската критика, че "организирания авангард" никакъв го няма в поемата, отговаря на историческата истина, агентурата на Москва буквално се е самоизнесла през тиха, бяла Дунава, след като е подлъгала "народа"...). Но както казахме поетът няма намерение да гради архитектурата, следвайки стихийния развой на септемврийското въстание, а да изобрази мащаба на метафизичния бунт в "народната душа" (от типа на този изобразен у Достоевски, най вече в nihilистичен аспект; тук

не бихме пренебрегнали и личностното влияние на анархиста Г. Шейтанов)... Би могло веднага да се възрази, че в текста присъстват твърде много "реалии", за да разглеждаме "Септември" като постановка - например прословутата топонимия: "Мъглиж, Стара и Нова Загора, Чирпан, Лом, Фердинанд, Берковица, Сарамбей (с поп Андрей) - градове и села " и т.н.; само че въпросните топоними бутафорно "стърчат" (като потьомкински села!) в текста, но вписани в една сценографска пейзажност – в случая уплътнена със спомената "документална " мистификация...; (а топонимията винаги регистрира, освен "географско" и историческо присъствие в дълбочина; в случая обаче второто е изличено от контекста... "Историята" символизира традиционното статукво, нещо, което предстои да бъде разрушено... срещу кого всъщност е насочен и изстрелът (самоубийствен?) на поп Андрей).

"Сценографски" са всички изображения от рода: "на нощта вкаменения свод", "хиляди черни ръце в кръга на вкаменения свод", "хиляди черни ръце – в червения кръг на простора", "бесилки разпериха черни ръце / привидения в мъртва мъгла" – екстатичност, наситена с театралност... "мизансценното" разпадане на народа (на статисти): "изпокъсани, гладни...", и т.н., "се спуснаха", "като отприщено стадо", но сякаш подчинени на невидимия режисьор (кукловод!)... който сякаш мимоходом маркира в режисьорския си "екземпляр" на текста: "Започва трагедията"!

Не е възможно да не забележим играта с осветлението (известно е, че Гео Милев е новатор и в тази насока - в използването на технически средства на сцената...): "Нощта се разсипа в блясъци...", "Слънчогледите погледнаха слънцето", "Блясна над родни Балкани.../ светкавица-гръм..."; и постепенно намаляне на "осветеността" след погрома: "там горе далечни и близки хълми потъмняха...", "нощта падна тъй ниско", "горящи села озаряват далече..." (ето ги пак потьомкинските декори !). Сценично е и движението на героите: "Първите (т.е. стъпващите срещу евентуалната публика) паднаха в кърви". Сценична видимост е налице и в епизода с екзекуцията на поп Андрей: "Попа стоеше огромен / изправен...". Откриваеми в поведението на поп Андрей са и реликтовите следи на една гостуваща постановка на МХАТ, оказала въздействие върху тогавашната духовна ситуация у нас: "Братя Карамазови". Образът на Иван Карамазов (изпълнен от големия руски актьор Качалов) задава в тогавашния културен контекст един нов биографичен архетип

- този на бунтаря (но бунтар, покриващ нормативите по Ницше...). Ето и впечатленията на самия Гео Милев: "Постановката на "Братя Карамазови" е сложена върху принципите на тъй наречения условен театър...", "така зрителят в театъра ГЛЕДА" (курсивът е на Г. М.); и по натам: "Зрителят чувства кошмарния ужас и съкрушението в романа на Достоевски: в душата на зрителя се разтваря бездна, огнена, изгаряща, очистителна: сцената е постигнала своята задача: това е задачата на сцената"... Ще отбележим, че Г. М. написва и отделно стихотворение за актьорската "игра" на Качалов. В тази връзка можем и да отбележим и нежеланието на доктринерската критика да "признае" поп Андрей за "типичен" революционер, ясно е, че неговия анархокомунизъм е инспириран вероятно от въпросната постановка: и ако тук направим една аналогия с "Братя Карамазови" – последният изстрел на епичния поп отправен към "храма", би съответствал на "връщането на билета" от Иван Карамазов; така и заклеимителното "Долу бог!" намира своето оправдание...

Финалът на поемата (който Е. Сугарев тълкува като "преобърнат апокалипсис") може да се разглежда като стоварване върху земята ("rrrrrrrrrrrrrrrrrrrr...жт-пляс!") на гигантската **Deus ex machine** на традиционния културен механизъм; машинарията е непоправимо дефектна (разкъсана е митогенната и трансмисия: "Септември ще бъде май!")...

След сакраменталното: "Земята ще бъде рай!" - остава раят да бъде "снет" (а добросъвестния театрал Гео Милев е маркирал дори и дейността на сценичните работници: "с въжета и лостове")...

Литература:

1. Сугарев, Едвин "Българският експресионизъм", С.1988 г.
2. Милев, Гео "Отворено писмо до г. Борис Вазов", сп. "Пламяк" II, стр. 5
3. Коларов, Радосвет "Структура на идейно-художествения свят в поемата на Гео Милев "Септември", Лит. Мисъл 1976 г., кн. 5
4. Пак там.
5. Пак там.

Статья Д. Айдачича «Књижевно обликовање представа о противнику у бугарско-српским ратовима» публикуется по: Дејан Ајдачић, «Књижевно обликовање представа о противнику у бугарско-српским ратовима». Исходное размещение статьи: электронная библиотека «Пројекат Растко». Адрес сайта: <http://www.rastko.org.yu> Раздел, посвященный Болгарии: <http://www.rastko.org.yu/rastko-bg/index.php> Адрес статьи Д. Айдачича «Књижевно обликовање представа о противнику у бугарско-српским ратовима» <http://www.rastko.org.yu/rastko-bg/umetnost/knjizevnost/studije/dajdacic-ratovi.php>

Статья Д. Айдачича «Социалистическата прослава на труда» публикуется по: Дејан Айдачич, «Социалистическата прослава на труда» Исходное размещение статьи: электронная библиотека «Пројекат Растко». Адрес сайта: <http://www.rastko.org.yu> Раздел, посвященный Болгарии: <http://www.rastko.org.yu/rastko-bg/index.php> Адрес статьи Д. Айдачича «Социалистическата прослава на труда» http://www.rastko.org.yu/rastko-bg/folklor/dajdacic-trud_bg.php Перевод с болгарского на сербский: Петко Христов. Первая публикация: Социализмът: Реалност и илзии. Етнологични аспекти на

всекидневната култура. - София, **2003**. - С. **249 - 256**.

Текст Атанаса Илиева «Конфликт между родным и чужим» печатается по: Атанас Илиев, «Конфликтът между родното и чуждото». Впервые опубликовано в **1926** году. Источник публикации: <http://www.litclub.com/library/kritika/atiliev/konfl.htm>

Текст Александра Балабанова «Болгария и классическая культура» печатается по: Александър Балабанов, България и класическата култура. Впервые опубликовано в **1937** году. Источник публикации: http://www.litclub.com/library/kritika/kl_kultura.htm

Работа Йована Цвиича «Анексија Боснии и Герцеговины: сербский вопрос» («Анексија Босне и Херцеговине и српско питање») печатается по: Јован Цвијић, Сабрана дела, Књига **3** (Том **I**): Говори и чланци / уред. акад. Радомир Лукић, одговорни уредник Михаило Малетић, Драгутин Ранковић. – Београд, **1987**. Впервые опубликовано в **1908** году.

Текст Дм. Гоцева «Новая национально-освободительная борьба» печатается по: Димитър Гоцев, Новата национално-освободителна борба във Вардарска Македония **1944-1991** (София,

Македонски научен институт,
1998). Текст доступен по адресу:
<http://macedoniainfo.com/bul/knigi/4/4/index.html>

Работа Николы Юрича «Прилог расправи о националном карактеру Боке Которске у садашњости и прошлости» публикуется по:
Никола Ј. Јурић, Прилог расправи о националном карактеру Боке Которске у садашњости и прошлости. – Београд, 1941

Работа Станоје Станоевича «История Боснии и Герцеговины» печатается по: Станоје Станојевић, Историја Босне и Херцеговине. Београд: Државна штампарија Краљевине Србије, 1909.

Текст Ђордана Иванова «Болгары в Солуне. Исторические заметки» печатается по: Ђордан Иванов, Българите в Солунско. Исторически бележки. Текст написан в 1934 году. Источник публикации:
http://www.kroraina.com/knigi/rami/j_ivanov_solunsko.html

Выступление Ст. Цанкова печатается по
http://www.kroraina.com/knigi/poklon/s_cankov.htm Стефан Цанков - доктор, протопресвитер, болгарский политический и культурный деятель. С речью, посвященной Македонии выступил 2 июля 1941 года.

Статья Йована Цвиича «О исељавању босанских мухамеданаца» публикуется по:
Јован Цвијић, О исељавању

босанских мухамеданаца // Књижевни гласник. – 1910. – 16. јуна.

Выступление болгарского политического и культурного деятеля проф. Ивана Снегарова «Делота на Климента Охридски» печатается по
http://www.kroraina.com/knigi/poklon/i_snegarov.htm Дата и место выступления: 2 июля 1941 года, Охрид.

Выступление Ивана Дуйчева «Прилеп в нашем прошлом» состоялось 4 июля 1941 года перед местными жителями в городе Придеп. Иван Дуйчев, Прилем в нашето минало. Печатается по:
http://www.kroraina.com/knigi/poklon/i_dujchev.htm

Выступление проф. Михаила Арнаудова, состоявшееся перед жителями Битола 4 июля 1941 года, печатается по: Михаил Арнаудов, Македония като българска земя.
http://www.kroraina.com/knigi/poklon/m_arnaudov.htm

Текст Георгия Господинова «Зеленые поля Венеции» печатается по: Георги Господинов, Зелените поля на Венеция.
<http://liternet.bg/publish/ggospodinov/stihove/zelenite.htm>

Текст Атанаса Коева «Трехстишия летние и осенние» печатается по:

Атанас Коев, Тристишия летни и есенни.

http://liternet.bg/publish17/at_koev/tristishia2.htm

Текст Славимира Генчев «Уборка во дворе Дебелянова» печатається по: Славомир Генчев, Разчистване на Дебеляновия двор.

<http://liternet.bg/publish7/sgenchev/razchistvane.htm>

Текст Антоанеты Добревой «Седое, желтое, лиловое, различное» печатається по: Антоанета Добрева, «Сиво, жълто, лилаво, различно»

http://liternet.bg/publish16/a_dobreva/sivo.htm

Стихи Ацо Шопова (1923 – 1982) печатаються по:

<http://slovoto.hit.bg/aco/>

Стихи Чедо Якимовски (1940 – 1989) печатаються по:

<http://slovoto.hit.bg/cedo/>

Статья Д. Айдачича «Кратак преглед фолклорних демона у бугарској књижевности» печатається по: Дејан Ајдачич, Кратак преглед фолклорних демона у бугарској књижевности. Исходное размещение статьи: электронная библиотека «Пројекат Растко».

Адрес сайта:

<http://www.rastko.org.yu> Раздел, посвященный Болгарии:

<http://www.rastko.org.yu/rastko-bg/index.php> Адрес статьи Д.

Айдачича «Кратак преглед фолклорних демона у бугарској књижевности»

<http://www.rastko.org.yu/rastko->

[bg/umetnost/knjizevnost/dajdacic-demoni.php](http://www.rastko.org.yu/rastko-bg/umetnost/knjizevnost/dajdacic-demoni.php)

Текст Александра Балабанова «Модерное и античное» печатається по: Александър Балабанов, «Модерно и антично». Впервые опубликовано в 1926 году.

Источник публикации:

<http://www.litclub.com/library/kritika/balabanov/moderno.htm>

Статья Милко Коса «История» публикується по: Милко Кос, Историја. Впервые опубликовано в 1927. Словеначка. Зборник. – Београд: Српска књижевна задруга, Штампарија «Златибор», 1927.

Рассказ Петра Денчева «Градовете на татко» печатається по: П. Денчев, «Градовете на татко». Впервые опубликовано в: Электронно списание LiterNet, 18.10.2008, № 10 (95). Страница материала:

http://liternet.bg/publish17/p_denchev/gradovete.htm

Статья Петра Динекова «Дело Вука Караџића и бугарска филолошка култура у другој половини XIX века» печатається по: Петър Динеков, «Дело Вука Караџића и бугарска филолошка култура у другој половини XIX века». Первая публикация: Динеков П. Дело Вука Караџића и бугарска филолошка култура у другој половини XIX века // Научни састанак слависта у Вукове дане. – 1972. - № 3. – С. 325 – 340. Исходное размещение

статьи: электронная библиотека «Пројекат Растко». Адрес сайта:

<http://www.rastko.org.yu> Раздел, посвященный Болгарии:

<http://www.rastko.org.yu/rastko-bg/index.php> Адрес статьи П.

Динекова

<http://www.rastko.org.yu/rastko-bg/folklor/pdinekov-karadzic.php>

Текст Ото Краншайнера «Распад Югославии и будущего македонского литературного языка» публикуется по: Ото Кроншайнер, Разпадането на Югославия и бъдъщето на македонския книжовен език (Късен случай на глототомия?).

http://macedoniainfo.com/bul/knigi/ik/ik_3.html

Текст Георгия Трайчева «Духовные качества македонских болгар» печатается по: Георги Трайчев, Духовните качества на македонските българи (Македонска библиотека № 7). – София: Печатница «Родопи», 1928).

Текст Ивана (Ванчо) Михайлова печатается по: Иван Михайлов, **Qua Vadis, Bulgaria** (Индианаполис, Печатница “Македонска трибуна”, 1937).

Статья Ивана Сухинова «"Септември" - драматургия на бунта» печатается по: Иван Сухинов, "Септември" - драматургия на бунта.

<http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=342&WorkID=14817&Level=1>

Текст Юлии Митевой «Идея языка в Македонском литературном кружке» печатается по: Митева Ю. Идеята за езика в Македонския литературен кръжок: естетически и идеологически аспекти.

<http://liternet.bg/publish8/iumiteva/ezika.htm>

Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений
Кафедра международных отношений и регионоведения
Центр изучения Центральной и Восточной Европы
Центр украинских исследований

Научное издание

НАЦИОНАЛИЗМ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
Хрестоматия оригинальных текстов и исследований
Составление, идея, проект:
М.В. Кирчанов

Воронеж
2008

394000, г. Воронеж, Московский проспект 88
факультет международных отношений

<http://ejournals.pp.net.ua>